ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 44-й

№ 1 (4391)

1 января 1973 г. ПОНЕДЕЛЬНИК

С НОВЫМ 73 ГОДОМ, ТОВАРИЩИ!

МЫ СТРОИМ СВОЕ БУДУЩЕЕ

Сергей НАРОВЧАТОВ

Семьдесят второй... Это был особенный год. Он прошел под знаком славного юбилея — 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик. Память о нем — в наших сердцах, в сверхплановых тоннах металла, километрах тканей, в шахтерских рекордах и невиданных темпах строек. Есть вещи, которые не могут спрогнозировать плановики и экономисты. И правда, как сосчитать резервы душевных сил человека? А именно эти силы, горячее желание внести свою лепту в общее дело открывали новые возможности там, где, казалось, уже все высчитано и выверено. И эти душевные силы неисчерпаемы, их становится все больше и больше, потому что все осознанней становится социалистический труд каждого рабочего, каждого колхозника, каждого интеллигента.

Год 50-летия еще раз показал единство всех советских народов в помыслах своих и делах, единство, которым так крепка и так горда наша страна. Это был год ответственного смотра советской науки, литературы и искусства. Это был экзамен, который мы держали перед партией, перед своей совестью, перед будущим нашего многонационального государства. И как же радостно, что этот экзамен мы выдержали — каждый советский человек и все вместе!

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Брежнев Л. И. в своем докладе на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1972 года говорил: «Сегодня мы уже с полным правом можем сказать: наша культура — социалистическая по содержанию, по главному направлению своего развития, многообразная по своим национальным формам и интернационалистская по своему духу и характеру. Она представляет собой, таким образом, органический сплав создаваемых всеми народами духовных ценностей.

И это, товарищи, не абстрактные формулы. Это сама жизнь. Уже сегодня в Туркмении или Молдавии десятки и сотни тысяч людей читают, знают и любят, как своих родных писателей, Пушкина и Шевченко, Горького и Маяковского, Шолохова и Твардовского, Федина и Стельмаха, а неотъемлемым достоянием культурного багажа русского или украинца стали древний и вечно юный эпос Шота Руставели, замечательные произведения Вилиса Лациса, Абая Кунанбаева, Чингиза Айтматова, великолепные стихи Янки Купалы, Самеда Вургуна, Расула Гамзатова, Эдуардаса Межелайтиса, Мустая Карима и многих, многих других».

Всю грандиозность преобразований в жизни братских республик, всю наступательную мощь научно-технической революции, происходящей в нашей стране, мы, литераторы, призваны отображать в своих произведениях. Об актуальности задач, которые художники должны решать в своем творчестве, шла речь на XXIV съезде КПСС. Им, этим задачам, было посвящено и памятное всем литераторам постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Минувший после его опубликования год был годом напряженной творческой работы для прозаиков, поэтов, критиков. Он принес много нового советской литературе. И, конечно, нам хочется, чтобы в 1973 году, когда будет праздноваться 80-летие со дня рождения В. В. Маяковского, появились бы новые произведения, достойные памяти замечательного поэта — трибуна и гражданина.

Подводя итоги года, каждый советский человек думает не только о своих собственных делах, но и о делах своих коллег и товарищей, о жизни всей страны, о том, что ожидает нас завтра. Мы привыкли ощущать свою ответственность за все, что происходит на свете.

Мы хотим, чтобы в новом году, рубеж которого мы только что перешагнули, на всей земле установился мир, чтобы стало чистым небо Вьетнама, чтобы был ликвидирован очаг войны на Ближнем Востоке. Мы не только хотим этого, мы немало трудимся для дела мира. Никогда еще не были так плодотворны усилия Советской страны в ее благородном стремлении смягчить международную напряженность.

Во всем этом, во внутренней и внешней политике нашего государства мы видим последовательное выполнение решений XXIV съезда КПСС.

...Мы отстояли свое настоящее с оружием в руках в годы Великой Отечественной войны, мы строим свое будущее, вдохновенным трудом претворяя в жизнь задания пятилеток, предначертания нашей родной ленинской партии.

Стремительно летит время, и все-таки мы успеваем за ним, потому что очень явственно ощущаем цену дням и часам. Посмотрите еще раз декабрьские газеты прошедшего года. Рапорты о трудовых победах, о выполнении сложных технических заданий раньше срока. Не потому, что мы просто спешим жить. А потому, что мы хотим жить именно так — ярко, значительно, отдавая всего себя до конца великому делу строительства коммунизма. Ибо это и есть счастье.

...Быстро пробежит год. И снова мы будем держать ответ перед собой и своей страной. Что принес год твоей жизни любимой Родине? Но это будет через двенадцать месяцев. А пока... Год ушел. Да здравствует Новый год!

ТЕЛЕГРАММА

СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Из сражающегося Ханоя шлют свои горячие, сердечные поздравления многонациональной семье советских писателей по случаю пятидесятилетия образования СССР вьетнамские писатели. Желаем многонациональной советской литературе дальнейшего процветания. Спасибо нашим друзьям, советским писателям, за активную поддержку борьбы нашего народа за независимость и свободу, против варварской агрессии американского империализма.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ВЬЕТНАМА

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ЧЕЛОВЕК. ЛИТЕРАТУРА

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ГАРМОНИИ

ДИАЛОГ: Ч. АЙТМАТОВ — Л. НОВИЧЕНКО

стр. 3, 5

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

М. ИСАКОВСКИЙ

А. СОФРОНОВ

Р. ГАМЗАТОВ

Е. ЕВТУШЕНКО

стр. 6–7

СНЕГУРОЧКИ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Фотоочерк

У МИХАИЛА ШОЛОХОВА

стр. 4

НОВОГОДНИЕ ОТКРЫТКИ

ПУСТЬ СОЛНЦЕ МИРА СВЕТИТ ДЛЯ ВСЕХ ДЕТЕЙ ЗЕМЛИ

Николай ЖУКОВ

С НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

Жан ЭФФЕЛЬ

«ЛГ»

НОВЫЕ РУБРИКИ

- ВСТРЕЧИ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ
- ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ ТЕМУ
- АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА
- НАУКА И БУДУЩЕЕ
- ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА
- НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

1973

ЭВМ

СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ВСЕГДА...

стр. 12–13

ДУХОВНОЕ БОГАТСТВО БРАТСКИХ НАРОДОВ

50 ЛЕТ СССР

Председатель Совета Министров РСФСР М. С. СОЛОМЕНЦЕВ отвечает на вопросы главного редактора «Литературной газеты»

ВОПРОС. Выступая на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил, что ускоренное экономическое, культурное и социально-политическое развитие национальных окраин стало возможно «только на основе большой и всесторонней помощи угнетенным в прошлом нациям и народностям со стороны более развитых районов страны и прежде всего со стороны русского народа, его рабочего класса.

Такая помощь, готовность идти на огромные усилия и, скажем прямо, на жертвы во имя преодоления отсталости национальных окраин, их ускоренного развития была завещана пролетариату России Лениным как высокий интернациональный долг. И русский рабочий класс, русский народ этот долг с честью выполнили. По существу это был славный подвиг целого класса, целого народа, совершенный во имя интернационализма. И его, этот подвиг, никогда не забудут все народы нашей Родины».

Не могли бы вы в связи с этим рассказать о том, как складывались и развивались братские отношения между русским народом и другими нациями и народностями нашей страны?

ОТВЕТ. Всенародное празднование 50-летия образования СССР явилось яркой демонстрацией нерушимой дружбы советских народов, которые в братском Союзе республик достигли небывалого расцвета во всех областях материальной и духовной жизни. С чувством гордости за нашу Родину, за ленинскую партию восприняли советские люди доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, в котором глубоко и всесторонне раскрыта гигантская работа партии по созданию и укреплению Союза ССР. Леонид Ильич Брежнев проникновенно говорил и о достижениях Российской Федерации, о вкладе нашей республики в общее дело коммунистического строительства, о роли русского народа, и прежде всего рабочего класса, в упрочении многонационального нашего государства.

Эта высокая оценка волнует и радует рабочих, крестьян, интеллигенцию Советской России, многомиллионный русский народ, воодушевляет их на новые замечательные дела во славу нашей великой Родины.

В. И. Ленин определил выдающуюся роль великорусского пролетариата в осуществлении социалистической революции. И в период подготовки штурма царизма, и в дни Великого Октября, и в тяжелые годы гражданской войны российский пролетариат выступал организующей силой, сплачивая вокруг себя трудящихся всех национальностей в борьбе за свержение власти капиталистов и помещиков, за социалистическое переустройство жизни. Именно поэтому свое будущее многие народы связывали с народами России, с революционной борьбой российского рабочего класса. Сегодня нельзя читать без волнения документы тех дней. «Над могилами рабочих и крестьян России, павших за волю украинского крестьянина, запечатлевается на веки веков свободный союз вольного украинского трудового народа с вольными российскими рабочими и крестьянами», — говорилось в воззвании «С русским народом на веки веков!» Всеукраинского революционного комитета 11 декабря 1919 года. «Весь туркменский народ, являющийся трудовым народом, приветствует в Вашем лице всю Великую Российскую революцию и всех рабочих и крестьян», — обращались в 1920 году к В. И. Ленину участники Первого съезда представителей народа Туркмении. «Мы заявляем, что без РСФСР существовать не сможем», — писали пятьдесят лет назад крестьяне одного из уездов Азербайджана.

Российская Федерация послужила ядром, вокруг которого создавалось многонациональное социалистическое государство. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» говорится: «Всем советским республикам, созданным в ходе революции народами бывшей царской России, было присуще естественное стремление к федеративному объединению. Вступив на путь построения социализма, они все теснее сплачивались вокруг Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, которая явилась своего рода прообразом Союза ССР».

В ходе социалистического строительства ярко проявились дружба и братство всех советских народов. Трудно назвать такую республику, которая не получала бы братской помощи со стороны РСФСР. И также трудно назвать республику, которая со своей стороны не оказывала бы соответствующей помощи Советской России. С помощью русского и других братских народов отсталые прежде национальные окраины страны развивались ускоренными темпами, и их достижения стали гордостью всех советских людей.

Нападение фашистской Германии явилось суровой проверкой прочности братского союза народов СССР. «В дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белоруса и украинца — ворвался германский басмач, — писали узбеки на фронт своим землякам. — Но дом русского — также и твой дом!.. Ибо Советский Союз — дружная семья, где каждый живет хотя и в своем доме, но двор и хозяйство едины и неделимы». Дружба наших народов явилась одним из важнейших источников могущества СССР, его победы в Великой Отечественной войне.

Дружба советских народов породила такие силы, которые позволили за короткий исторический срок построить развитое социалистическое общество и успешно двигаться к коммунизму. Примечательно, что все союзные республики получили ускоренное развитие. В их числе и Российская Федерация. Сбылась ленинская мечта создать «действительно могучую и обильную Русь». Сегодня Российская Федерация — мощная индустриальная республика. Она дает более 80 процентов общесоюзной добычи нефти, около 60 процентов электроэнергии, свыше половины угля, проката, стали, почти половину чугуна. Республика является крупным производителем товаров народного потребления, сельскохозяйственной продукции.

В докладе товарища Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» отмечено, что для хозяйственного развития Российской Федерации потребовалось приложить усилия по разным направлениям. Это — быстрый прогресс уже сложившихся центров и районов республики, которые играли и продолжают играть роль основной базы, обеспечивающей движение вперед всего советского общества. Это — преодоление отсталости значительной части республики, причем одновременно решались сложные национальные проблемы, унаследованные от прошлого. Это — освоение громадных территорий Сибири, Дальнего Востока и Севера. Трудящиеся РСФСР, подчеркивается в докладе, с честью справились с этими большими задачами.

Дальнейшее развитие получает хозяйство Российской Федерации в текущей пятилетке. Объем промышленного производства за пять лет возрастет на 47 процентов, осуществляется большая программа капитального строительства, принимаются меры по улучшению размещения производительных сил, совершенствованию территориальных пропорций и экономических связей.

Народное хозяйство РСФСР и других союзных республик составляет единый комплекс, в котором обеспечивается гармоничное развитие экономики всей страны и каждой республики в отдельности.

Делом всех советских людей явилось создание крупнейших индустриальных центров, промышленных гигантов в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Молдавии, республиках Прибалтики, Средней Азии, Закавказья, величайших в мире электростанций, каналов, ожививших безводную пустыню. Представители всех национальностей осваивают природные богатства Сибири, поистине интернациональной стройкой стал ныне КамАЗ. Посланцы братских республик поднимали целину, создавая новую житницу страны.

Дружба народов, их равноправие широко демонстрируются всей жизнью нашего общества. Об этом, в частности, ярко и убедительно говорилось в опубликованных в минувшем году на страницах «Правды», «Известий», «Литературной газеты» материалах о развитии союзных республик. Эти материалы содержат яркие примеры всестороннего расцвета экономики и культуры каждой республики, входящей в состав СССР. В нашей стране нет и не может быть места национальному угнетению, попранию прав того или иного народа. Ликвидировав систему эксплуатации человека человеком, советский строй устранил социальную основу национального неравенства.

Решению партией большевиков национального вопроса в Советской России способствовало объединение всех наций и народностей — а их насчитывается более ста — в рамках единой федерации. Существующие формы государственных и административно-территориальных образований обеспечивают свободное экономическое, политическое и культурное развитие национальностей, населяющих территорию РСФСР, и их объединение в одну дружную семью.

Только два примера. Не так давно мне довелось быть в Якутской автономной республике. В прошлом это был край почти сплошной неграмотности. Ныне здесь семьсот с лишним школ, средних специальных учебных заведений и профессионально-технических училищ; Государственный университет, на семи факультетах которого обучаются свыше шести тысяч студентов; филиал Академии наук с научно-исследовательскими институтами; театры и музеи; многотысячными тиражами выходят книги, газеты и журналы. Это ли не замечательное подтверждение великой силы и мудрости ленинской национальной политики!

Или другой факт. Он символизирует коренные перемены в культурной жизни Советской Татарии. За сто лет дореволюционного существования Казанского университета в нем получили образование только шесть татар. Ныне этот университет ежегодно дает стране около 500 специалистов коренной национальности Татарской АССР.

Расцвета культуры достигли все народы, живущие в Российской Федерации. Но особенно впечатляющи успехи малых народностей, до революции находившихся на грани вымирания, а за годы Советской власти совершивших скачок от патриархальной и феодальной отсталости к прогрессу, от неграмотности и бесписьменности — к современной литературе и искусству. И когда сегодня в парижских концертных залах выступает корякский ансамбль «Мэнго» с Камчатки, наглядно видно, какие возможности создает социализм для культурного развития всех наций и народностей.

Было время — и не столь отдаленное, с точки зрения исторических категорий, — когда народы окраин бывшей царской России, опираясь на братскую помощь трудящихся более развитых районов страны, закладывали под руководством Коммунистической партии основы своей государственности, социалистической экономики, культуры. Именно коммунисты несли народам национальных окраин марксистско-ленинскую идеологию, экономический прогресс, свет знания. Достаточно вспомнить ту огромную роль, которую сыграли рабочие-двадцатипятитысячники в социалистическом переустройстве села. Или то значение, которое имели институты трудящихся Востока и народов Севера для подготовки национальных кадров. В вузах России получили образование первые учителя, врачи, инженеры — дети народов, забытых и забитых в прошлом. Всесоюзной кузницей кадров стали университеты и институты Москвы и Ленинграда.

Ранее отсталые нации и народности достигли ныне столь высокого прогресса в развитии индустрии, сельского хозяйства, науки, образования, литературы и искусства, что их передовой опыт входит во всесоюзную сокровищницу, становится достоянием всех народов, в том числе и русского. В нашей действительности находят практическое воплощение слова Маркса о том, что «всякая нация может и должна учиться у других».

Во взаимной помощи, в братском сотрудничестве народы СССР видят свой высокий интернациональный долг. Постоянно ощущая внимание и заботу Центрального Комитета КПСС, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция Российской Федерации самоотверженно трудятся над претворением в жизнь исторических решений XXIV съезда партии.

Вступая в 1973 год, трудящиеся РСФСР, как и все советские люди, не пожалеют сил для того, чтобы задания третьего, во многом решающего года пятилетки были успешно выполнены. Интернациональное единство советских людей, их взаимная помощь являются залогом наших дальнейших побед в коммунистическом строительстве.

ВОПРОС. В своих интервью, опубликованных в юбилейном году на страницах «Литературной газеты», первые секретари ЦК компартий союзных республик отмечали огромное значение русской культуры для развития литературы и искусства всех народов Советской страны. В духовной жизни нашего общества стали закономерными расцвет, сближение и взаимообогащение культур социалистических наций и народностей. Расскажите, пожалуйста, о том, как русскую культуру обогащают ее тесные интернационалистические связи с культурой других советских республик.

ОТВЕТ. Действительно, огромное значение русской культуры отмечается всеми народами нашей страны. Об этом убедительно говорилось и в выступлениях первых секретарей центральных комитетов компартий союзных республик на страницах «Литературной газеты». Вместе с тем необходимо сказать, что и русская культура развивалась и развивается в неразрывной связи с культурой других народов.

Если оглянуться назад, в историю, то не трудно увидеть, что передовая русская литература и искусство никогда не были обособлены от культуры других народов. Их связи имеют глубокие корни и своими истоками уходят в далекое прошлое.

Все, кто являлся истинным выразителем дум русского народа, его стремлений и чаяний, кто не хотел и не мог дышать в затхлой мгле «темного царства» самодержавия, — все они видели будущую Россию свободной и процветающей только в дружной семье наций, ее населяющих. Таковы были взгляды и декабристов, и революционных демократов, и классиков литературы, и корифеев науки. Достаточно вспомнить, с какой любовью относился А. С. Пушкин к Украине, Молдавии, Грузии, с каким вниманием он всматривался в их самобытную и яркую культуру, восхищаясь ее поэтичностью и красотой. Испытав величайшее вдохновение от встречи с Кавказом, «муза Пушкина, — по выражению В. Г. Белинского, — как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем...».

Но если общение национальных культур в условиях старой России происходило вопреки воле царизма и его помещичье-полицейского государственного аппарата, насаждавших шовинизм и национальную рознь, то какой бесконечный простор для подлинно братских духовных связей открылся после победы Октябрьской социалистической революции!

Весь путь борьбы и созидания, пройденный народами нашей страны со дня образования Союза ССР, подтверждает, что социализм, обеспечивая на деле всесторонний расцвет наций, в то же время необычайно ускоряет их сближение.

Сегодня уже невозможно представить духовную жизнь Советского Союза без всего многообразия почерков, которые проявляются в культуре разных народов, без достижений литературы и искусства автономных республик. Лишь за последние 15 лет почти 9,5 тысячи литературных произведений народов нашей страны переведены на русский язык и таким образом обрели вторую жизнь. Общий тираж их достигает 530 миллионов экземпляров. Перевод поэзии, прозы и драматургии братских народов на русский язык расширяет читательскую и зрительскую аудитории, вводит эти произведения в арсенал русской культуры, способствует ее обогащению.

Я хотел бы особо подчеркнуть, что больших успехов достигли литература и искусство шестнадцати автономных республик, всех автономных областей и национальных округов, входящих в состав РСФСР.

Творчество писателей автономных республик, областей и округов органично вливается в общероссийский литературный процесс. В словах башкирского поэта, заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Мустая Карима: «Не русский я, но — россиянин» — прекрасно выражено духовное единство разноязыких народов Российской Федерации.

Интенсивный процесс взаимного влияния и обогащения характерен для всех видов искусства.

Это красноречиво подтверждает репертуар наших театров. Около четырехсот спектаклей, идущих в текущем сезоне на театральной сцене РСФСР, поставлены по пьесам драматургов национальных республик — союзных и автономных. Совместная творческая работа писателей, режиссеров, актеров способствует плодотворному решению идейно-эстетических проблем. В Москву, Ленинград и другие города России ежегодно приезжают на гастроли десятки национальных художественных коллективов — столичная сцена всегда открыта для них. В минувшем празднике «Московское музыкальное лето» участвовали государственные симфонические оркестры Азербайджанской, Литовской, Молдавской ССР, Днепропетровской филармонии, хоровые капеллы Армении и Белоруссии, вокально-инструментальный ансамбль Грузии, артисты Узбекистана, Туркмении, Дагестана. Большой интерес вызвала выставка произведений художников всех автономных республик РСФСР, прошедшая в Центральном выставочном зале в Москве. Произведения искусства, независимо от того, в какой республике или области они рождены, составляют общее эстетическое богатство советского народа.

Взаимному обмену художественным опытом способствуют Дни литературы и искусства братских республик в Российской Федерации и ответные поездки наших писателей и мастеров искусств. Выступления перед трудящимися городов и деревень РСФСР художественных коллективов Украины, Белоруссии, Казахстана, Армении и других республик, поездки наших деятелей литературы и искусства на Украину, в Литву, Таджикистан, Латвию, Молдавию, Азербайджан неизменно превращались в праздник дружбы и братства советских народов.

Русская советская культура, верная ленинским принципам социалистического интернационализма, вбирает все лучшее, передовое и прогрессивное, что создано великими мыслителями и художниками прошлого и нашими современниками всех национальностей. Вспомним, например, слова А. М. Горького о том, какое потрясающее впечатление произвел на него Сулейман Стальский и с какой страстью призывал великий пролетарский писатель беречь людей, способных создавать такие жемчужины поэзии. А. Н. Толстой преклонялся перед грузинской культурой, сравнивая ее со сказочным кладом. А. А. Фадеева восхищал Коста Хетагуров, выдающийся поэт осетинского народа. В братской семье советских народов расширилась тематика русской литературы, новыми красками обогатилась ее художественная палитра.

Советские люди всех национальностей разделяют слова украинского поэта М. Рыльского: «Мы низко кланяемся нашему Пушкину, нашему Шевченко». Нам так же дороги Низами и Руставели, Рудаки и Навои, Райнис и Туманян, Янка Купала и Абай Кунанбаев и многие другие художники, творчество которых обогатило культуру нашего Отечества.

Советская социалистическая культура по природе своей интернациональна. Это — естественное выражение ее содержания, основанного на самой передовой в мире идеологии рабочего класса, идеологии марксизма-ленинизма. Расцвет, сближение и взаимообогащение духовной жизни наций в наше время — процесс многосторонний и глубинный. Он происходит в самых разнообразных формах и органически вплетается в нашу жизнь, которая становится богаче, содержательнее и ярче.

В докладе на юбилейном торжественном заседании Леонид Ильич Брежнев отметил: «В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие, интернационалистические черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда».

ВОПРОС. На всех этапах становления и развития многонационального социалистического государства большую роль в формировании коммунистического мировоззрения, высоких нравственных качеств советских людей играла русская советская литература. На проникнутых идеями советского патриотизма и пролетарского интернационализма произведениях М. Горького и В. Маяковского, А. Серафимовича и Н. Островского, М. Шолохова и А. Фадеева, многих других советских писателей воспитывались целые поколения граждан нашей страны. Как, по вашему мнению, современная русская литература продолжает и развивает эти замечательные традиции, какой вклад вносят писатели Российской Федерации в великое общенародное дело коммунистического строительства?

ОТВЕТ. Трудно переоценить роль, которую играет в духовной жизни нашего народа, в воспитании человека нового коммунистического мира, в утверждении идей великого интернационального братства народов Страны Советов многонациональная советская литература. Сбылись слова В. И. Ленина о свободной и открыто связанной с пролетариатом литературе: «Это будет... — указывал В. И. Ленин, — свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

В эти праздничные юбилейные дни, оглядывая пройденный путь, мы с благодарностью отмечаем тот неоценимый вклад, который внесли в развитие всей советской литературы М. Горький и В. Маяковский. Они стали теми первыми художниками нового революционного мира, у которых идеи коммунистической партийности, советского патриотизма и пролетарского интернационализма оказались слитыми, спаянными воедино в их творчестве и всей литературно-общественной деятельности.

Это позволило М. Горькому впервые в мировой литературе создать образ «человека партии» — коммуниста, убежденного в том, что победа пролетарской революции сделает Россию самой яркой демократией земли.

Это позволило В. Маяковскому в своих стихах и поэмах с такой идейно-художественной силой выразить чувство высочайшей гражданственности и патриотизма советских людей, их любовь к своему социалистическому Отечеству.

С чувством глубокого удовлетворения мы можем смело сказать, что замечательные революционные традиции основоположников социалистического реализма — Горького, Маяковского и других зачинателей советской литературы — живут сегодня в произведениях современных российских писателей.

Продолжает обогащать нашу литературу старшее поколение писателей — К. Федин, М. Шолохов, Н. Тихонов, Л. Леонов, М. Исаковский, М. Шагинян, В. Катаев, А. Сурков, С. Щипачев.

Вместе с ними успешно работают во всех литературных жанрах писатели, чей путь в литературе начался в предвоенные годы, в период Великой Отечественной войны и в годы мирного созидания. Хотелось бы назвать здесь прежде всего имена М. Алексеева, А. Барто, Ю. Бондарева, Д. Гранина, Н. Грибачева, М. Дудина, С. Залыгина, В. Кожевникова, М. Луконина, Г. Маркова, Л. Мартынова, С. Михалкова, С. Наровчатова, С. Орлова, Б. Полевого, Р. Рождественского, С. Сартакова, К. Симонова, В. Федорова, А. Чаковского. Невозможно перечислить всех мастеров пера Советской России — прозаиков, поэтов, драматургов, сценаристов, — чье творчество пользуется высоким признанием наших взыскательных читателей и служит боевым оружием партии в огромной работе по формированию нового советского человека.

Мы свято бережем память об А. Гайдаре, М. Джалиле, Ю. Крымове, В. Ставском и о многих других прозаиках и поэтах, отдавших жизнь в боях за наше Отечество. Нам бесконечно дороги имена недавно ушедших от нас выдающихся писателей и поэтов А. Твардовского, А. Прокофьева, Л. Соболева, Я. Смелякова.

Высокие идеалы коммунизма находили и находят отражение в книгах писателей Российской Федерации, отмеченных жизненной правдой, проникнутых пафосом исследования и утверждения современности.

Взаимообогащение литератур братских народов — наиболее характерная особенность современного литературного процесса. «Вызывает большое удовлетворение, — говорил с трибуны XXIV съезда КПСС Л. И. Брежнев, — тот факт, что плодотворное развитие литературы и искусства происходит во всех наших республиках, на десятках языков народов СССР, в ярком многообразии национальных форм». Это рельефно видно на примере многонациональной российской литературы. Художественные произведения ныне создаются на 42 языках народов Российской Федерации. В нашей стране и далеко за ее пределами известны имена крупных мастеров, работающих в автономных республиках и областях РСФСР. Это — аварец Р. Гамзатов, якут С. Данилов, башкир М. Карим, кабардинец А. Кешоков, балкарец К. Кулиев, калмык Д. Кугультинов, татарин Зaки Нури, чуваш Я. Ухсай и другие. Весьма примечательно для нашего времени, что лишенные в прошлом письменности малые народы Севера выдвинули в условиях социализма таких талантливых литераторов, как Ю. Рытхэу, Ю. Шесталов, Г. Ходжер. Немалая заслуга в развитии национальных литератур принадлежит нашим мастерам художественного перевода, бережно доносящим до самых широких кругов читателей многоцветный талант национальных писателей.

Давно ушло в прошлое понятие «литературная периферия». Не только в Москве и Ленинграде, но и во многих краях и областях плодотворно работают самобытные писатели, завоевавшие самое широкое признание: в Ростове — В. Закруткин и А. Калинин, в Вологде — В. Астафьев и В. Белов, в Саратове — Г. Коновалов и Н. Шундик, в Новосибирске — А. Коптелов и Л. Решетников, в Магнитогорске — Б. Ручьев, в Воронеже — Г. Троепольский, в Курске — Е. Носов, в Иркутске — В. Распутин и многие другие.

Характеристика литературной жизни современной России была бы далеко не полной, если не сказать о том, какое большое влияние оказывают на нее писательские отряды всех союзных республик. Сотни произведений писателей братских народов ежегодно издаются в переводе на русский язык отдельными книгами, в альманахах и журналах, становятся достоянием культуры и Российской Федерации. Читатели России любят произведения М. Стельмаха и М. Бажана, О. Гончара и Ч. Айтматова, М. Турсун-заде и П. Бровки, К. Яшена и Я. Судрабкална, М. Танка и Э. Межелайтиса, Б. Кербабаева и Н. Абашидзе, Зульфии и М. Ибрагимова, С. Капутикян и И. Мележа, Г. Мусрепова и многих, многих других писателей братских союзных республик.

В лучших произведениях писателей России, отмеченных Ленинскими премиями, Государственными премиями СССР и РСФСР, широким народным признанием, как и в произведениях других братских республик, воскрешается великое революционное прошлое нашего народа, этапы его борьбы за власть Советов, правдиво и ярко предстает героическая современность. С ленинских позиций партийности и народности, исходя из творческих принципов социалистического реализма, создают наши писатели книги, главный герой которых — советский народ, воплощающий в реальность вековую мечту человечества — коммунизм.

В жизни нашего общества ведущей силой был и остается рабочий класс. Писателями Российской Федерации создано за последние годы немало хороших книг о советском рабочем человеке, о людях колхозного села, их трудовых подвигах. Вместе с тем надо сказать, что эта тема еще ждет более углубленного решения в литературе.

Мы живем в эпоху небывалой научно-технической революции, которая в условиях социалистической действительности несет величайшие блага народу. На наших глазах рождается новый герой социалистической эпохи, современный рабочий, человек труда, которого не знала история, человек непоколебимой коммунистической убежденности и нравственной чистоты, больших знаний, высокой культуры. Художественно ярко воплотить масштабный образ такого героя — какая это прекрасная и благородная задача!

Коммунистическая партия уделяла и уделяет большое внимание советской литературе, той роли, которую она играет в жизни общества. В решениях XXIV съезда КПСС, в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» поставлены важные проблемы дальнейшего развития советской литературы, повышения ее идейно-художественного уровня. Эти указания партии являются боевой программой действий для всей писательской организации России.

Советский народ высоко ценит труд писателей — поэтов и прозаиков, любит и гордится ими. В их творчестве трудящиеся нашей страны ищут ответы на многие проблемы современности. Литературные образы служат примером в труде и борьбе, вдохновляют советских людей на ратные и трудовые подвиги. Во все времена советское общество окружало и окружает своих писателей неустанной заботой и вниманием, стремясь создать наилучшие условия для того, чтобы как можно ярче раскрылся их талант, чтобы рос вклад писательского цеха в сокровищницу духовных ценностей.

Наши читатели ожидают от писателей Российской Федерации новых книг, достойных великой эпохи, в которую мы живем. И сейчас полностью сохраняет свою актуальность завет Горького о том, что советская литература должна быть героического, правдивого, впечатляющего слова.

В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ КПСС И СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

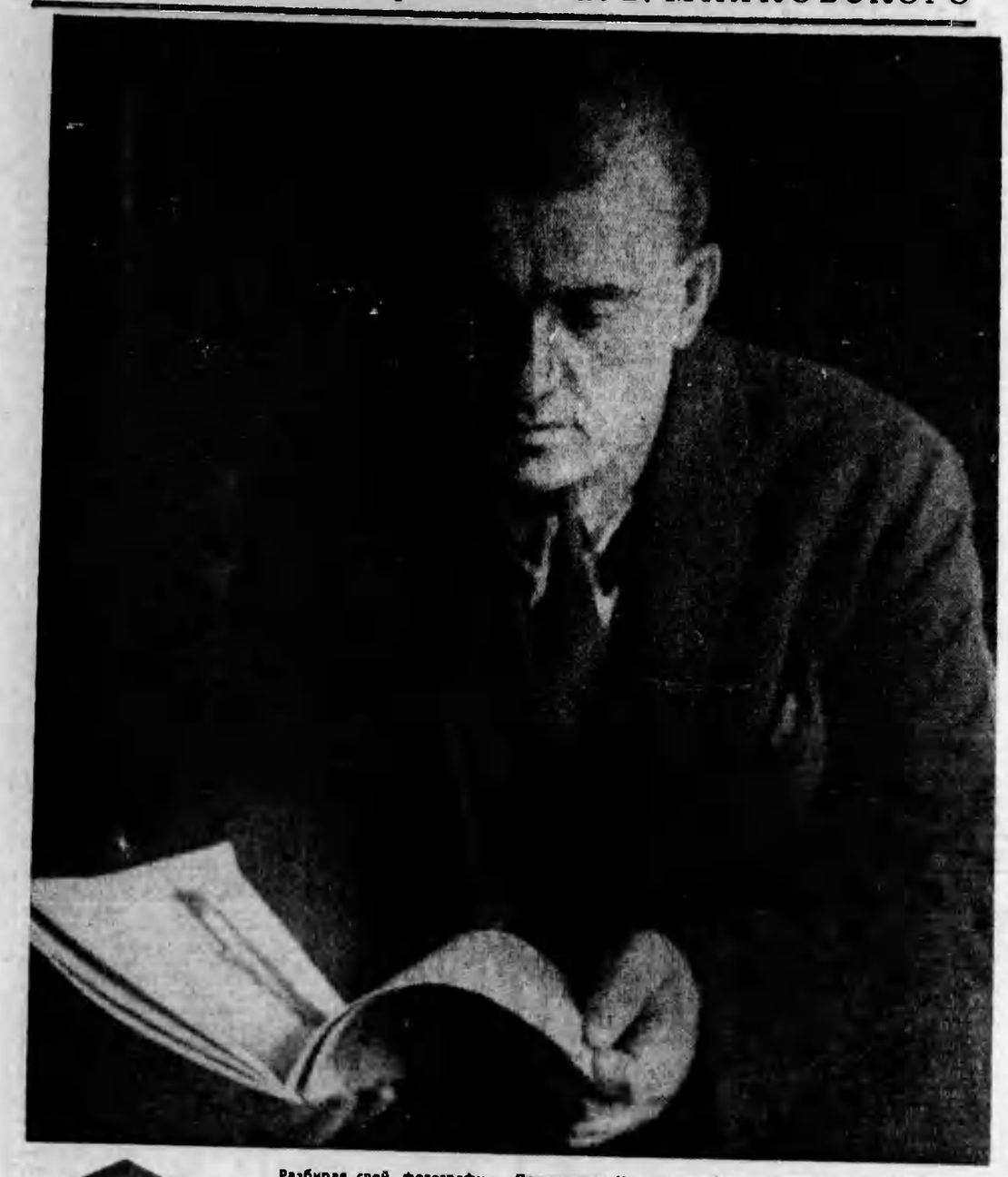
Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложения комитетов по Ленинским и Государственным премиям СССР, постановили передать рассмотрение работ, выдвигаемых на соискание Ленинских и Государственных премий СССР в области теории и истории литературы, искусства и архитектуры, из Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники в Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры.

Количество премий, выделенных Комитету по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры, начиная с 1973 года увеличивается на две Государственные премии СССР.

Этим же постановлением в состав Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры дополнительно введены Асеев В. Н. — профессор, доктор искусствоведения; Базанов В. Г. — доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР; Ермаш Ф. Т. — председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по кинематографии (по должности); Ждан В. Н. — профессор, доктор искусствоведения; Швидковский О. А. — профессор, доктор исторических наук.

Из состава Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники переведен в состав Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры и включен в состав президиума комитета Храпченко М. Б. — доктор филологических наук, действительный член Академии наук СССР.

К 80-летию со дня рождения В. В. МАЯКОВСКОГО



РЕДКИЙ СНИМОК

ПЕРМСКИЙ ПОРТРЕТ ПОЭТА

Разбирая свой фотографический архив, я засмотрелся на маленький, тускловато отпечатанный снимок 1928 года, на котором приезжавший тогда в Пермь Владимир Владимирович Маяковский знакомится с очередным номером журнала «ЖТГ», или «Живая театрализованная газета». Этот журнал издавался в Перми.

Мне при встрече не удалось добиться у Маяковского согласия сняться для нашего журнала. Тогда я поручил это сделать своему приятелю Павлику — Павлу Петровичу Половодову. Человеку обаятельному, любящему наш полусамодеятельный журнал.

Павлик выполнил редакционное поручение, сделав три снимка. У меня сохранился только этот. О судьбе остальных не знаю. Только помню, что Половодов нечаянно разбил два негатива и очень горевал. Однако же отпечатки с них были. Я видел их. Наверно, где-то у кого-то они безвестно хранятся теперь, как хранился у меня пожелтевший снимок, казавшийся мне непригодным для сколько-нибудь доброкачественной пересъемки. Но...

Но недавно я познакомился с отличным мастером репродукции в мастерской литфондовского промкомбината — с Василием Демьяновичем Двойкиным, делавшим с безнадежных миниатюрных фотографий отличные увеличения. Ему и принадлежит замечательная репродукция портрета В. В. Маяковского.

Одну репродукцию я, естественно, послал в пермский партийный архив на хранение. Вторую репродукцию передаю «Литературной газете».

Евг. ПЕРМЯК

— Для каждого литератора ушедший год памятен чем-то своим, личным, особенным. Но есть события, о которых с волнением вспоминают все писатели. Это всенародный праздник — полувековой юбилей образования СССР. Это постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» и «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии».

Все эти события не ушли в историю вместе с минувшим годом, поскольку они во многом предопределяют наши будущие дела.

Почти год минул со дня опубликования постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Что принес этот год литературоведам, критикам, что нового внес в анализ писательского труда? Пора подводить первые итоги. В январе состоится совещание главных редакторов литературно-художественных журналов и газет. Повестка дня этого совещания — «О работе печатных органов СП СССР по выполнению постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

В 1973 году мы проведем совместно с обществом «Знание» всесоюзный семинар по проблемам современной советской литературы. Его участниками будут не только писатели и литературные критики, но и философы, историки, социологи, экономисты. Это естественно, ибо сегодня в разговор о литературе все шире вовлекаются ученые разных специальностей. Таково веление времени: без знания сложных законов развития современного мира, вне осмысления проблем научно-технической революции трудно решить те большие задачи, которые ставит партия перед литературой.

В первой половине года предполагается обсудить в Союзе писателей работу литераторов в периодической печати, на телевидении, радио и в кино. Ведь наша публицистика — боевой, оперативный жанр — призвана сыграть активную роль в выполнении планов строительства коммунизма. А в конце года состоится еще одно обсуждение — «Поэзия и современность».

В новом году правление Союза писателей СССР уделит большое внимание осуществлению мероприятий, связанных с обобщением полувекового опыта развития многонациональной советской литературы.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования СССР, подчеркнул:

«В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие, интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда».

И мы, литераторы, понимаем, что, только учась друг у друга всему новому, прогрессивному, лучшему, творчески взаимообогащаясь, можно создавать произведения, по-настоящему интересные и нужные советскому народу в его такой наполненной сегодня духовной жизни. Именно с этой целью будет проведено совещание руководителей советов по литературам народов СССР, обсуждение работы Совета по художественному переводу при СП СССР. В городе Фрунзе писатели соберутся на региональное совещание. Его тема—«Проза республик Средней Азии и Казахстана: проблемы и пути развития». В Киеве намечается другое региональное совещание — писателей Украины, Белоруссии и Молдавии.

По-прежнему будут активно развиваться связи СП СССР с зарубежными литераторами. Судите сами. Варшава — X встреча руководителей союзов писателей социалистических стран. Алма-Ата — V Конференция писателей стран Азии и Африки. Будапешт — IV встреча главных редакторов литературных журналов социалистических стран. ГДР — Неделя Балтийского моря с участием наших писателей. Москва — международная встреча литераторов, пишущих для детей и юношества. совещание писателей социалистических стран по проблемам социалистического реализма. И снова Будапешт — на этот раз участие в торжествах, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося венгерского поэта Шандора Петефи.

Кстати о юбилеях. Их в новом году будет немало. 80-летие со дня рождения Владимира Маяковского — этой дате будет посвящен Всесоюзный праздник поэзии; 100-летие со дня рождения В. Брюсова, М. Пришвина и В. Шишкова... И эти даты, и 150-летний юбилей А. Н. Островского, и 90-летие А. Н. Толстого, и 600-летие со дня рождения выдающегося поэта-гуманиста Насими будут широко отмечаться в нашей стране.

В новом году намечается провести в ряде республик и областей Дни советской литературы. Как и прежде, в этих мероприятиях примут участие ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Традиционные Пушкинские дни поэзии пройдут в Михайловском и Одессе, а Тютчевские дни — на Брянщине. Будет продолжен конкурс на лучшее прозаическое произведение о рабочем классе, проводимый ВЦСПС и СП СССР; в республиках пройдут совещания-семинары молодых писателей, предшествующие очередному VI Всесоюзному совещанию молодых писателей, которое состоится в начале 1974 года.

Практика прошлой работы Союза писателей показала эффективность творческих контактов с Министерством культуры СССР. И в этом году ряд конкурсов и семинаров драматургов мы проведем совместно. Ожидаются интересные дискуссии, которые мы организуем вместе с Государственным комитетом Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, с Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота, с Министерством внутренних дел СССР, с Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, с Государственным комитетом Совета Министров СССР по кинематографии.

О многом еще можно было бы рассказать... Пока это планы. Эффективность их выполнения зависит от каждого литератора, от той меры ответственности, с какой он относится к своему творчеству и творчеству своих товарищей.

НАШ РАБОЧИЙ ПЛАН

О планах правления Союза писателей СССР на 1973 год рассказал нашему корреспонденту секретарь правления СП СССР Юрий Верченко.

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ РСФСР 1972 ГОДА

Накануне новогоднего праздника опубликовано Постановление Совета Министров РСФСР о присуждении Государственных премий РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры 1972 года.

ПРЕМИЙ имени М. ГОРЬКОГО УДОСТОЕНЫ:

Дудин Михаил Александрович — за книгу стихов «Время».

Ухсай Яков Гаврилович — за книгу стихов «Звезда моего детства».

Югов Алексей Кузьмич — за дилогию «Страшный суд».

ПРЕМИЙ имени К. СТАНИСЛАВСКОГО УДОСТОЕНЫ:

за спектакль «Мария» а Московском академическом театре имени Вл. Маяковского, в составе творческого коллектива, — автор пьесы **Салынский Афанасий Дмитриевич;**

за спектакль «Примешь ли меня, земля карельская?» в Финском драматическом театре Карельской АССР, в составе творческого коллектива, — автор пьесы **Тимонен Антти Николаевич.**

***

Редакция «Литературной газеты» сердечно поздравляет лауреатов Государственных премий РСФСР 1972 года и желает им новых творческих свершений.

М. ДУДИН

Я. УХСАЙ

А. ЮГОВ

А. САЛЫНСКИЙ

А. ТИМОНЕН

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ГАРМОНИИ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

ДИАЛОГ

Чингиз АЙТМАТОВ — Леонид НОВИЧЕНКО

Л. Новиченко. Научно-техническая революция, человек, природа... Важность такого разговора очевидна для каждого, особенно в свете того всенародного внимания, которое было приковано к работе сессии Верховного Совета СССР, рассматривавшей в общегосударственных масштабах проблему охраны природы, использования природных ресурсов в условиях научно-технического прогресса.

Ч. Айтматов. Меня радует, что печать, радио, телевидение ведут этот большой и серьезный разговор об охране окружающей среды, о том, что же дальше будет с природой — воздухом, водой, лесами...

Л. Новиченко. Всем живым на земле.

Ч. Айтматов. Меня это еще по одной причине радует: я вижу, что люди всего мира начинают задумываться над этими проблемами. Возможно, когда-нибудь в далеком будущем возникнет планетарное мышление как массовое явление, когда человечество будет чувствовать ответственность за все, что происходит на Земле.

Л. Новиченко. Проблема отношения к природе, к окружающей среде стала в наше время большой и острой социальной проблемой.

В последнее время мне приходилось читать немало журнальных, газетных материалов и книг на эту тему, в том числе выходящих на Западе. Зарубежные ученые, философы, публицисты, экономисты, социологи встревожены опасностями, встающими перед природой и человечеством в связи с бурным ростом индустриальных сил, которые в странах капитализма не регулируются. Еще К. Маркс говорил, что «...культура, — если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно*... оставляет после себя пустыню...»

Мы, страна социализма, в ином положении, поскольку у нас иные, плановые принципы хозяйствования, цели которого определяются не эгоистическим частным интересом, а благом всего общества. Однако мне кажется, не надо преуменьшать тех объективных трудностей и опасностей, которые могут возникнуть и в нашей стране, если мы не уделим надлежащего внимания средствам дальновидного общественного и государственного контроля над всеми проявлениями и последствиями научно-технического прогресса и урбанизации.

Ч. Айтматов. Действительно, социализм, основанный на плановом хозяйстве, позволяет более организованно и эффективно контролировать все эти процессы. Но мы не должны ни в коем случае самоуспокаиваться. И то, что Верховный Совет нашей страны принял постановление об охране природы, — особенно знаменательно. Я целиком и полностью разделяю положения этого важного документа и как депутат Верховного Совета, и как писатель. Судьба природы всегда волновала меня, всякий раз хотелось сказать об этом остро и резко.

Л. Новиченко. Мне кажется, что это чувство руководило вами, как художником, и когда вы писали о Рогатой матери-оленихе...

Ч. Айтматов. Возможно. Вернее — это, видимо, так и есть.

Л. Новиченко. В повести «Белый пароход» мою читательскую душу глубоко затронуло умное и сердечное сочетание нравственных вопросов современности с проблемой отношения человека к природе. Вас упрекали в преувеличенном трагизме. Но мне кажется, что это диктовалось (если не выходить за рамки сегодняшнего разговора) вашим стремлением предостеречь человека от необдуманных действий в отношении к природе.

Тема природы сопутствовала литературному творчеству с момента его зарождения. И это естественно. Человек является частью природы, но в то же время как существо разумное, социальное он в определенном смысле возвышается над природой, пройдя весь свой исторический путь в борьбе, в соперничестве и вместе с тем в сотрудничестве с ее могучими силами.

Ч. Айтматов. Безусловно, искусство и литература с самых ранних времен тесно связаны с природой. И не только профессиональная литература, но и фольклор — сказки, легенды, песни народные.

У киргизов есть эпос «Коджо-джаш», названный по имени молодого охотника. Эпос этот очень древний, восходит к тем временам, когда человек, если так можно выразиться, жил одной жизнью с природой, еще не отделился от нее.

Коджо-джаш — исключительно меткий стрелок, он кормит целое племя своим охотничьим ремеслом. Повинуясь родовому долгу и в порыве мести (мстит за неразделенную любовь к чудесной колочке, которая, будучи дочерью первоматери, предводительницы козьего рода — Серой колы, иногда приобретает облик красивой девушки), он уничтожает всех коз в горах. Осталась только Серая коза со старым Серым колом, и взмолилась она, чтобы он, человек, пожалел козла и не убивал его — надо им род продолжить. Но тот выстрелил, и рухнул колел со скалы. Уходит от охотника только раненая Серая коза, и погоне за которой он попадает в скалистые дебри, откуда нет выхода. Здесь он и погибает, потому что не послушался мудрого слова предводительницы козьего рода.

Возможны разные толкования этого эпоса, но я расшифровываю его так: уже в древности человек предостерегал себя от того, чтобы не истреблять все живое вокруг, даже ради своих жизненных потребностей. Кстати, молодые кинематографисты Киргизии хотят снять фильм по мотивам этого эпоса. И я горячо их поддерживаю.

В наше время, мне думается, необходимо вести разговор не вообще о людских потребностях, а о разумном их удовлетворении. Вот смотрите, что происходит.

Вы, наверное, знаете киргизского поэта Темиркула Уметалиева. Это большой поэт, поэт-солдат, прошедший войну, заслуженный аксакал наш.

Л. Новиченко. Он бывал у нас в гостях.

Ч. Айтматов. Да, он был на Украине. Родом он из южной Киргизии. Это удивительно красивый край, который знаменит древними ореховыми лесами. Всю эту округу — Аксы, рассказывает Уметалиев, кормит хлебом долина Тегене (есть под таким названием сборник стихов Уметалиева). Я бывал в тех местах. Видимо, когда-то шумели и здесь ореховые леса, но сейчас остались лишь одинокие живописные деревья-великаны. Издавна человек здесь занимался хлебопашеством. А неподалеку находится Таш-Кумыр — знаменитый угольный бассейн. И вот однажды Уметалиев с тревогой говорит мне, что Коллизия очень сложная. В благодатных украинских степях обнаружен уран, и его надо добывать открытым способом. Довольно большое пространство плодороднейшей земли должно идти под разработки. Возникает сложная проблема, и отнюдь не только хозяйственная.

Ч. Айтматов. Да, проблема — не простая. Я понимаю, что людям нужен каменный уголь или, скажем, тот же уран. Но надо учесть, что после того, как эта земля будет перевернута вверх дном, она на веки веков перестанет быть пригодной для добычи хлеба насущного. Ведь уголь будет исчерпан в конце концов, но никогда и никаким способом не восстановится почва. В глубине души я убежден, что делать этого нельзя ни в коем случае. Нельзя разрушать плодородную долину, которая кормила человека, дарила ему хлеб и прочие блага — это же невосстановимо, необратимо.

Мне кажется, что человек должен где-то быть выше некоторых своих прямых злободневных потребностей.

Л. Новиченко. Надо, видимо, уметь сопоставлять интересы сиюминутные, кратковременные, интересы данного хозяйственного момента с интересами длительного общенародного значения, а в некоторых аспектах — и с интересами всего человечества. Настанет время, когда мы будем ценить каждую каплю чистой воды.

Ч. Айтматов. Каждую пядь земли.

Л. Новиченко. Вот именно. Каждое живое растение, каждый злак.

Ч. Айтматов. Нам нужны уголь, нефть, газ — без них общество не может существовать. Но мы должны научиться соразмерять наши потребности, наши действия, порой разрушительные, с потребностями будущего. Это вопрос принципиальной важности, и не только экономический.

Л. Новиченко. Это вопрос и общественной психологии, кстати. Подобного рода коллизии не так уж редко встречаются в практической, особенно хозяйственной деятельности.

Позволю себе сказать, что здесь подчас довольно наглядно проявляется и, разумеется, приносит вред психология неких временщиков. Думаю, что теперь, после известных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о рациональном использовании и сохранении природных богатств Байкала, предотвращении загрязнения сточными водами бассейнов рек Волги и Урала, постановления Верховного Совета СССР об охране природы она будет изживаться быстрее и решительнее. Вот сегодня надо удовлетворить какие-то практические надобности (я не сомневаюсь в их важности), и мы полным ковшом черпаем из природы, не считаясь порой с ее естественными запасами и надеясь, что завтра, мол, будут новые технические решения, которые позволят с лихвой компенсировать сегодняшний перерасход. Мне кажется, что эта практика и эта психология опасны, потому что всякие — даже временные — нарушения экологического равновесия влекут за собой такие последствия, которые завтра не исправишь с помощью даже самой фантастически мощной техники.

Есть «оптимисты», которых не тревожит ни бездумное и бестолковое подчас осушение болот (это в районах отнюдь не избыточной влажности!), ни обмеление многих рек и речек, ни их загрязнение — ведь уже обдумываются, дескать, проекты соответствующей переброски воды великих северных рек. Но с такой психологией можно попусту растранжирить любые, самые несметные природные богатства. Не говорю уж о том, как дорого и как технически сложно само решение проблемы переброски вод. Кроме того, мы еще не можем предвидеть всех последствий такого вмешательства в жизнь природы.

Напомню слова Энгельса о том, что люди в своих отношениях с природой нередко совершают огромную ошибку, предвидя только первые последствия своего вторжения в естественные процессы и не учитывая вторые и третьи, которые часто уничтожают значение первых.

Социализм с его плановым хозяйством создает самые благоприятные условия для регулирования преобразующей деятельности человека. Но условия эти нужно научиться использовать.

Ч. Айтматов. Вот именно надо, как ни парадоксально это звучит, научиться пользоваться преимуществами нашей общественной системы. Посмотрите, что происходит вокруг некоторых наших городов. Стали модны

● ОКОНЧАНИЕ НА 5-Й СТР.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Сарьяна (Багдасаряна) Г. Б. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Сарьяна** (Багдасаряна) Гегама Багдасаровича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
28 декабря 1972 г.

ХРОНИКА

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялось торжественное вручение Юбилейного почетного знака ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС коллективу издательства «Художественная литература».

Почетную награду вручил первый заместитель председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Ю. С. Мелентьев.

■

Группа советских деятелей литературы и искусства получила звание лауреатов премии имени Дж. Неру за 1970—1971 годы. Среди удостоенных этой премии писатель И. В. Абашидзе — за сборник стихов «На берегах Ганга» и другие произведения на индийские темы.

В НОВОМ ГОДУ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» НАПЕЧАТАЕТ СЕРИЮ ФОТООЧЕРКОВ О ПИСАТЕЛЯХ—ГЕРОЯХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА. ПЕРВЫЙ НАШ ОЧЕРК ПОСВЯЩЕН МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ШОЛОХОВУ.

У МИХАИЛА ШОЛОХОВА

С гостьей Вешенской — учительницей из Москвы Г. А. Слоушевой

На встрече со школьниками Фото Н. КОЧНЕВА

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Гурунца (Аванесова) Л. К. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Гурунца (Аванесова) Леонида Караханович орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
23 декабря 1972 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Абдуллаева (Гайрати) Г. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Абдуллаева (Гайрати) Гайрати орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
25 декабря 1972 г.

ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ В МОСКВЕ

ПОСЛАНЦЫ АЛТАЯ — ГОСТИ ПИСАТЕЛЕЙ

В один из дней накануне нового 1973 года секретариат правления Союза писателей СССР принимал в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева представителей дважды орденоносного Алтайского края — депутатов Верховных Советов СССР и РСФСР, участвовавших в торжественном заседании в Москве. В зале также находились писатели — участники Дней советской литературы, прошедших на Алтае минувшим летом.

— Нам очень приятно и радостно принимать вас, наших добрых друзей, посланцев прекрасного Алтая, здесь, в Союзе писателей СССР, в этом здании, которое является свидетелем многих памятных событий богатой истории советской литературы, — сказал первый секретарь правления СП СССР Г. Марков. — В эти дни «золотого» юбилея Советского Союза, когда вся наша многонациональная страна единодушно одобряет исторический доклад товарища Л. И. Брежнева, мы, советские литераторы, пишущие на 75 языках наций и народностей СССР, испытываем чувство глубокой гордости за нашу партию, за наш богатырский народ, за ваши доблестные трудовые дела, дорогие герои Алтая. Кажется, только вчера мы встречались с вами на бескрайних полях Алтая, где нынешней осенью вы совершили высокий подвиг труда — в нелегких условиях убрали богатый урожай, — встречались в колхозах и цехах, лабораториях и институтах. Воспоминания о Днях советской литературы на Алтае — одни из самых ярких в минувшем писательском году. Алтай сердечно принимал литераторов, и это не забывается. Советская литература живет созидательной жизнью своего народа. И сегодняшняя встреча — еще одно свидетельство их нерасторжимого единства.

Член ЦК КПСС, первый секретарь Алтайского краевого комитета КПСС, Герой Социалистического Труда А. Георгиев в своем выступлении сказал:

— Сейчас все мы находимся под впечатлением исторического события — совместного торжественного заседания ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, под впечатлением глубокого доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Кажется, сама живая, полная героизма и мужества история великой партии Ленина, нашей могучей страны в эти дни прошла перед нами — достижения экономики, богатой культуры, яркой литературы... Скажите, где еще так органично литература слита с жизнью народа, как у нас, в Советском Союзе, в социалистическом мире! Мы глубоко рады тому, что дружеские узы, которые соединяют трудящихся Алтая и советских писателей, крепнут изо дня в день. Мы любим советскую литературу, гордимся ею и не сомневаемся, что она создаст новые яркие произведения, достойные великой эпохи строительства коммунизма.

Затем А. Георгиев от имени Верховного Совета СССР вручил медали «За освоение целинных земель» писателю Г. Радову и киноактеру Е. Матвееву, исполнителю роли Нагульнова в фильме «Поднятая целина».

Большой, увлеченный разговор посланцев Алтая и писателей продолжался несколько часов.

Депутаты Верховного Совета СССР И. Калинина, А. Колосов, Герои Социалистического Труда И. Шуманов взволнованно говорили о том, какую большую роль в их жизни играет советская литература.

На встрече также выступили Г. Бровман, М. Бубеннов, А. Кешоков, С. Михалков, П. Нилин, Г. Радов, О. Смирнов, С. С. Смирнов. Поэты Л. Васильева и И. Френкель прочитали свои новые «алтайские» стихи.

В заключение Г. Марков от имени правления СП СССР вручил А. Георгиеву дар Алтайскому крайкому КПСС — портрет В. Маяковского и коллекцию пластинок «Голоса советских писателей». Гостям были вручены сувениры, книги с автографами.

Во встрече приняли участие секретарь Алтайского крайкома КПСС Н. Ансенов, первый секретарь Горно-Алтайского обкома КПСС И. Лазебный, Герои Социалистического Труда — передовики промышленности и сельского хозяйства Алтая.

«БЕСПРИСТРАСТНЫЙ» ГЛЕБ СТРУВЕ

А. ПОНОМАРЕВ

Весной прошлого года в двух американских журналах почти одновременно появились рецензии на книги по истории советской литературы.

Небезызвестный Герман Ермолаев, выслуживший за свою рьяную деятельность на бесславном поприще «советологии» громкий титул профессора славянских языков и литератур Принстонского университета, в журнале «Славик ревью» (март, 1972) удостоил своим вниманием «Историю русской советской литературы», вышедшую двумя изданиями в советском издательстве «Наука» в 1958—1961 и 1967—1971 годах. Эти издания вызвали недовольство профессора-«советолога». Он не смог скрыть своего разочарования по поводу того, что в них говорится о «достоинствах советского государства и человека, коммунистической партийности и воинствующем социалистическом гуманизме», что советские ученые представляют дело так, «будто подавляющее большинство писателей заодно с советским режимом». Именно поэтому рецензент «Славик ревью» отводит изданной в Советском Союзе академической «Истории русской советской литературы» роль «дополнения к имеющимся на Западе лучшим работам на эту же тему».

ПОД ЛИЧИНОЙ НАУЧНОЙ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Г. Ермолаев не называет таких «лучших работ». Об одной из них сказано в рецензии Эммануэля Рэ, напечатанной в журнале «Ревю ревью» (апрель, 1972). Судя по этой рецензии, читатели получили счастливую возможность познакомиться с неким литературоведческим шедевром, своего рода эталоном исследовательской мысли. «Основное пособие по русской литературе советского периода», «лучшее из имеющихся руководств по данной теме... самое полное и самое беспристрастное из всех, какие мы имеем», — право же, эти экспрессивные определения невольно заставляют вспомнить своеобразную «поэтику» рекламного проспекта. И в самом деле, г-н Рэ уподобляется зазывале на дешевой распродаже и предлагает явно залежалый товар. В его рецензии речь идет о книге Глеба Струве, впервые увидевшей свет еще в 1935 году, а ныне под броским названием «Русская литература при Ленине и Сталине. 1917—1953» в расширенном и дополненном виде выпущенной издательством Оклахомского университета в США и английским издательством «Рутледж энд Кигэн Пол».

Было бы по меньшей мере неучтиво игнорировать приложенное к английскому изданию любезное приглашение издателей отрецензировать выпущенную ими книгу, тем более что они заранее благодарны рецензенту за те замечания, какие он сделает. Помимо элементарной вежливости, откликнуться на последнее издание книги Г. Струве побуждает желание рассеять некоторые заблуждения г-на Эммануэля Рэ, выявившиеся в его рецензии, а главное — ответить на недоуменные вопросы тех зарубежных читателей, которые по наивности смогут принять за чистую монету издательскую аннотацию, сулящую им «проникновенный и часто волнующий рассказ» о советской литературе.

Одну из наиболее примечательных особенностей книги «Русская литература при Ленине и Сталине» Э. Рэ усматривает в «научной добросовестности» ее автора. С этим следует безоговорочно согласиться, если только иметь в виду, что под «научной добросовестностью» надлежит понимать неуклонное, верное и ревностное следование всем тем канонам и «методологическим принципам», какие выработала «советология» за годы своего существования. Именно такой «добросовестностью» и отличается книга Глеба Струве. Произведения ее многолики. Тут и привычные злобствования по поводу высокой идейности и коммунистической партийности советской литературы, ее гражданского пафоса и гуманизма. И набившие оскомину штампованные разглагольствования о «тоталитаризме» художественного творчества в социалистическом обществе. И наряду с обветшавшие клеветнические мифы о «мундире», в который якобы затянулась советская литература после исторического постановления партии «О перестройке литературно-художественных организаций». И бессильные потуги дискредитировать метод социалистического реализма, объявив его «навязанным сверху» советским писателям вопреки их воле и желанию. Словом, многое из того, что сказано в новой книге Г. Струве, отнюдь не ново и ничем не выделяется среди писаний других «советологов», проникнутых духом антисоветизма и антикоммунизма.

ПОСЛЕДНИЙ КРИК МОДЫ

Что же представляет собой новая книга Г. Струве? Заурядный «труд», созданный по давно уже апробированным рецептам «советологии»? Но в таком случае не стоило бы и говорить о нем. Все дело, однако, в том, что, несмотря на ряд ее «традиционных» особенностей, книгу «Русская литература при Ленине и Сталине» следует рассматривать как своего рода «новаторское» произведение, как последний крик «советологической» моды.

Об изменениях в самой «методологии» «советологов» глубоко и обстоятельно говорит А. Беляев в статье «Расчеты и просчеты «советологов» (журнал «Коммунист», № 17, 1972). Он, в частности, верно отмечает, что «щедрое цитирование первоисточников, многочисленные ссылки на советские периодические и непериодические издания, спекулятивное привлечение трудов классиков марксизма-ленинизма должны были создавать у читателя впечатление научной глубины, добросовестности и объективности суждений «советологов». Делается это не из любви к истине, не ради создания объективной картины развития советской литературы, а из стремления «завоевать» читателя, не желающего более мириться с грубыми фальсификациями, откровенным извращением смысла и духа конкретных литературных явлений. Именно поэтому и Г. Струве в новой своей книге вынужден соблюдать видимость респектабельности и объективности, вынужден скрывать свои истинные чувства и намерения под маской академической беспристрастности.

«Ученую беспристрастность», выявившуюся в книге Г. Струве, отметил Э. Рэ, хотя и не понял, а скорее всего сделал вид, что не понял ее истинного смысла и значения. Рецензент счел необходимым даже слегка пожурить автора книги за то, что тот «намеренно избегает резких суждений ради сохранения беспристрастности», за то, что «иной раз ему не хватает смелости, чтобы открыто высказать свои убеждения. И он словно пятится назад, отступает, только чтобы не нарушать требований научной этики».

Полно, г-н Рэ! Можно ли при вашей профессии быть столь простодушным?! Глеб Струве недаром заделался заслуженным профессором университета Беркли в Калифорнии, недаром стяжал себе славу патриарха «советологии».

Немаловажным достоинством книги Г. Струве рецензент считает «успешную попытку систематизировать литературный материал». Думается, что сам принцип построения книги, организации ее материала дает богатые возможности для того, чтобы судить о подлинном смысле «ученой беспристрастности» и «научной этики» автора.

Тщетно искать глубокого разбора, обстоятельных историко-литературных характеристик наиболее ярких, этапных произведений советской литературы — таких, как «Жизнь Клима Самгина», «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», «Тихий Дон» и «Поднятая целина», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», и других замечательных книг, которыми по праву гордится наш народ. Им уделены скупые абзацы, а то и строки, не несущие в себе ничего, кроме минимальной информации, к тому же подчас весьма далекой от объективности.

Зато как любовно, скрупулезно и детально рассматриваются на многих страницах произведения, реакционный, антинародный смысл которых очевиден, вроде романа Е. Замятина «Мы» или повести Б. Пильняка «Красное дерево».

Немало усилий потрачено также на то, чтобы в антисоветском духе истолковать такие сложные и противоречивые произведения нашей литературы, как, скажем, «Зависть» Ю. Олеши, «не заметив» при этом ни горячего сочувствия писателя рожденному революцией миру, ни его стремления запечатлеть великий процесс рождения новой человеческой личности.

Вследствие грубо тенденциозной «систематизации» материала и создается искаженная, как в кривом зеркале, картина развития советской литературы. На первый план в ней выдвигаются произведения, которые не только не представляли магистрального направления литературного движения, но нередко откровенно и недвусмысленно противостояли ему. Такое построение книги Г. Струве по-своему логично. Оно неизбежно вытекает из «сверхзадачи» автора: во что бы то ни стало доказать враждебность русской литературы социалистической революции и революционному народу. Ради этой «сверхзадачи» пускается в ход и старая басня о том, что большинство русских писателей в первые годы Советской власти покинули Родину или превратились во внутренних эмигрантов. Ради этого Г. Струве «переосмысливает» роль тех художников, которые оказали особенно сильное влияние на молодую советскую литературу, и выдвигает в качестве учителей советских писателей новые имена. Так, по словам Г. Струве, «важная роль, которую Горький играл в советской литературе в первые годы революции, не означает, что как писатель он оказал сколько-нибудь реальное влияние на раннюю послереволюционную литературу, что бы ни говорили об этом сейчас некоторые ее представители». Какая, однако, самонадеянность! Выходит, Г. Струве лучше, чем, скажем, К. Федин и Л. Леонов, знает, имело или не имело значение влияние Горького на их творчество. В противовес Горькому главными учителями советских писателей автор называет Е. Замятина, А. Ремизова, Н. Гумилева, Б. Пильняка. Следы их воздействия он обнаруживает в творчестве А. Фадеева, Б. Лавренева, И. Тихонова, Э. Багрицкого и других признанных мастеров советской литературы. Вот и получается, что наша литература обязана прежде всего тем писателям, которые не приняли пролетарскую революцию или изображали ее лишь как слепую разбушевавшуюся стихию.

В РАСЧЕТЕ НА ПРОСТАКОВ

Вполне понятно, что, исходя из общей для всей «советологии» «концепции» истории советской литературы, Г. Струве не приемлет тех ее произведений, которые с большой художественной силой запечатлели славный революционный путь нашего народа. На страницах своей книги он и стремится так или иначе «развенчать» их. С этой целью автор прибегает к разнообразным средствам для того, чтобы дезориентировать читателя, внушить ему мысль о творческой немощности советской литературы. Тут и ошеломляющие своей беспардонностью выводы, как будто бы вытекающие из бесстрастного пересказа содержания, и древний, как мир, прием, заключающийся в попытке скомпрометировать общественный смысл книги бездоказательной ссылкой на ее якобы художественную несостоятельность.

Вот несколько примеров, позволяющих судить о методах историко-литературного «анализа» Г. Струве. Дав самое общее представление о сюжете романа Д. Фурманова «Чапаев», походя определив его как «образчик документальной литературы», автор спешит усомниться в исторической значимости книги не потому, что она «представляет собой попытку Фурманова «беллетризировать» историю, а вследствие определенных политических предубеждений писателя». Под таким же углом зрения рассматривается и знаменитая трилогия А. Толстого «Хождение по мукам», которая, оказывается, «испорчена настойчивой авторской тенденцией к философствованию по поводу исторических судеб России и значения революции, а также мелочным злобствованием в изображении литературной богемы». Одна из наиболее драматичных и взволнованных повестей Б. Лавренева — «Седьмой спутник» «интерпретируется» также весьма своеобразно. Отметив, что «очень хороши сцены на одной из петроградских площадей, где представители бывших привилегированных классов распродают свои личные вещи, и сцены в тюрьме, когда некоторых из них выводят на расстрел», Г. Струве объявляет бывшего царского генерала Адамова, пришедшего в Красную Армию и расстрелянного белогвардейцами, «нетипичным» представителем старой интеллигенции. Глядишь, и поверит не искушенный в истории Советского государства зарубежный читатель, что советский писатель Б. Лавренев обличает «зверства» большевиков, поверит и в «нетипичность» Адамова — ведь профессор-«советолог» ничего не сказал ему о судьбе таких бывших царских генералов, как Брусилов, Николаев, Игнатьев.

Не только произведения о борьбе нашего народа за власть Советов не устраивают Г. Струве. Он с плохо скрываемым раздражением, упрятанным под все той же маской «ученой беспристрастности», отзывается о некоторых советских исторических романах. Так, по мнению Г. Струве, роман А. Чапыгина «Разин Степан» опять-таки «испорчен», потому что фигура его главного героя «стилизована и идеализирована». И так — народный герой, воспетый в песнях и преданиях, оказывается, всего лишь «идеализированная фигура». Столь же суров отзыв и о романе О. Форш «Радищев», в котором, как утверждает Г. Струве, «выразились определенные предубеждения, приноровление к официальным советским взглядам на Радищева как на предшественника революционного движения». Подобные оценки видных явлений советской исторической прозы вполне закономерны в книге Г. Струве. Ведь «советологи» не могут не видеть тех кровных преемственных связей, что протянулись от образов солдат революции в глубокое прошлое нашего народа, к образам тех лучших его представителей, которые неустанно искали пути к счастливой жизни. Только этим можно объяснить тщетную попытку «развенчать» талантливые исторические романы выдающихся советских писателей.

АДВОКАТ ПРЕДАТЕЛЕЙ

Хотелось бы из множества предвзятых, грубо тенденциозных характеристик произведений советской литературы особенно выделить отзывы о «Жизни Клима Самгина» М. Горького и о «Разгроме» А. Фадеева. «Движущаяся панорама ... истории», как назвал Луначарский эпопею великого пролетарского писателя, с точки зрения Г. Струве, опять-таки «неудача» Горького, так как в ней действует «крайне неинтересный герой».

Довольно сочувственно пересказав роман А. Фадеева «Разгром», Г. Струве откровенно признается, что ему действует на нервы эпизод, рисующий подлое дезертирство Мечика, которым «показали «инородным телом» среди партизан». Этот эпизод, считает автор, плох потому, что Фадеев «отказывается от своей спокойной, объективной манеры письма и выносит Мечику приговор».

Как трогательно это стремление заступиться за героев Горького и Фадеева, на которых их создатели «возвели напраслину»! Конечно же, маститый профессор университета в Беркли не может осуждать ни Самгина, ни Мечика, в чем-то духовно близких ему. Тем более что ему не раз приходилось сотрудничать с людьми, которые пошли гораздо дальше и Самгина, и Мечика. Ну, хотя бы со своим соредактором по ряду изданий Борисом Филипповым (Филистинским). Скромный экономист одного из ленинградских учреждений, тайный агент гестапо и годы войны, агент ЦРУ, работавший по его заданию некоторое время в ИТС, а ныне один из «специалистов» по русской литературе — какая головокружительная карьера! Она не могла явиться ни Самгину, ни Мечику даже в их самых дерзновенных мечтах.

***

В своей рецензии на книгу «Русская литература при Ленине и Сталине. 1917—1953» г-н Эммануэль Рэ, упрекая Г. Струве за его чрезмерную «ученую беспристрастность», опасался риска «дезориентировать читателя, который таким образом лишается возможности познакомиться с личной точкой зрения автора, которая есть в конце концов то, что интересует его больше всего». Напрасные опасения! Читатель давно уже знаком с точкой зрения Глеба Струве на советскую литературу. Это точка зрения ее злейшего врага, одного из наиболее коварных, давних и заоголтелых деятелей «советологии».

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ГАРМОНИИ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 3-Й СТР.

микрорайоны, города разрастаются вширь. Под асфальтом и громадами домов исчезают целые свекловичные плантации, сады, пастбища. Нет подчас у наших градостроителей желания задуматься: как обеспечить жильем всех горожан при бережном, хозяйском отношении к земле. Может, в каких-то случаях есть смысл идти на снос старых домов в центре города, а на их месте сооружать новые, высотные, несмотря на то, что в этом случае жильем придется обеспечивать и старожилов, и новоселов. Выход всегда можно найти, было бы только горячее желание сохранить землю, использовать ее по основному ее назначению — для производства зерна, овощей, фруктов, травы и т. д.

Л. Новиченко. Поэтому-то, думается мне, литература, как и вся система нашего общественного воспитания, обязана способствовать тому, чтобы в отношении к природе быстрее преодолевались проявления потребительской, близоруко-прагматической психологии, вред от которой увеличивается по мере роста технической вооруженности современного человека. На смену этой психологии придет — и в нашем обществе уже приходит — новое отношение к природному миру, отношение не только подлинно хозяйское, но и дружеское, полное умной заботы о живой природе как общественном богатстве, которое надо не только сохранить, но и умножить.

Мы не всегда задумываемся о действительно современном отношении к природе, которое уже не может быть таким, каким было, скажем, 100, или 200, или, может быть, даже 30 лет назад. Природа, разумеется, представляет собой не только объект и естественную обстановку нашей практической, хозяйственной деятельности. Она удовлетворяет наши эстетические, а в каком-то смысле и нравственные потребности, она учит созерцанию и размышлению. История поэзии, история литературы являют высокие художественные образцы бесконечной человеческой влюбленности в природу, сердечного, эмоционального общения с ней. Счастлив человек, счастлив художник, способный на проникновенный «тайный» разговор с лесами и водами, с травой и птицей. В наше время потребность в таком поэтически созерцательном общении с миром природы не только не уменьшилась, но, очевидно, во много раз увеличилась: урбанизация, напряженный ритм повседневной жизни учат по-новому ценить радость этого общения.

И вместе с тем мы сегодня смотрим на природу новыми глазами, осознается нами это или нет. Не только потому, что очень и очень часто мы видим ее, так сказать, через окуляры современных научно-профессиональных знаний и представлений — глазами геолога, инженера, кибернетика, агронома, архитектора, селекционера и т. п. (что, кстати, рождает и новые, не традиционные образные ассоциации, все явственнее приходящие в поэзию, в живопись). Но это лишь одна из сторон того общего, революционно-преобразовательного отношения к миру, которое отражается и в нашем современном подходе к природе. Даже «спасать» живую природу, даже сохранять те или иные нетронутые ее уголки наше общество сегодня может лишь при условии все более активного сознательного управления ее развитием. Современный человек не может не вторгаться в «естественную» жизнь окружающей природы, и чем дальше — тем глубже. Видимо, и в психологическом смысле надо искать какой-то синтез, сочетающий и активно-творческое отношение к природному миру, и «старую» способность наслаждаться его поэзией, его вечной красотой, уметь, если хотите, быть добрым, отзывчивым его созерцателем.

Ч. Айтматов. Вы совершенно правы. Мне кажется, что литература должна поднять свой голос, не только вообще в защиту природы, но проявить особую заботу о том морально-психологическом комплексе человеческой души, который связан с восприятием природы. Литература должна этим заняться — это ее долг, ее миссия. Но — увы! — у нас еще мало произведений, подобных «Русскому лесу» Леонова, отличающихся действительно большой, всеобъемлющей постановкой проблемы.

Очень интересно, хотя и спорно, выступает Солоухин. Я имею в виду его эссе «Трава», которое напечатано в журнале «Наука и жизнь». Эмоционально я на стороне Солоухина, хотя разумом понимаю, что всю траву сохранить невозможно.

Л. Новиченко. А поставьте себя на место хозяйственника, которому нужно увеличивать — притом достаточно быстро — поголовье скота...

Ч. Айтматов. Да, но писателю, чтобы сильно сказать, надо заострить мысль, сгустить краски, добиться такого впечатления, как это удалось американскому кинорежиссеру Крамеру в фильме «Благослови зверей и детей».

Не спокойно и рассудочно, а на самом высоком накале чувств, с какой-то долей оправданного преувеличения литература должна внушать человеку: «Береги природу!» Пока что я не вижу в нашем искусстве примеров такого сильного, эмоционального, острого, глубоко захватывающего разговора, от которого дрогнет сердце у человека и он проникнется мыслями и чувствами автора.

Л. Новиченко. Вас волнуют в данном случае вопросы охраны природы. В этом я полностью с вами согласен.

Но я позволю себе подойти к проблеме «Литература и природа» (к этому обязывает моя литературная специальность критика) в более широком и более общем, что ли, плане.

Охранять природу, воспитывать бережное, уважительное к ней отношение как к источнику и хранилищу жизни на Земле? Разумеется, это важнейшая задача нашего общества и, следовательно, литературы. Но как бы там ни было, это лишь часть значительно более широкого вопроса об отношении современного человека к природе. Потому что развитие социалистической экономики, техники, науки, самих форм быта людей ведет ко все более активному вторжению человека в природу, в ее естественные процессы. В наше время эта необходимость становится очевиднее, чем когда-либо ранее, хотя тоска по «нетронутой природе», как и по старинным, патриархальным формам сельской жизни, либо отголоски подобных настроений все еще встречаются в некоторых произведениях современной литературы.

Если же говорить о попытках позитивного решения этой проблемы во всей ее широте — решения, разумеется, теоретического, мне вспоминаются мысли, высказанные крупнейшим советским ученым академиком В. И. Вернадским еще в годы Великой Отечественной войны. Его статья называлась «Несколько слов о ноосфере» и была опубликована в специальном журнале «Успехи биологии» в 1944 году. Человечество в наш век обладает, по мысли ученого, такими производительными силами, что способно совершать изменения в окружающей среде, равные по своим масштабам геологическим переворотам. Именно поэтому и благодаря этому, подчеркивал В. И. Вернадский, эволюция взаимоотношений человека с природой должна вступить в стадию «ноосферы» (сферы разума), где все стихийное и разрушительное в этих отношениях уступит место разумному, плановому, истинно творческому началу.

Мне лично эта концепция представляется плодотворной. А как много могут и должны сделать литература, искусство, воспитывая современное поколение в «чувстве ноосферы» — чувстве творческого, разумно-деятельного и в то же время ответственного, интимно-родственного отношения к окружающей природе!

Если же говорить о произведениях большого дыхания, выражающих это современное отношение к природе, то они в советской литературе есть. Классический пример — творчество М. Пришвина. Он был не только тончайшим наблюдателем, ведателем, живописцем органической жизни природы, но и певцом творческого сотрудничества человека с ней. Это и Н. Заболоцкий, поэт с особо развитым чувством грядущей «ноосферы»: «...и кузнечик трубу свою поднял, и природа внезапно проснулась, и запела печальная тварь славословие уму...» И М. Рыльский, всем духом своей поэзии утверждавший полнокровный синтез природы и современной цивилизации.

Ч. Айтматов. Преобразующая роль человека, как вы справедливо сказали, революционное и вместе с тем подлинно хозяйское отношение человека к окружающей среде — это фактор наиглавнейший, и я это прекрасно понимаю. Понимаю, что человек должен быть преобразователем природы. Я помню и те времена, когда мы говорили, что «мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача».

Л. Новиченко. Истолкование этих слов грешило большим схематизмом.

Ч. Айтматов. Действительно, к ним по-разному можно относиться, и у меня по этому поводу есть свое, сугубо свое мнение. Вот в чем дело. Человек — существо всесильное. Природа ныне беззащитна перед ним. А если мы будем лишь акцентировать внимание на его преобразующей деятельности, то не кажется ли вам, что природа и человек в данном случае будут находиться в неравных условиях. Мы сейчас обладаем такими колоссальными мощностями, что если дать нам волю, то, как говорил академик Вернадский, сможем произвести геологическое потрясение.

Л. Новиченко. На неосмотрительные «потрясения» природа, кстати, активно отвечает.

Ч. Айтматов. Лишь в нашем сознании.

Л. Новиченко. Не только. Она отвечает пыльными бурями, засухами и т. д., она мстит нам за неразумные действия.

Ч. Айтматов. С точки зрения философской, исторической, экономической, социальной, все, что вы сказали и обосновали, — правильно.

Единственное, что меня смущает, — чтобы человек не увлекся своей преобразующей ролью, чтобы где-то был контроль, были сдерживающие факторы, тормоз какой-то, ибо природу преобразовать теперь не так трудно, а вот восстановить ее такой, какой она была от «сотворения» мира, нельзя.

Что касается Пришвина, то его книги и сейчас воспитывают в нас трепетное, бережное отношение к природе. А это чрезвычайно важно, поскольку следующие поколения людей будут обладать еще большим могуществом и возможностями для преобразования природы.

Может быть, я ошибусь в своих суждениях, но, наблюдая нашу молодежь, я порой не вижу в ней той влюбленности в природу, той эмоциональной сродненности со всем живым на земле, той готовности каждую минуту ощутить воздействие красоты — и тогда, когда молодежь потребительски относится к окружающей среде, и тогда, когда равнодушно несется по горам на грохочущем мотоцикле до тех пор, пока тянет мотор, не замечая сказочной красоты снежного Ала-Тоо. Видимо, то, что мы называем акселерацией, имеет влияние на психику, возможно, на психику целого поколения.

Меня это настораживает. Я начинаю думать: а почему это происходит? Где и когда случилось, что некоторые молодые люди утратили живой интерес к природе? Видимо, причиной — перенасыщение другого порядка: то, что они всю жизнь проводят перед телевизором, что кино, книги и другие средства коммуникации и информации загружают их до предела, и где-то это чувство к природе у них начинает ослабевать.

Может быть, надо начинать развивать взаимосвязи с природой с самого детства, с первых впечатлений детской души.

У меня было трудное, полусиротское детство, но я рос в такой обстановке, что я знал каждое гнездо на каждой колючке (у нас не было большого леса). Утром, просыпаясь, я испытывал радостное чувство от того, что могу побежать туда и посмотреть, что же там происходит с птенцами. А мой сын не может отличить яйцо воробья от яйца сороки. Это во втором поколении, а что же будет с его детьми и внуками? Ведь надо учитывать, что совершенствование человеческой души (чуткость, доброта, понимание прекрасного) — идет и через отношение к природе. Так что проблемы тут бесконечные...

Если человек будет с детства, с самого истока своего воспитан в кровном родстве с природой, — только тогда у меня будет уверенность, что в зрелом возрасте, в зените трудовой деятельности в нем сработают нужные тормоза и он не поддастся искушению равнодушного производственника. Что бы ему ни доказывали, его не придется агитировать за бережное отношение к природе, он сам будет внутренне готов к этому.

Л. Новиченко. Да, говоря о духовном мире нашего современника, мы не имеем права забывать об эмоциональной сфере. В этом смысле природа с той ее естественной, самобытной «душой» и «свободой», о которой писал когда-то Тютчев, — огромное корректирующее начало для современной человеческой психологии среди шума машин и привычной ровности городского асфальта. Я с волнением слушал то, что вы говорили о своем детстве, хотя в нашем детстве было немало и такого, о чем не приходится жалеть.

Сейчас общение с природой стало куда более затрудненным для большей части детей: городской ребенок уже не может быть с природой в таких свободных, поэтичных взаимосвязях, в каких в свое время были мы, сельские дети. Но надо искать и находить какие-то новые формы приобщения и городского ребенка к природе. Может быть, когда-то в будущем (позвольте мне помечтать) в наших школах будет введен четвертый обязательный «зеленый семестр» для городских детей с сочетанием посильного труда на земле, познавательных занятий и отдыха. В конце концов в идее политехнической школы, преследующей цель всестороннего развития личности, заложена и эта потребность.

Тургеневский Базаров, споря с идеалистически настроенными барами, в каком-то смысле был прав, когда утверждал, что природа — не храм, а мастерская. Разумеется, прежде всего мастерская. Но мы должны сохранить почтение перед природой и как перед огромным миром красоты естественной жизни.

С этой точки зрения, мне кажутся одинаково неправильными, как бездушный техницизм, так и сентиментально-умиленное отношение к природе, которое сводится к тому, чтобы оставить «все, как есть».

Ч. Айтматов. Все это верно. Лишь бы человек уберег себя от гордыни по отношению к матери-земле.

Куда бы он ни улетел, в какие «космосы» не занесло бы его, как только человек отрывается от Земли, перед ним мгновенно возникает проблема возврата к Земле. Он — дитя Земли. Человек где-то, когда-то, в чем-то должен смиренно почувствовать себя сыном природы и преклониться перед ней.

Я не сторонник однобокого сентиментально-умильного отношения к природе, хотя считаю, что в этом особого вреда нет.

Л. Новиченко. Да, пока оно не ведет к «эстетическому» оправданию пассивности и консерватизма...

Ч. Айтматов. Разумеется. Но меня больше беспокоит, чтобы человек, почувствовав себя всесильным, главной персоной на земле, не утратил своей человечности, своего трепетного отношения к природе.

Л. Новиченко. В докладе Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС была определена четкая стратегическая линия — «органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства...». Думается, в этом залог того, что наше общество, развивая свою могучую индустриально-техническую базу, сумеет уберечь богатства природы, сохранить прочные контакты с ее живительным миром, не утратить ничего существенного из тех вечных ценностей, которые она дарит человеку. В этом, я думаю, мы с вами полностью сходимся.

Читая некоторые фантастические романы западных, а также японских писателей, видишь огромную волну специфически экологического пессимизма.

Ч. Айтматов. Видимо, для этого есть основания.

Л. Новиченко. Безусловно, этот пессимизм питается реальными сложностями нашего времени.

Однако не нам поддерживать те философские несостоятельные выводы, которые подчас делаются из этих реальных противоречий нашей эпохи.

Думаю, что перед нашим обществом не стоит той перспективы, которую нарисовал Айзек Азимов в одном своем романе: вся Америка третьего тысячелетия состоит из десятка огромных мегаполисов, в каждом из которых живет от 10 до 20 миллионов человек. Каждый из этих городов покрыт огромной прозрачной покрышкой, которая фильтрует солнечные излучения, изолирует людей от земной атмосферы. Есть там эпизод, в котором идет речь о поисках виновника преступления. И когда вспомнили, что в покрышке все-таки имеются незаметные выходы в окружающее пространство, встал вопрос — не бежал ли через них убийца. На что комиссар полиции спокойно ответил, что этого быть не может, так как жители города давно испытывают отвращение к тому внешнему, вечно зыбкому и колеблющемуся состоянию воздуха, которое именуется ветром...

Ч. Айтматов. Азимов нарисовал страшную картину, и вы правы, что мы можем предохранить свое общество от такого будущего. Но нам нужно постоянно быть начеку, постоянно помнить о том, что научно-техническая революция несет с собой не только блага, что она воздействует на нашу психику не всегда в желательном для нас направлении. Хорошо, когда научно-технический прогресс приближает к нам космос, но не менее важно, чтобы человек в век машин и ракет оставался человеком, чтобы он не превратился в холодное, рассудочное существо, позабывшее, как пахнет полынь, цветет тюльпан, как радуется весне и солнцу все живое. Это особенно важно в наше время, когда жестокость обретает столь невероятные формы — я имею в виду, в первую очередь, кровопролитную войну во Вьетнаме.

Л. Новиченко. Да, Вьетнам с невиданной силой показал, что современный империализм люто жесток не только к человеку, но и ко всему живому на земле.

В заключение мне хочется еще раз сказать, что научно-техническая революция при всех осложнениях, которые она вносит в жизнь человечества, и особенно во взаимоотношения его с окружающей средой, в состоянии дать и могучие средства для сохранения, развития, обогащения живой природы на Земле. Современное земледелие, продукция которого со временем должна увеличиться во много раз, чтобы прокормить человечество, не может существовать без той массы металла, электричества, удобрений и т. д., которые дает индустрия. Зеленую ниву лесов нельзя уберечь от вредителей без достижений современной наук[illegible]ется в виду не столько химия, сколько биология. В распоряжении общества, строящего коммунизм, имеются достаточно надежные рычаги, чтобы обеспечить гармоничные отношения между индустрией и естественной средой — «природой второй» и «природой первой».

Ч. Айтматов. А литература призвана воспитывать в человеке ответственность за то, чтобы они жили друг с другом в добром согласии.

Редакция «Литературной газеты» получает немало писем, свидетельствующих о глубоком интересе наших читателей к писательскому труду, к творческому процессу. Эти письма в то же время говорят о возросшей взыскательности современного читателя, о его глубокой заинтересованности в дальнейшем развитии советской литературы. Так, в письме педагога-словесника Л. Черноградской говорится: «Для меня, как и для многих, каждая новая книга любимого писателя, интересная журнальная публикация — радостный праздник, которого ждешь с нетерпением. И как бываешь признательна автору произведения за то, что он оправдал это ожидание, не разочаровал. И понимаешь, как непросто создать книгу, заставившую тебя задуматься о прочитанном».

Встречаются и другие письма, показывающие, что не все читатели в полной мере представляют себе специфику художественного отражения действительности в литературе. Некоторые авторы писем полагают, например, будто задача художника должна ограничиваться лишь «точным воспроизведением событий», участником либо очевидцем которых он был, а всякое вмешательство писательского воображения якобы только искажает жизненную правду. «Мне толкуют о «вдохновении», о так называемых «муках творчества», — пишет киевский инженер Н. Кулешов. — Насчет «мук» не знаю, не берусь судить. Что такое вдохновенный труд, представить себе могу. Но неужели существует некая неведомая нам специфика писательского труда!»

Мы уже не говорим о тех немногих письмах, в которых художественное творчество вообще рассматривается как... разновидность полезного досуга.

В большинстве писем предлагается провести на страницах «ЛГ» разговор, посвященный особенностям писательского труда.

По проблемам, затронутым в читательских письмах, мы попросили высказаться писателя Анатолия Ананьева.

Читатель и писатель

Анатолий АНАНЬЕВ

«ТРУД БЕСПОЩАДНЫЙ...»

Вопросы, которые поднимают в письмах читатели, требуют серьезного разговора, и вряд ли в небольшой газетной статье возможно исчерпывающе ответить на них. И потому начну с главного. Н. Кулешов спрашивает: «...Неужели существует некая неведомая нам специфика писательского труда?»

Да, существует. Она существует уже потому, что в каждой профессии, в любой деятельности есть своя специфика. Но писательский труд отличается от всякого иного не только тем, что мы имеем дело не с землей или станками, а с пером и белым листом бумаги. Особенность заключается в том, что в подлинно творческой работе **нет повторений, нет и не может быть похожих одна на другую книг; не может быть и схожих характеров; книга — это открытие,** это всегда новое, неведомое еще людям, а путь к открытию не бывает прямым и легким. Писатель каждый раз как бы в одиночку пробирается сквозь тайгу своих жизненных наблюдений, он имеет дело с таким нежным и трудно поддающимся лепке материалом, как человеческая душа, разные — благородные и низменные — порывы и страсти, с такими не всегда устойчивыми категориями, как добро и зло — и в масштабах личных, частных судеб, и в масштабах государственных, — и не средствами информации, а воспроизведением всей сложности бытия призван художник сеять разумное и вечное. Он идет всякий раз по непроторенному пути, и не всегда его ожидает удача.

Я не имею здесь в виду произведения посредственные, заведомо плохие, которые нет-нет, да и появляются на белый свет. Да, такое, к сожалению, еще встречается. Но не это, разумеется, определяет развитие отечественной литературы. Мы можем с полным основанием и правом гордиться многими произведениями наших современников. А ведь каждое из них — **это удивительное, неповторимое, свое видение жизни.** Мы зачастую и не подозреваем, сколько труда вложено в ту или иную восхитившую нас книгу, нам и в голову не приходит, что чем легче читается произведение, чем яснее все воспринимается в нем, тем больше усилий было затрачено на него автором.

О творческом труде есть много свидетельств писателей разных поколений. В одном из посланий Афанасию Афанасьевичу Фету величайший русский писатель Лев Николаевич Толстой говорит: «Страшная вещь наша работа. Кроме нас никто этого не знает». В другом письме к тому же А. А. Фету Лев Николаевич жаловался: «Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять. Обдумать и передумать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения, очень большого, и обдумать мильоны возможных сочетаний для того, чтобы выбрать из них 1/1 000 000, ужасно трудно. И этим я занят». Нет ни малейшего преувеличения в том, что писателю приходится обдумывать миллионы возможных жизненных сочетаний, чтобы затем выбрать только одно, главное, характерное, выразительное.

Каждый живущий на земле человек — это огромный мир мыслей, переживаний и чувств. И не всегда легко и просто добраться до этого мира. Строителю подают на леса готовую панель, и он устанавливает и сваривает ее; писателю никто не подает подобных готовых панелей. Он ездит по городам, новостройкам, селам, встречается с множеством людей, и все это — не просто поездки, а повседневный и кропотливый труд. Труд, если так можно сказать, раздумий и обобщений, кто-то совершил боевой или трудовой подвиг, и писатель стремится к героям нашей действительности, но отнюдь не внешняя сторона дела прежде всего интересует его, а истоки, мотивы подвига, то главное, что отличает нашего современника, что может и должно стать общественным достоянием и выполнить в итоге свою основную воспитательную роль. Разные явления и события встают перед художником слова, история народа и его будущее, и все это он должен уложить в рамки произведения, да так, чтобы со страницы на страницу, от главы к главе теплилась, кипела, текла жизнь, как она протекала на самом деле. Именно — жизнь, самая суть тех явлений, которые определяют ее характерные черты. В письме к К. Федину М. Горький писал: «...не «чистый вымысел», а именно та подлинная реальность, которую создает лишь искусство, та «вытяжка» из действительности, тот ее «сгусток», который получается в результате таинственной работы воображения художника».

Что же это за «таинственная работа воображения художника», которая воспроизводит правду жизни, дает «сгусток действительности»? Может быть, это и есть то постоянное, а в какие-то моменты непосредственного творчества высшее напряжение духовных сил писателя, когда он **становится творцом.**

Писательский труд — вовсе не некое абстрактное вдохновение, как представляют многие: сел за стол, схватил ручку и пошел строчить, аж чернильные брызги в потолок, а — работа, работа и еще тысячу раз работа, до седьмого пота, до огромного напряжения нервов и воли. «Призвание писателя — беспощадный труд, — говорит Леонид Леонов, — с максимальной отдачей себя». От того дня, когда произведение задумано, и до завершения его нередко проходят не месяцы, а годы. И причина тому — прежде всего взыскательное отношение писателя к своему труду.

«Я теперь приготовляю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ», — писал Гоголь С. Т. Аксакову. — Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе...» Мне хочется как можно полнее привести здесь одно из забытых ныне, но полезных и поучительных откровений Ивана Сергеевича Тургенева. «...Я ни над одним моим произведением так не трудился, — писал И. С. Тургенев, — и не хлопотал, как над этим (он имел в виду роман «Рудин». — А. А.); конечно, это еще не ручательство, но, по крайней мере, сам перед собою прав. Коли Пушкины и Гоголи трудились и переделывали десять раз свои вещи, так уже нам, маленьким людям, сам бог велел. А то придет порядочная мысль в голову, поленишься обдумать ее хорошенько да обделать как следует — и выйдет какая-то смутная чепуха. Это со мной не раз случалось, и я дал себе слово вперед не позволять себе этого». Признание это характерно. Оно, конечно, не щит, который может заслонить писателя от взыскательной критики, но, во всяком случае, объясняет многое в творческом процессе.

Вдохновенное трудолюбие, чувство высокой ответственности писателя за качество своей работы — одна из традиций отечественной классики, достойно продолженная в советской литературе.

Какой гигантский труд стоит за великим творением М. Шолохова «Тихий Дон», какое напряжение душевных сил, высокое мастерство и вдохновение ощущается на каждой его странице! Нам известно, как работал над своими книгами Александр Фадеев, отшлифовывая каждую фразу.

Или вот характерные записи в дневнике Дмитрия Фурманова в период работы над «Чапаевым»: «Я мечусь, мечусь, мечусь... Ни одну форму не могу избрать окончательно». А вот что записал Д. Фурманов в тот же дневник, когда закончил работу над романом: «Не знаю, пока ничего еще не знаю. Я теперь чувствую себя крайне одиноко, с тех самых пор как закончил «Чапаева». Я его писал ночью и днем, я думал о нем днем и ночью. Я весь был в нем, и он весь заполнил меня. Другое, не знаю, было ли что за это время такое, чтобы равнялось по силе обладания мною с Чапаевым. А кончил — и не могу ни за что взяться».

Я знаю, как взыскателен, например, Павел Нилин, который всегда с огромным трудом расстается с новой своей рукописью, даже когда произведение уже закончено. Можно было бы привести немало случаев, когда авторы вдруг, как будто ни с того ни с сего забирают из редакции иногда уже подготовленную к печати рукопись и принимаются снова работать над ней, переписывая страницы и главы.

Да, многосложна и трудна работа писателя, и обо всем этом существует немало исследований. Каждое новое произведение, вышедшее отдельной книгой либо опубликованное в журнале, всегда более или менее тщательно и объективно разбирается. В связи с этим несколько слов хочется сказать о нашей критике. Монографии, статьи, рецензии тоже пишутся нелегко; авторы их в каждую страницу вкладывают не меньше труда, чем прозаики и поэты в свои; они, критики, — тоже летописцы жизни. Во всяком случае, должны быть таковыми, если хотят реально, действенно влиять на современный литературный процесс. Нельзя довольствоваться лишь сравнением одного произведения с другим или одного автора с другим и на этой основе строить заключения, что удалось тому или другому, что достойно общественного признания, а что — нет. В чью бы пользу ни делался в данном случае вывод, он неверен. Каждое произведение нужно сверять прежде всего с первоосновой, **с жизнью — соответствует ли оно правде истории, несет ли в себе черты времени, проникнуто ли сознанием писательского долга перед народом,** и затем уже непременно говорить о мастерстве, опираясь на достижения мировой и отечественной классики. Только в таком случае критика, будет полезной и действенной и окажет неоценимую услугу писателям в их нелегком, как уже говорилось выше, труде. Да и читатель получит более широкое представление о современном литературном процессе.

Но вместе с тем проверка произведений жизнью — это далеко не легкое и не простое дело. Особенно, если книга попадает в руки человека, мягко говоря, невежественного, не понимающего самой сути литературы. Мне иногда приходится слышать на читательских конференциях и встречах такие суждения, что, мол, в жизни так не бывает, как это описано в той или иной книге, что, дескать, я не видел этого, и аргумент «я не видел» представляется тому, кто говорит, неопровержимым и точным. Но всё ли мы видим в жизни или, вернее, всё ли, в силу разных причин, можем увидеть в жизни? Для того, очевидно, и существует книга, чтобы пополнять наши знания, видеть и познавать то, чего «я не видел» и «я не знаю», и задумываться над прочитанным. Вряд ли есть необходимость сочинять то, что все видели и все знают, не открывая при этом ничего нового и познавательного.

Так же, как все мы радуемся, стоя перед огромным полем пшеницы, которая колос в колос и высотою по грудь, и видим во всем этом прежде всего крестьянский труд, так же, беря в руки хорошую новую книгу, должны помнить, что и за нею стоит огромная, долгая и кропотливая работа.

Встречи по просьбе читателей

В ПИСЬМАХ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ, ЧИТАТЕЛИ ПРОСЯТ ОРГАНИЗОВАТЬ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ ЗАОЧНЫЕ ВСТРЕЧИ С ВИДНЫМИ ПОЭТАМИ И ПРОЗАИКАМИ. ВЫПОЛНЯЯ ЭТИ ПОЖЕЛАНИЯ, МЫ ВВОДИМ НОВУЮ РУБРИКУ, ГДЕ БУДЕМ ЗНАКОМИТЬ ЧИТАТЕЛЕЙ С ТВОРЧЕСКИМИ ПЛАНАМИ И НОВЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ПИСАТЕЛЕЙ.

Михаил ИСАКОВСКИЙ:

БЫТЬ НА УРОВНЕ ВЕКА!

НА ДНЯХ в конференц-зале правления Союза писателей СССР Председатель Президиума Верховного Совета УССР П. С. Грушецкий вручал группе московских писателей Почетные грамоты за заслуги в укреплении взаимосвязей братских культур и плодотворную работу по пропаганде советской украинской литературы. В этом Указе Президиума Верховного Совета УССР названо и имя М. В. Исаковского...

После длительного лечения Михаил Васильевич еще не выходит, поэтому Почетную грамоту вручил ему дома известный украинский писатель, депутат Верховного Совета УССР Василий Павлович Козаченко.

— Я глубоко признателен ЦК Компартии и Верховному Совету Украины за то, что мои, не столь уж большие труды удостоены награды, — взволнованно сказал М. В. Исаковский. — Я переводил Шевченко, Франко, Лесю Украинку, а также Рыльского, Малышко, Воронько, Голованивского, Чумака... Братский украинский народ растил и растит талантливых литераторов.

Затем Михаил Васильевич побеседовал со спецкором «Литературной газеты».

— Мы знаем, Михаил Васильевич, что, несмотря на нездоровье, вы в последние годы много писали...

— Да, кое-что удалось сделать. Написалась первая часть моих воспоминаний — «На Ельнинской земле». Книга вышла в 1971 году в издательстве «Детская литература». Она была затем мною продолжена и в новом, 1973 году, надеюсь, выйдет в «Молодой гвардии». Правда, объем увеличился втрое, рукопись я уже сдал издательству. Были и другие дела. Написал несколько стихотворений. Но главное, как видите, проза...

Михаил Васильевич вспомнил, как несколько лет назад его «потянуло на прозу», и рассказал, почему он взялся за книжку воспоминаний. А произошло это так. В 1967 году к нему в больницу приехал А. Т. Твардовский.

— Он сообщил о предстоящем издании четырех томов моих сочинений и сказал, что надо готовить это издание. Я решил для четырехтомника написать новую автобиографию. Хотел написать не очень длинно и не так коротко — взялся за работу, увлекся и не заметил, как уже было написано более ста страниц. Много, а конца все еще не видно... Для четырехтомника, думаю, не подойдет: ведь получается дополнительный, пятый том?! Что было делать? И я отложил эту рукопись, включив в четырехтомник написанную раньше небольшую автобиографию. Примерно через год моя отложенная рукопись случайно попала к А. Т. Твардовскому. Он прочитал ее и сказал: «По-моему, ты должен продолжать писать это интересно. Я самолично буду редактировать эту работу». Я продолжал работу и в конце концов свои автобиографические страницы довел до 1921 года.

— А дальше?

— Дальше так писать нет смысла. Если у меня хватит сил, продолжение попробую написать в ином ключе, по-другому, если, повторяю, сумею. Иногда авторы книг воспоминаний, возвращаясь к прошлому, что-то придумывают, порой даже модернизируют увиденное и пережитое... И нередко по этой причине впадают в преувеличения и ошибаются... Не хочу, упаси бог, хвалиться, но все написанное мною — правда. Кстати скажу, «На Ельнинской земле» я писал в трудное для себя время: я был очень болен и поэтому не мог много работать. Я мог писать лишь о том, что очень хорошо знаю, что надежно хранится в моей памяти. Мне и пришлось писать эту книгу, опираясь только на свою память.

— Вы и сейчас еще не читаете сами?

— Зрение — это мое больное место. Трудно с чтением, поэтому читает мне вслух жена... Недавно я познакомился с хорошей, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книгой «Даль». Отлично собран и изучен материал, написано просто, ясно, интересно...

Да, так вот обстоит дело с чтением. С письмом — не лучше... Пишу я трудно и мало. Как говорится, предельно мало: если за год написал пять — семь стихотворений, то этот год считаю для себя очень хорошим... Несколько лет я вообще не брался за стихи. Пять лет назад, в 1967 году, после перерыва, я начал снова писать, и знаете, за три года родилось не более десяти стихотворений. Всю жизнь трудно пишу. Есть у меня такое стихотворение «В дни осени» — всего 28 строк, а работал я над ним, помнится, очень долго. Не напрасно говорят, что поэзия — архитяжкая и очень ответственная работа.

Вообще мне кажется, что хорошие стихи не могут появляться часто. Я не первый раз говорю об этом и знаю, что мои слова кому-нибудь не понравятся... После одной статьи на эту тему некоторые поэты даже обиделись на меня. Но что делать, если «серийное производство» стихов, увы, все еще продолжается. Я не верю поэтам, которые много пишут, не накопив материала, не вжившись в него... А какое дурное влияние подобная скоропалительность оказывает на молодых! К тому же порой происходят совершенно непозволительные вещи — едва человек срифмовал восемь строк, а его уже в радиопередачах называют «молодым поэтом». Подобное ускоренное производство «молодых поэтов» иногда приобретает угрожающие масштабы. Да, с этим делом много казусов бывает...

Об одном из них Михаил Васильевич рассказал подробно. Недавно издательство «Современник» прислало отклик на его книгу «О поэтах, о стихах, о песнях». Автор письма проживает в Николаевской области, она подписалась лишь именем Аня. Девушка сообщала, что пишет стихи и по этой причине многие школьные преподаватели, в том числе математики и физики, ставили ей незаслуженно высокие оценки.

— Что же получается? — возмущался Исаковский. — Честная, целеустремленная девушка начинает понимать, что ее обманывали, что ей ставили отличные оценки не за истинное знание предметов, а за пока еще ни в чем не проявившийся «поэтический талант»... Но соблазн, видимо, был велик, она поверила этому и после школы решила быть «поближе к искусству». Теперь Аня занимается живописью и продолжает писать стихи... Получится ли из этого что-нибудь дельное? Не знаю. Ане я еще не отвечал — мне пока трудно писать...

— Может быть, вы это сделаете сейчас устно?

— Я прочитал три ее стихотворения, и они меня огорчили. Нельзя, например, «брать в ладони цветы незабудки», равно как нельзя знать, взлохмачены ли кони, которые «где-то заржали»... Поэт должен все точно видеть. Мне даже кажется, что поэту всегда, в любой ситуации, непременно нужно иметь свой, так сказать, наблюдательный пункт и незримо присутствовать на всех этапах развития сюжета...

— Что же вы посоветуете Ане — бросить писать стихи?..

— Нужно бы, но сейчас затрудняюсь сказать это. Я ее отлучу от поэзии, а она, серьезно работая, начнет писать неплохие стихи — тогда я окажусь виноватым... Нет, пусть Аня сама решает. Никого и никогда я не отлучал от поэзии, хотя иногда, бывало, беспощадно критиковал случайных в поэзии людей.

— Поэзия в нашей стране — дело серьезное. Без нее народ не жил и не живет, именно он растит и пестует поэтов, — продолжал Михаил Васильевич. — Среди нас жил Александр

Трифонович Твардовский, великий советский поэт. Таким он был, таким и останется на веки вечные. Я считаю очень сильной и большой поэзию Ярослава Смелякова, с которым, как это ни странно, мне так и не довелось ни разу поговорить о его прекрасных стихах... Мы говорим о подлинной поэзии, и я не могу не назвать Александра Прокофьева, Николая Рыленкова, Петруся Бровку, Аркадия Кулешова... Да, советские поэты старшего поколения создали прекрасную, достойную советского народа и нашего великого времени поэзию, высокие традиции, которые развивают поэты нынешнего, так сказать, среднего поколения. Признаться, сейчас я хуже знаю их творчество, мне труднее следить за их работой. Но кое-что все-таки удается... Меня, например, радует то, как хорошо работает Константин Ваншенкин, какой высокой простоты и поэтичности добивается он в стихах. Я всегда любил и люблю яркую, талантливую поэзию Михаила Дудина. Несомненны успехи и ряда других поэтов.

И все же кое-кто слишком торопливо пишет. Нет спора: поэт должен работать каждый день, но **работать и печатать — вещи разные.** Поэзия требует глубокого внутреннего освоения материала, а затем работы до седьмого пота.

В последние годы у нас появляется все больше хороших стихов о разных странах мира. Это — естественно, если иметь в виду огромные международные связи Советского Союза и то важное обстоятельство, что некоторые наши поэты годами упорно накапливают знания о жизни народов этих стран. Тогда рождаются интересные стихи.

Но нельзя всерьез считать фактом поэзии то обстоятельство, когда, пробыв в иной зарубежной стране неделю, иные сразу одаривают нас циклом стихов, а затем, заглянув на три дня в Париж, готовят уже парижский цикл...

Поэзия рождается чувством, глубоким проникновением в богатый духовный мир лирического героя. Конечно, бывает и так, что поэт долго вынашивает тему, а свежие, сильные впечатления внезапно обнажают ее. Так, например, было с известными французскими, американскими стихами Маяковского. И все же стихи всегда требуют не только таланта, но и времени, упорнейшего труда. Так же как и песни.

— Вы говорите, песни... Известно, как родилась ваша знаменитая «Катюша», но немногие знают, как вы писали другие свои песни.

— Песни я никогда специально не писал и не пишу. Это всегда стихи. Между прочим, у меня есть два стихотворения, которые были написаны еще в 1967 году. Мне почему-то казалось, что они станут песнями, что их «запоют». Но никто из композиторов не написал к ним музыку, и пока это только стихи... Нет, специально песен я не пишу, но стараюсь их слушать... Бывает — не скрою! — слушая некоторые новые песни по радио, я испытываю желание выключить приемник... А ведь это очень нужный и ответственный жанр. Песня, говорят, — душа народа. Наш народ очень серьезно и глубоко уважительно относится к поэзии. Именно по этой причине нельзя пускать в эфир и на телеэкраны все подряд...

...Многие темы затронул Михаил Васильевич. Он шагал по комнате, вспоминая стихи неведомого автора, которые прочитал еще в далеком 1914 году... Жаловался на зрение, сетовал, что прежде писал своим корреспондентам длинные письма от руки, а теперь, увы, не может этого делать. С теплотой говорил о многих поэтах. А потом незаметно снова свернул к изначальной теме:

— Вот сегодня меня наградили Почетной грамотой за переводы. Я давно люблю украинскую поэзию. Любовь началась с Шевченко. Как засел за перевод его чудных стихов, так сразу и почувствовал — языки близкие, братские, но именно это, как ни странно, иногда создает для перевода большие трудности... Потом я переводил прекрасную пьесу Леси Украинки «Лесная песня» — перевод, говорили, удался. Стихов я написал немного, а переводов сделал порядочно — с украинского, белорусского, татарского, осетинского, латышского и других языков. С особым увлечением я переводил произведения зачинателей белорусской поэзии Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа. И знаете почему? Потому что каждый раз прикасался к сокровищам народного духа, народной жизни. А сколько таких, еще неведомых богатств есть на нашей советской земле?..

На этом закончился предновогодний разговор с любимым в народе поэтом.

Н. МАР

В прошлом году редакция «ЛГ» получила немало писем читателей, которые обращались к нам с вопросами, касающимися различных сторон литературной жизни страны.

Редакция решила с этого номера открыть новую рубрику «Литературная справка»; здесь будут даваться ответы на вопросы читателей, представляющие общественный интерес.

Н. Кучухидзе, директор Государственного музея В. В. Маяковского в пос. Маяковский Грузинской ССР, пишет.

— Мы, земляки Владимира Маяковского, с волнением готовимся к 80-летию со дня его рождения — изучаем малоизвестные факты биографии поэта, собираем интересные данные о его творчестве. Ответьте, пожалуйста, сколько раз и на каких языках издавались произведения В. Маяковского в СССР? Каков их тираж? На какие иностранные языки переведены стихотворения и поэмы В. Маяковского? В каком году и какой стране и на каком языке впервые были напечатаны за рубежом стихи поэта?

Редакция обратилась к директору Государственного музея В. В. Маяковского А. Макарову, и директору Всесоюзной государственной ордена Трудового Красного Знамени библиотеки иностранной литературы М. Рудомино, и директору Всесоюзной книжной палаты П. Чувикову с просьбой ответить на вопросы Н. Кучухидзе. Вот что они сообщили:

— За годы Советской власти произведения В. Маяковского издавались в нашей стране 911 раз общим тиражом свыше 71 миллиона экземпляров. Его стихи и поэмы печатались на 56 языках народов СССР, в том числе на таких, как абазинский, аварский, алтайский, эвенкийский, даргинский, карачаевский, коми-пермяцкий, кумыкский, лакский, мансийский, тувинский, удэгейский, хакасский...

В СССР произведения В. Маяковского были переведены впервые на грузинский язык — в 1923 году в № 1 тбилисского журнала «Дроша» был напечатан «Левый марш».

За рубежом произведения В. Маяковского печатались на 42 языках.

Впервые за рубежом стихи В. Маяковского увидели свет в Чехословакии — 25 ноября 1920 года в еженедельнике «Прага» на чешском языке был напечатан «Левый марш».

Я очень люблю поэзию и публицистику Ольги Берггольц. Мне хотелось бы узнать, что они сейчас пишет.

Галина ОХОТСКАЯ,
инженер

МОСКВА

Редакция «ЛГ» попросила Ольгу Федоровну ответить на этот вопрос.

«Меня интересует, кто из советских литераторов получил членский билет № 1 Союза писателей СССР», — спрашивает М. Морозов, рабочий совхоза «Апухтино» Калининской области.

С этим вопросом мы обратились к С. С. Зиминой, заведующей архивом А. М. Горького.

— Как известно, Союз советских писателей был организован в 1932 году. На членских билетах литераторов, вступивших тогда в союз, стоят две подписи: председателя правления ССП А. Горького и первого секретаря правления А. Щербакова. И только на билете с № 1 — всего одна подпись. Это билет Алексея Максимовича Горького. Билет датирован 1.VI.1934 года и хранится в личном архиве писателя.

■

Приходит время отдавать долги,
Кому ты должен — павшим и живущим...
Долги, долги... Как изюбря круги,
Перед последней битвою ревущим.

Долгов набралось за десятки лет,
Не вписанных в счета и кондуиты!
Они лишь в памяти оставили свой след,
Но временем прошедшим не убиты.

Когда ты молод — кажется тебе,
Что все еще успеешь и сумеешь;
Распорядишься в дружеской судьбе
И семена в какой-то день посеешь.

Но день прошел, а семена в мешках,
Иные глохнут, эти прорастают...
Ты был от них всего в пяти шагах,
Но не успел... Вот истина простая!

Да, не успел... Ты шел и поспевал,
В боях прошедших был ты одинаков —
Перед тобой артиллерийский вал,
И ты за валом шел, как все, в атаку;

Запоминая даты, города,
Когда огонь кромешно бесновался...
У тех, кто падал наземь, навсегда
В долгу за радость жизни оставался.

Какой же список — в памяти — долгов!
Все имена тебе не перечислить.
У вечных рек, у тихих берегов,
В долинах синих и на белых высях.

Они тебя не просят ни о чем —
О чем просить, когда они бессмертны?!
Но ты шагал, к плечу прижав плечо,
И обжигали вас одни и те же ветры.

Пора, пора все отдавать долги,
Не уносить их в дальний путь с собою...

Гремят в годах солдатские шаги,
И ты готовишься, как и бывало, к бою!

■

Стена зеленого бамбука
И кипарисы, как ракеты...
И вот уже здесь нет ни звука
В предгорьях скрывшегося лета.

Листы повядшие магнолий,
Пронизанные желтым светом...
А мне не верится: могло ли
Так быстро удалиться лето?

Лишь облако на склоне горном
За лес желтеющий схватилось
И держится еще упорно,
Насыщенное странной сивой;

Охваченное желтым цветом,
Лишь неба синь ему мешает...
И все ж оно проблемы лета,
Как ни грусти, но не решает!

...Вот так и ты — кочуешь где-то,
Ни сна, ни отдыха не просишь,
Но день придет — уходит лето,
В окно к тебе стучится осень.

Плечами зябкими поводишь
И смотришь вслед с тоскою нищей...
Но все ж опять на небосводе
Ты облако с горою ищешь.

■

Не объезжайте старого коня —
Уже он в меру временем объезжен...
И все ж не прочь, уздечкою звеня,
Еще быть долго мускульным и свежим.

Он пережил немало седоков,
Сменил в пути немало всяких седел;
И для того, чтоб мчаться далеко,
Он сил своих в дорогах много отдал.

Его пытались заново учить,
Менять намет на модные галопы;
Но вырос он, где бьют в тиши ручьи
И — косяков громоподобный топот;

Где степь лежит и ковылек бежит,
Седою гривкой в зной переливаясь,
И в полдень воздух, как стекло, дрожит,
С курганами в степи соединяясь.

...Не объезжайте старого коня,
Не обижайте новою методой;
И не брюзжите, старого кляня,
Что он в галопе резвости недодал.

Анатолий СОФРОНОВ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Передавая свой новый цикл стихов для новогоднего номера, поэт Анатолий Софронов сказал нашему корреспонденту:

— Каждый день прибавляет все больше и больше впечатлений и, естественно, в связи с этим обогащает размышлениями о самой жизни, о все новых и новых ее приметах. Два последних из публикуемых сегодня стихов написаны совсем недавно. Находясь в Сенегале, в пограничном городе Зигиншор, мы побывали в госпитале Народно-освободительной армии Гвинеи (Бисау). Там мы встретились с бойцами этой армии, молодыми людьми, героически сражающимися с португальскими колонизаторами. Бойцы полны уверенности в окончательной победе над теми, кто порабощает их родную землю. Впечатление от встречи осталось очень сильное...

Остальные стихи тоже написаны недавно, в только что ушедшем году. Конечно, трудно автору говорить о своих произведениях. Скажу только, что они мне дороги, что я постарался вместить в них те мысли и чувства, которыми живу. Это — и моя память о прошлом, это — и мое ощущение сегодняшнего дня.

Не сорок сил, не шестьдесят —
Всего одна была, но без предела,
Когда навстречу зеленя свистят
И степь от ветра снегом побелела.

Нет, он не мерин и не холостой,
Не в хомуте он шел к овсу устало;
И от него, среди травы густой,
Немало стригунков повырастало.

Одни из них летели среди нив,
Другие только близятся к зениту;
А третьим — кузнецы, железо раскалив,
Подковы скоро подобьют к копытам...

■

Раздробили кедровый ствол
В щепы, в тонкое волокно.
На бумагу старик пошел,
Был намечен к тому давно.

Было больно ему сперва,
Диском спиленный, он поник;
Донеслись до него слова:
— До чего же могуч старик!

Это было уже, когда
Он по Каме отправился вниз...
Клокотала вокруг вода,
Доносился железный визг.

...Но недолго он плыл водой,
Изловили его багром;
Где-то рядом гремел густой
Перекатный наземный гром.

Здесь бумажный был комбинат —
Трубы красные над рекой;
И под небом лежали в ряд
Те, кто был разлучен с тайгой.

Раздробили кедровый ствол
В щепы, в тонкое волокно...
...Я недавно книгу прочел —
К лесорубам раскрыл окно.

Одного среди них увидал,
Не похожего на других;
Был он чем-то своим удал,
По-особому чем-то лих.

По гудящей ходил тайге
В сапогах, с пилою в руке;
Полный молодости и сил,
Стариков под корень валил,

Не задумываясь о том,
Что над ним прогрохочет гром;
Что однажды наступит год
И он тоже что-то поймет...

А пока он любил и жил,
Стариков под корень валил...

И об этом Петров Степан
Написал на бумаге роман.

■

Уходят люди незаметно —
Все некрологи не прочтешь...
Но все равно встают рассветы
И барабанит в мае дождь.

И если даже над Сахарой
Проходят с влагой облака,
То отступает как-то старость,
Смотря на все издалека.

Есть мудрость в этих переменах,
Как дуновенье седины...
И над пустыней откровенно
Мечты, как горы, взметены.

Какие выдула природа
Каскады красного песка;
Какие спрятала породы, —
И как их тайна глубока.

От отчуждения до ласки,
От раздраженья до забот —
Меняются цвета и краски,
И все их шире разворот.

Как гребни волн, пески застыли
Пред ощущением беды;
И русла рек лежат в пустыне,
Как мертвый город, без воды.

Поникнуть можно перед этим,
И слова правды не сказать,
И отвратить лицо... Не встретить
Пустыни остро-желтый взгляд.

И все ж не может так случиться, —
Ведь от звезды и до звезды
К ней вечно молодость стремится
И старость смотрит с высоты.

НАД САХАРОЙ.
Декабрь 1972 г.

■

Перекипев, перебродив,
Как хмель в дубовой старой бочке, —
Живу, ничто не позабыв,
И все еще не ставлю точки.

А можно жить... И у окна
Смотреть мелькающие кадры,
И вспоминать, как шла страна
В войну на снежные парады.

Запомнились в дыму, в огне,
И все ж, не выше и не ниже,
Того, что дорого так мне,
Что в сердце мету грозно выжгло.

И можно быть за тыщи верст,
Где пальмам тесно в душных джунглях, —
А все смотреть на тот мороз
И разгораться, словно угли.

Воспоминаний жадный рой,
Как пчелы к пасеке, стремится...
Ты но замкнись... И ты открой
Воспоминаниям границы.

Открой... Открой! Посторонись
Под африканским небосклоном
И, как бывало, улыбнись
Бойцам еще совсем зеленым.

Они лежат уже в бинтах,
На черной коже — перевязки;
В тех самых, что и мы, летах,
Когда в бои шли без опаски!

На них я пристально смотрю,
Какой-то радостью объятый,
И загораюсь... И горю
Костром под солнцем полосатым.

Под этим небом, что печет,
Как вулканическое пламя;
Под этим небом, что влечет
Меня опять к воспоминаньям.

Опять на белые снега,
Звучащие бессмертным хрустом;
Опять с парада на врага
С граненой сталью Златоуста.

И эти здесь команды ждут,
На те снега держа равненье;
И эти в джунглях здесь идут,
Но в том же самом направленье.

СЕНЕГАЛ. На границе Гвинеи (Бисау).
Декабрь 1972 г.

...И МОИ НАДЕЖДЫ

Расул ГАМЗАТОВ

«ЛГ» обратилась к Расулу Гамзатову с просьбой рассказать читателям газеты, каким был для него 1972 год.

— Каким был для меня ушедший год? Таким, каким он был для всех нас, для нашей страны: годом полувекового юбилея многонационального Советского государства. Много было сделано в этом году Страной Советов для укрепления мира во всем мире. Мне как члену Президиума Верховного Совета СССР довелось принять участие в ратификации договора с ФРГ, который имеет и будет иметь огромное значение для дела мира в Европе. Мы ожидали, что к Новому году закончится война во Вьетнаме. Но этого не произошло. Вместе со всем советским народом я глубоко возмущен тем, что авиация США возобновила свои варварские бомбардировки территории ДРВ.

В минувшем году я побывал во Франции и ГДР. Во Франции имел беседу с Жаком Дюкло, был в семье М. Тореза, встречался с писателями — Робером Мерлем, Андре Стилем, Луи Арагоном. В ГДР на меня произвели поистине незабываемое впечатление многочисленные встречи с читателями.

Как и всегда, уходящий год отмечен и радостями, и печалями. Ушли из жизни хорошие поэты, и я жду, когда раздастся новый мощный, молодой голос.

Каковы мои личные творческие итоги? Вышел «Мой Дагестан» (1-я и 2-я части), скоро выйдет книга сонетов. Кстати сказать, только что я посмотрел в Ленинградском театре комедии премьеру «Моего Дагестана». Спектакль понравился, и, видимо, не одному мне.

А вот писал я, признаюсь, очень мало, и это печально. Соскучился по письменному столу. В новом году надо браться за работу! Сейчас работаю над маленькой книжкой стихов и над новой прозой. Какой? Пусть это пока будет моим «секретом». Хорошо?

■

В подлунном мире тысячи красот,
Но мне одна из них всего дороже,
Что здравствует в отеческих местах.
Прекрасным именам потерян счет,
А у меня одно лишь только имя
Ликует, как молитва, на устах.

В подлунном мире подлецов не счесть,
Но лишь с одним из них я почему-то
Стреляться на рассвете был бы рад.
Есть тысячи лжецов, презревших честь,
Но лишь один из них меня приводит
В отчаянье не первый год подряд.

Хоть прочитал вчера я орды строк,
Из них одна запомнилась мне строчка,
Что поднялась до уровня вершин.
С календаря последний пал листок,
Ночей и дней в году немало было,
А я запомнил только час один.

На всех невежд презренья не излить,
Не хватит сердца, чтоб возненавидеть
Всех, оскорбивших истину и честь.
Не хватит сердца, чтобы всех любить,
Не хватит рук, чтоб заключить в объятья,
Тех, кто походит на благую весть.

Нет места на устах для всех имен,
И всех запечатлеть глаза не могут,
И в памяти всего не сохранить.
Живем, осуществляя связь времен,
Но жизни не хватает нам при этом,
Чтоб замыслы свои осуществить.

■

Когда-то в каменном селенье,
Еще, как лист зеленый, мал,
Волнуясь,
в детском нетерпенье
Я дни до праздника считал.

И вот являлся добрый праздник,
Плясал и песни распевал,
И поднимал кого-то на смех,
И я, волнуясь, ликовал.
Потом с мальчишескою грустью
Я вспоминал об этом дне,
Под стать волне,
что мчится к устью,
Грустя о снежной вышине...

Тебе свиданье назначая,
Хоть я давным-давно не юн,
Волнуюсь,
радость излучая,
Как мальчик в праздничный канун.

И ты приходишь в час заката,
И я ликую, бестолков,
Как в праздник мальчиком когда-то,
Касаясь красных облаков.
И радости раскрыты вьюки,
И розами увенчан снег,
Чтоб вновь познал я в час разлуки
Печаль, как взрослый человек.

■

Мне кажется, что парусам
Даруя ветры, что летучи,
Корабль судьбы своей я сам
С прибрежной провожаю кручи.

В какие дали держит путь
Он, распростившийся с причалом?
И злобно шторм девятым валом
Его не раз ударит в грудь.

И вышина над ним кругом
Сверкает в грозовой насечке.
А был он утлым челноком,
Что робко плыл по горной речке.

В какую страсть его я вверг!
Походят волны на утесы.
Звучит команда:
— Все наверх!
И мчатся к парусам матросы.

Пусть им маячные огни
Не застят тучи, как невежды.
А кто матросы те?
Они
Мои раздумья и надежды.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

Встречи по просьбе читателей

С МИХАИЛОМ ИСАКОВСКИМ,
АНАТОЛИЕМ СОФРОНОВЫМ,
РАСУЛОМ ГАМЗАТОВЫМ,
ЕВГЕНИЕМ ЕВТУШЕНКО

ПОДРАЖАНИЯ

Ан. РАСКИН

Александру МЕЖИРОВУ

Поселюсь в тебе тайком
Под фамилией Межиров.
А. МЕЖИРОВ

Михаил ВЛАДИМОВ

Сергею ОСТРОВОМУ

Полянка — это дочка поля...
Сергей ОСТРОВОЙ

Анатолий ЖИТНИЦКИЙ

Анатолию ПЕРЕДРЕЕВУ

Такой сегодня выпал день,
Такое было дело...
Куда мне деть,
Куда мне деть
Мое большое тело?!
Я шапку мокрую —
на крюк,
На спинку стула — брюки,
Куда мне деть кувалды
рук?
Разбрасываю руки!
А. ПЕРЕДРЕЕВ

И. ЛИПКИН

Олжасу СУЛЕЙМЕНОВУ

ИЗ КНИГИ «КИРПИЧИКИ»
ПО МОТИВАМ «ГЛИНЯНОЙ КНИГИ»

С Музою за седлом
В поэзию я врываюсь!
Терпким кобыльим потом
Стих мой насквозь пропах!

ДОРОЖНАЯ БАЛЛАДА

Уронили меня, уронили...
Я упал, стихами гремя,
И дорога клубами пыли
обнимала меня, дымя.

И, не жалуясь, у дороги
Подбираю простой налев,
Чтоб у критиков самых
строгих
Сердце падало, оторопев.

И не плакал, когда ронялн,
И не сетую, что пропал,
И не требую, чтоб подняли,
Потому что не я упал.

Ведь не Мёжиров,
а Межйров
На дорогу упал, звеня,
Ведь Межйрова уложили, —
Получается — не меня.

ЭТИМОЛОГИЯ И СТОМАТОЛОГИЯ

В этимологию готовлюсь
Внести и свой посильный
вклад:
Полянка — поля дочь...
А полюс!
Наверно, зарубежный брат!

Полено — это антиполе.
Пол-литра — книги о полях.
Фасоль — метиска
Фа и соли.
А филин — это я в Филях.

Сергей —
серьга мужского пола.
И [это я открыл впервой!]
Тот звук,
что слышит стоматолог
При острой боли, —
Островой!

САМОСВАЛКА

Имею пару рун и ног
И сборники имею.
Я б выбросить
давно их мог,
Да только вот жалею.

Кувалды рук и фары глаз,
И задний бампер даже
Я выбросить хотел не раз,
Да жаль —
их нет в продаже.

Мне сваи ног милей всего
И шварбра шевелюры...
И i совсем без ничего
Вхожу в литературу.

В грудную клетку запереть
Придется вас с поэтом... —
Куда мне деть,
Куда мне деть
Свои стихи об этом!..

ХАРЬКОВ

Извечнейшие поэты
[Фамилий не называю]
В хвосте у меня плетутся
На пыльных своих ишаках!

Это не мои стихи. Это стихи Жаппаса, который почему-то считает себя поэтом. Я должен ему три рубля. За это он обучивает меня стихами.

Вот она — литература,
Смутных полна
предчувствий...
Кто там меня не хвалит!
Эй, покажите его!
Он будет ли матерью узнан,
Когда по нему промчусь я,
Вдавливая меж ребер
Копыта коня своего!

Брутальный мужчина, этот Жаппас. На деле он боится не только лошади, но и кошки.

Его молодые жены
Пойманы будут арканом!
Я их погоню сквозь степи
Перед своим конем.
К седлу своему приторочу
Юную дочь нахала,
Ту, у которой очи
Сияют райским огнем!

Надо срочно отдать Жаппасу три рубля.

Дружеские шаржи Н. ЛИСОГОРСКОГО, И. ИГИНА и И. МАКАРОВА

Несколько нежных дней

Несколько нежных дней:
вздрагиванье камней
от прикасанья ступней,
пробующих прибой,
и на пушке щеки,
и на реке руки —
родинок островки,
пахнущие тобой.

Ночь была только одна:
билась о дамбу волна,
штора хотела с окна
прыгнуть в ревущую глубь.
Шторм берега разгромил
и пополам разломил
звездный огромный мир
пахнущих штормом губ.

Так вот горят на кострах,
спутаны, страсть и страх.
Вечно — победа и крах,
словно сестра и брат.
Руки на мне сцепя,
больно зубами скрипя,
ты испугалась себя —
значит, я сам виноват.

Лишний — второй стакан.
Вскрикивает баклан.
Стонет подъемный кран,
мрачно таская песок.
Слева подушка пуста,
лишь на пустыне холста
впившийся неспроста,
тоненький твой волосок.

Есть очень странный детдом:
плачут, как дети, в нем,
плачут и ночью и днем
дни и минуты любви.
Там, становясь все грустней,
бродят среди теней
несколько нежных дней:
дети твои и мои.

Растерянность

Любимая,
испуг в глазах твоих.
Что сделать,
чтоб от страха излечилась?
Но я не знаю,
кто из нас двоих
растерян больше
тем, что так случилось.
И не терявшийся
среди убийц,
хамья,
постылой славы
или ресторанства,
перед твоей растерянностью
я
сам растерялся.
То, слово каждое
вздымая, как пешню,
лед отчужденья
я долблю неловко,
то бодро и бессмысленно пошлю
и думаю:
«Куда несет нелегкая!»
Мне жестко отвечая,
как вралю,
ты защищаешь
красоту и юность,
но все-таки звучит:
«Я вас люблю»,
когда ты говоришь:
«Я не люблю вас».
Сомнительна любовь,
когда в ней есть
чрезмерная решительность,
похожая, пожалуй, на рассчитанность,
в которой —
небольшая честь.
Любовь растет на свалках,
в лопухах
застенчивым беспомощным
растеньицем.
В ней так же,
словно в истинных стихах,—
растерянность.
Самоуверенность
есть признак фальши чувств.
Я растерялся до изнеможенья,
и я как будто заново учусь
и говорить,
и совершать движенья.

Но люди глупы.
Есть привычка в них
не худшего,
а лучшего пугаться.
Боимся сильных чувств.
Зачем свое богатство
мы прячем от других?

Все кажется тебе,
что в дверь стучатся.
Дай губы нареченные твои,
в отчаянье нечаянного счастья
растерянность
навеки
растворю...

Но я надеюсь...
Робко, но надеюсь,
что ты была со мной так жестока,
лишь потому,
что внутреннее детство
внушило относиться свысока.
Надеюсь,
что когда б тебе сейчас
я кинул слово,
беззащитно-подлое,
ты бы сказала:
«Я любила вас,
а вы не поняли».

Твои шаги

И все, что море ни играет,
когда над пальмами ни зги,
что ни нахрустывает гравий, —
твои шаги, твои шаги.

И шепчут в мраке кинозала,
где на экране — сапоги, —
все то, что ты мне не сказала,
твои шаги, твои шаги.

О, только бы не привыкнуть

О, только бы не привыкнуть
к господнему чуду глаз
и в тысячный раз приникнуть
к губам, словно в первый раз!

Привычка со скукой на морде,
со спичкою в дуплах зубов.
Как пресное море — не море,
привычка — уже не любовь.

Пусть лучше не вместе, а порознь,
но только не задави,
привычки товарный поезд,
живого ребенка любви!

Женщина — особенное море

Женщина всегда чуть-чуть, как море.
Море в чем-то женщина чуть-чуть.
Ходят волны где-нибудь в каморке,
спрятанные в худенькую грудь.

Это волны чувств или предчувствий.
Будто бы над бездной роковой,
завитки причесочки причудной
чайками кричат над головой.

Женщина от пошлых пятен жирных
штормом очищается сама,
и под кожей в беззащитных жилках
закипают с грохотом шторма.

Там, на дне у памяти, сокрыты
столькие обломки — хоть кричи,
а надежды — радужные рыбы
снова попадают на крючки.

Женщина, как море, так взывает,
но мужчины, словно корабли,
только сверху душу задевают —
глубиной они пренебрегли.

Женщина, как море, небо молит,
если штиль, послать хоть что-нибудь.
Женщина — особенное море,
то, что в море может утонуть.

Ты вспомнишь обо мне

Забвенье ты зовешь
отчаянно на помощь,
но море заревет
с картины на стене.
Картину можно снять,
и все-таки ты вспомнишь,
лишь море вспомнишь ты, —
ты вспомнишь обо мне.
В диспансере твоем
рукав закатан чей-то,
но, поднимая шприц,
ты вздрогнешь: на руке
в веснушки якорь врыт,
и вдруг сетей ячейки
в глазах возникнут вновь,
и пена на песке.
С работы ты придешь.
Ты включишь телевизор.
Покажут, скажем, Кипр.
Красивая страна,
но вдруг, разбив экран,
тебе в колени — с визгом
собакою из Гагр —
эгейская волна.
И даже стирки плеск,
и пена лимонада
напомнят вновь прибой.
Шепча: «Исчезни! Сгинь!», —
ты примешься глотать
таблетки люминала,
но даже привкус их
покажется морским.
Союз наш закреплен,
как в тайном договоре,
чернилами тех волн,
и мы не врозь живем.
Пока есть в мире мы,
пока есть в мире море,
пока есть море в нас, —
мы навсегда вдвоем.

Евг. ЕВТУШЕНКО

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

В канун новогоднего праздника корреспондент «ЛГ» встретился с Евгением Евтушенко и попросил поэта рассказать о наиболее примечательном в его жизни и творчестве в минувшем году.

— Сорок лет, — сказал Евгений Евтушенко, — возраст для поэта, и вообще для человека, ответственный. Я двадцать три года профессионально работаю в литературе, и слово «молодой» по отношению ко мне, к сожалению, стало неприменимо, но хотелось бы не потерять молодости внутренней. Многие ушедшие в минувшем году от нас поэты помогли мне при первых моих шагах, и теперь самому хотелось бы по мере сил быть полезным «племени младому, незнакомому». А ведь воспитание других — это и самовоспитание.

Прошедший год будет для меня памятен не только потерями, но и поисками, поездками, приобретением новых друзей. Наиболее важной, волнующей была для меня поездка в Томскую область, встречи со студентами Сибири, с нефтяниками. Особенно взволновало меня выступление в Томском дворце спорта перед шестью тысячами первокурсников, когда я не только читал стихи, но и произнес впервые в моей жизни напутственную речь юношеству.

В начале года, вернувшись из Вьетнама, я совершил трехмесячную поездку по США по приглашению издательства «Даблдэй», выпустившего мою книгу на английском. Выступал с чтением стихов перед многотысячными аудиториями, встречался с моими американскими коллегами, общественно-политическими деятелями, студентами, рабочими, космонавтами. Несмотря на яростные нападки справа, доходившие иногда до прямых нападений на сцене, я встретил самый радушный прием у прогрессивных американских читателей.

В издательствах «Советский писатель» и «Современник» вышли две мои новые книги «Поющая дамба» и «Дорога номер один». Большой радостью для меня явилась премьера спектакля «Под кожей статуи Свободы», поставленного в Театре на Таганке Ю. Любимовым. Работаю над поэмой «Шумная родня» — о родстве кровном и духовном. Собираюсь постепенно переключиться на прозу, начав с коротких рассказов.

Недавно в Гагре, где я работал над стихами, один человек рассказал мне историю своей любви. Я написал лирический цикл как бы от имени этого человека, ибо, как мне кажется, поэт должен и в гражданских, и в самых интимных стихах говорить не только от своего лица, но и от лица других людей, стихов не пишущих. Этот цикл я и предлагаю читателям «Литературной газеты».

Непонимание

Закон непонимания един
В России,
на Таити
и в Японии...
Я вас любил,
я так с ума сходил,
а вы не поняли.

Над вами любопытство верх взяло.
Ну что ж,
вы это удовлетворили
и отвернулись после от всего,
что мне дало невидимые крылья.

«Любимая! Меня вы не любили...»
Есенин, —
та же самая беда,
и стало небылью
все то, что было былью,
а может, было небылью всегда.
А вы?
А ты?
Что чувствовала ты?
А может быть, не чувствовала даже.
и роль сыграл
простой закон продажи
за воображенные цветы?

Ты там, на севере проклятом,
тебя укравшем у меня,
и кеды выцветшие снять
у лжекаминного огня.

Но по дороге, без дороги
ко мне идут, как в забытьи,
такие маленькие ноги,
такие — боже мой! — мои.

Как сквозь репьи, идут сквозь беды.
блестя белками на боках,
твои в колючках горных кеды,
в разводах соли на мысках.

Я вижу крошечные копья
концов шнурочных жестяных,
и на шнурках — седые хлопья
носков абхазских шерстяных.

Твои шаги мне предрешают,
что мне себя не побороть.
Тебя их шорох воскрешает,
и шорох обретает плоть.

Жизнь без тебя не опустела.
Со мной, — горячечно дыша,
шагами слепленное тело,
шагами спетая душа.

Алексей КАПЛЕР

СРЕДИ КРАСИВЫХ ЛЮДЕЙ

Сергей Герасимов и его новый фильм

БЫЛО это в Ленинграде, который тогда назывался еще Петроградом. Шел год тысяча девятьсот двадцать третий.

Наш «ФЭКС» получил ордер на отличнейший особняк, хозяева которого сбежали за границу. Город в те времена был полупустым, и если бы мы попросили три особняка, нам, наверно, дали бы и три.

Фасад нашего дома выходил на Неву. В раму каждого окна были вставлены ослепительно синее небо, стальная река и гранитный парапет.

Мебели в доме не было. Остался только большой бильярдный стол, разумеется, без шаров и киев. Да еще люстры под высоченными потолками, да несколько ведер и половых щеток.

Мы, «ФЭКС», то есть «Фабрика эксцентрического актера», вели в роскошных залах занятия театральными дисциплинами под руководством своего мэтра Григория Козинцева. Он пользовался безграничным авторитетом. К тому же ему исполнилось целых восемнадцать лет. Он тренировал нас, гоняя по пустым хоромам, имея в виду спектаклями «ФЭКСа» низвергнуть буржуазную театральную рутину.

Первый удар по ней был уже нанесен постановкой «Женитьбы» Гоголя. Г. Козинцев и Л. Трауберг — постановщики — ввели в спектакль Чарли Чаплина, два клоуна — Серж и Таурек играли Альберта Эйнштейна: один — Альберта, другой — Эйнштейна. Затем являлся сам Гоголь и, посмотрев спектакль, кричал: «Чур меня, чур!» — и умирал.

Были мы все неприлично юны и в качестве своего девиза избрали изречение великого Марка Твена «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей». Эти слова были выведены на большущем плакате в том самом зале особняка, где стоял бильярдный стол.

На этом столе мы — актер Андрей Костричкин и я — спали ночью и отдыхали днем: другого пристанища у нас не было.

И вот лежу я однажды на зеленом сукне и слышу какое-то покашливание. Оборачиваюсь. Стоит на фоне синего неба и стальной Невы молодой человек — тонкий, изящный какой-то. Читает плакат и усмехается. Потом повернулся ко мне:

— Не играете?

— Не играем, — говорю, — шаров нету, киев нету.

— Так-так, — говорит незнакомец и смотрит куда-то вверх. — Так-так... А вот это что? — И показывает рукой на люстру.

Посмотрел и я на эту люстру. Она огромная, бронзовая, вся усеяна большими медными шарами.

И пока у меня в мозгу только еще начинало что-то шевелиться, незнакомец уже влез на стол и начал свинчивать шары.

Свинтил он пятнадцать шаров, посчитал, снял еще один и слез. Затем быстро изобрел кий: вытащил две палки из половых щеток, и мы, поставив пирамидку, стали играть.

Так я впервые встретил шестнадцатилетнего Сергея Герасимова.

Отсюда, из «ФЭКСа», началась его жизнь в искусстве, жизнь большого художника — режиссера, актера, драматурга, педагога и теоретика.

...В затихшем зале вместе с тысячей зрителей смотрел я последнюю картину Сергея Герасимова «Любить человека».

СЮЖЕТ прост необыкновенно. Архитектор Калмыков, человек талантливый и, что называется, «сильный», приезжает в Москву с дальнего Севера, где он строит дома в новом городе. Встречает молодую женщину Машу, тоже архитектора. Почти сразу же, только еще познакомившись, предлагает стать его женой. Она соглашается, и они уезжают. Живут, трудятся на Севере. Маша ждет ребенка. Неожиданно строительство калмыковского экспериментального дома закрывают, консервируют, и он вынужден ехать в Москву. Там, в столице, ему удается доказать свою правоту. В радостный этот для Калмыкова вечер приходит известие, что Маша в больнице и положение ее угрожающе опасно, почти безнадежно. Калмыков возвращается на Север, узнает, что ребенок умер. Маша все еще между жизнью и смертью. Идут дни. Маша медленно начинает поправляться и наконец выздоравливает, возвращается домой.

Я прошу прощения у читателей и у автора за это постыдно примитивное изложение, но оно необходимо, чтобы затем выяснить, как удалось Герасимову и его актерам сквозь этот на первый взгляд банальный сюжет, поверх сюжета кроме сюжета, столько интересного рассказать о людях, о жизни и о себе самих.

Как много узнаем мы из этой картины о ее авторе, который утверждает, что нет на свете ничего дороже человека, и так тонко понимает сложность, глубину и красоту человека!

Как много узнаем мы о Маше и ее подруге, второй героине фильма. Тане и вместе с тем о двух замечательных актрисах — Любови Виролайнен и Жанне Болотовой, играющих их роли, а вернее — живущих их жизнью на экране.

Вот оказались они, Маша и Калмыков, случайно рядом на диване, в гостях у Александры Васильевны (о ней пойдет речь ниже). Завязывается разговор. Обыкновенный разговор, выясняется, «кто есть кто», чем занимается. Он на Севере, далеко. А что делает? Да строит помаленьку. А она? Архитектор, работает под началом хозяйки — Александры Васильевны. Уходила было от нее. Почему? По глупости. Я много делала глупостей. А какие глупости? Выходила за муж, например.

Вот такой идет разговор. А вы уже неотрывно следите за этой молодой красивой женщиной. И вместе с ее собеседником, с Калмыковым, приглядываетесь пристально: в чем же тут дело, что скрыто за ее мягкой, такой современной ироничностью?

Вы начинаете подозревать, что не очень, видимо, благополучно ей живется, что-то в жизни ее обидело. А ведь она так хороша, так умна — это чувствуется даже в таком обычном, поверхностном разговоре.

Потом идут другие сцены, гости говорят об архитектуре, смотрят кино. Это очень значительная часть картины, но я сейчас выбираю из нее только историю отношений героев.

И вот Маша и Калмыков на улице.

— А куда мы, собственно, идем? — спрашивает Калмыков.

— Я — домой, — отвечает Маша, — а куда вы, не знаю.

— Ну и кто же вас дома ждет?

Никто ее не ждет, живет одна.

— А муж?

— Вы его только что видели — Архангельский.

— Так ведь он ушел с этой длинной, стриженой?

— Ну да, со своей женой.

— А... Теперь все ясно.

— Вот видите, — говорит Маша, — вам уже все ясно. Хорошо, если бы и мне.

Прощаются...

— Постойте, знаете что? Выходите за меня замуж.

Маша смеется:

— Господи, да что это вы в самом деле?

— Это совершенно серьезно.

Назавтра он снова повторяет все то же, и мы вместе с Машей начинаем понимать, что это действительно вполне серьезно и что он не отступится.

А она несчастлива, и живется ей одиноко, и что-то задело ее в этом человеке, и наконец она отвечает на настойчивые просьбы Калмыкова:

— Ну что ж, давайте попробуем.

И сразу — северный пейзаж за окном. Маша и Калмыков у себя дома. Все хорошо, казалось бы. Но Маша замкнута, ее связывают с Калмыковым пока еще только уважение к нему, благодарность, может быть. Жена — и не жена.

И пройдет еще много времени, много событий, все больше станет понятен, откроется Маше этот человек — добрый, готовый все отдать людям, живущий для счастья людей, и наступит миг, когда в совсем простых обстоятельствах, где-то на кухне, в то время как рядом в комнате гости, войдет Калмыков и спросит:

— Тебе чем-нибудь помочь?

А она как-то странно посмотрит на него, странно этак... и скажет:

— Знаешь что?..

— Что?

— Я люблю тебя.

Да как скажет! Тут все в этих словах. И то, как она была несчастна и он поддержал ее, и то, что она поверила в него интуитивно, но все же боялась ошибиться и теперь вот поняла, что не ошиблась, поняла его и полюбила, своего мужа полюбила.

В СУЩНОСТИ говоря, вся картина Герасимова проходит двухслойно — под тем, что говорят, как поступают люди, все время чувствуешь, угадываешь подтекст, второй смысл происходящего, второе значение людей, их глубину, мотивы их поведения, их человеческую значительность.

Особенно талантливы эти «подтекстовые тексты» у второй героини, которую играет Жанна Болотова.

У ее Тани особая функция в картине. Давно замечено на театре, что никакой актер не может сам сыграть короля. Ему должны помочь другие, окружающие, своим отношением к нему. Они должны «играть короля». И только в сочетании того, что играет он сам, с тем, как «его играют» все вокруг, получится король.

Жанна Болотова — Таня «играет Калмыкова». По ее Тане, у которой так и не сложилась жизнь, по ее отношению к Калмыкову и к Маше мы отраженно узнаем многое о них, больше ценим их самих и их счастье.

Я рассказываю об истории любви героев, но вся их жизнь и их любовь, их радости и несчастья — все насквозь пронизано большой темой жизни ради людей, пронизано высокой гражданственностью. Дело не отделено от них, они погружены в него, всей жизнью погружены. Архитектура — тоже их любовь, их увлеченность.

В этой «некабинетной» картине люди, обстоятельства, проблемы не выдуманы, а подсмотрены, подслушаны в жизни. Есть у героев реальные прототипы. Есть прототип и у Александры Васильевны, которую играет Тамара Макарова.

Образ это эпизодический, но очень важный, «ключевой».

Все герои корнями связаны с этой женщиной — большим архитектором, новатором, педагогом. Связь эта не только профессиональная, но и просто человеческая, связь младших со старшим другом, которому дороги их судьбы, их жизни.

Тамара Макарова играет очень сдержанно. Короткий взгляд, и ей уже понятен человек. Мелькнувшая в глазах улыбка, и нам ясно, что она оценила ситуацию. На скупом драматургическом материале, отпущенном ее героине сценарием, Макарова сумела создать образ значительный, интересный и правдивый.

Я все говорю: «Калмыков, Калмыков» — и не назвал еще актера. Играет эту роль Анатолий Солоницын. Хорошо играет, убедительно, достоверно. Но вот в некоторых сценах вам начинает казаться, что его герой как-то неверно ведет себя, какая-то появляется неточность, неполная правдивость. Тут, однако же, вина не актера, а автора.

Вот сцена в «пакете», в домике, где находится Калмыков с секретарем горкома партии и председателем исполкома:

— ...в этой мерзлоте спрятаны огромные, несметные богатства. Замороженные, заснеженные, заболоченные, которые во сто крат окупят любые твои затраты...

И хотя секретарь шутливо отвечает ему, Калмыков продолжает кипятиться, и в конце концов собеседник уже серьезно говорит:

— А что ты на нас ирничишь? Мы что — против?

И действительно, конфликта тут никакого нет, а Калмыкова это несколько если не огорчает, то ставит в неправдивое положение.

Если уж предъявлять «претензии» Сергею Герасимову как автору сценария, то надо сказать и о том, что он иной раз освобождает себя от долга объяснить зрителю, что же именно произошло — почему, например, законсервировали стройку Калмыкова, почему ее снова разрешили? Нам остается принимать как данность, верить автору «на слово», что Калмыков прав, а его противники не правы.

Нисколько не подготовлена характерами Калмыкова и Маши, да и обстоятельствами сцена ревности. Она звучит как авторский произвол, это конфликт нарочитый, не обусловленный поведением героев.

Вот мой, пусть субъективный, «счет» к автору.

И все же это частности, которым не дано заглушить главное — то, что мы встретились в фильме Герасимова со своими современниками — умными, глубокими, благородными, с людьми, живущими ради большой цели, ради счастья человека.

ЖИЗНЬ КЛОУНА

ШЕСТЬ ФОТОГРАФИЙ ОБЫЧНОГО ДНЯ ЮРИЯ НИКУЛИНА

Отец и сын

По дороге в цирк

Приглашение на концерт

СНИМКИ АЛЕКСАНДРА УЗЛЯНА

Любимая песня

5 МИНУТ НА ИНТЕРВЬЮ

«ДИПЛОМ» КИНОРЕЖИССЕРА

На «Мосфильме» закончились съемки художественного фильма «Самый последний день» по одноименной повести Бориса Васильева. Режиссер-постановщик — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии М. Ульянов. Он же исполнитель главной роли лейтенанта Ковалева.

— Михаил Александрович, «Самый последний день» — ваш режиссерский дебют...

— Участие в режиссерской работе над фильмом «Братья Карамазовы» — это моя школа, мой режиссерский факультет. Считайте, что «Самый последний день» — уже диплом. Картина, вместе с работой над сценарием, отдано три года, в театральном и киноизмерении — срок немалый.

— Расскажите коротко о фильме.

— Сколько уже обсуждалось — что такое хороший человек, — сто раз, миллион раз? Ну а мы, значит, пытаемся это сделать в миллион первый. Хотим по-своему ответить и еще на один старый-старый вопрос — нам надо жить?

«Самый последний день» — это последний рабочий день и последний день жизни моего героя, лейтенанта милиции, коммуниста Семена Митрофановича Ковалева.

...Человек, уходя на пенсию, осматривает свое «хозяйство», прощается с друзьями и подопечными и еще раз пытается для них что-то сделать — словом, советом, сочувствием. Почему этого человека не только приглашают в квартиры, но раскрывают перед ним душу? «Потому что не гостем он себя чувствовал в государстве своем... а хозяином с полной мерой ответственности». Это слова из повести. Есть сценарий — и литературный, и режиссерский, но повесть всегда была со мной. В ней все ремарки и фильму, тот второй план, без которых и не сыграешь, и не поставишь.

Если мы нашим фильмом сумеем еще раз утвердить мысль писателя — побольше бы таких людей, как Ковалев, — то будем считать свою задачу выполненной.

МХАТ: ЖАРКИЕ ЗИМНИЕ ДНИ

Есть час особой тишины в старом мхатовском доме... Уже закончились дневные репетиции, а к вечернему спектаклю актеры вот-вот начнут подходить. Пока же театр пуст...

Главный режиссер после всех хлопот генеральной наконец присел, взял стакан чаю... Корреспонденту «ЛГ», заглянувшему в кабинет, очень хотелось бы подождать лучших минут для интервью. Но новогодний номер не ждет...

Во МХАТе — премьера. Пьеса Г. Бокарева «Сталевары». Постановка Олега Ефремова.

— Мне недавно пришлось сыграть в кино металлурга, — сказал Олег Николаевич. — Был на металлургическом комбинате в Череповце. Больше всего меня поразили люди, работающие там — в горячих цехах. Им нельзя подвести друг друга. Нелегкий, подчас опасный труд диктует свои неписаные законы. Эти законы истинного коллективизма запали в память и сердце.

Потом случилось мне прочитать сценарий Геннадия Бокарева «Самый жаркий месяц». Я предложил автору сделать из сценария пьесу. Верилось, что он, в прошлом рабочий, техник, инженер, а ныне профессиональный писатель, глубоко знает тему.

Самое интересное для меня в новой пьесе — конфликт, который, по-моему, впервые встречается в нашей драматургии последних лет. Если его сформулировать в нескольких словах, получится суховато и не очень понятно. Но все же попробую: производственный максимализм равнозначен максимализму в личных отношениях людей. Наша этика не терпит противопоставления себя рабочему коллективу.

Мы не раз видели в театральных спектаклях героя, «возмутителя спокойствия», критикующего многие недостатки организации производства. И здесь есть такой. И он прав во многом. Кроме одного: отношения и тем, кто трудится с ним рядом, в горячих цехах, кто живет по высоким нравственным законам. А эти люди требуют и заслуживают большого уважения.

Нравственная сила коллектива — для меня, пожалуй, главная тема спектакля.

РЕЗОНАНС

«ОСТОРОЖНО: ЭРМИТАЖ!»

РЕДАКЦИИ «ЛГ» ОТВЕЧАЕТ МИНИСТР КУЛЬТУРЫ СССР Е. А. ФУРЦЕВА

В 1972 году в «Литературной газете» (№№ 16, 22, 27, 31, 44) был опубликован ряд статей, интервью, писем читателей, посвященных проблемам работы музеев. В № 44 от 1 ноября эта дискуссия, в ходе которой высказывались и весьма спорные мысли, предложения, была завершена.

Редакция получила письмо министра культуры СССР Е. А. Фурцевой, в котором говорится, что Министерство культуры СССР самым внимательным образом ознакомилось с материалами дискуссии. В большинстве своем они свидетельствуют о глубокой заинтересованности советских людей в успешном развитии дела популяризации и бережного сохранения исторических и художественных ценностей, составляющих национальную гордость нашего народа.

Поднятые газетой вопросы представляют часть общей проблемы улучшения деятельности музеев в области коммунистического воспитания трудящихся, являющейся предметом постоянного внимания партии и правительства.

В ходе дискуссии газета обратилась к вопросам роста посещаемости музеев, организации обслуживания посетителей и сбережения экспонатов музеев — богатейших собраний произведений искусства, художественных и исторических сокровищ.

Нужно сказать, пишет далее Е. А. Фурцева, что активный рост посещаемости — закономерное следствие культурной и социальной эволюции советского общества. За десятилетие — с 1955 по 1965 год — посещаемость художественных музеев выросла почти вдвое. В 1965 году она достигла 19 миллионов человек, в 1970 году — 29 миллионов, в 1971 году — 32 миллионов человек.

Министерство культуры СССР считает быстрый рост посещаемости положительным явлением, характеризующим верное направление музейной работы в духе задач, определенных постановлением ЦК КПСС от 12 мая 1964 года «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся».

Естественно, что такой рост посещаемости музеев прежде всего крупнейших музеев страны, отмечается в письме, вызвал определенные трудности в обслуживании посетителей. Дело в том, что увеличение экспозиционных площадей музеев в настоящее время отстает от темпов роста посещаемости, хотя за последние 7—8 лет площади художественных музеев страны увеличились почти на 40 процентов. Так, Эрмитажу передан Меншиковский дворец и предполагается передача Строгановского дворца и Кавалергардского корпуса. К 1975 — 1976 годам — в соответствии с решением Совета Министров СССР — будет завершено строительство Государственной картинной галереи СССР. В Каунасе создан оборудованный на современном уровне Музей имени Чюрлёниса, в Киеве и Вильнюсе построены новые выставочные залы и т. д. В перспективе предполагается строительство выставочных залов и музейных помещений во всех республиканских центрах и крупнейших городах страны.

Далее в письме говорится о расширении форм музейной работы по обслуживанию посетителей.

Министерство культуры СССР уже осуществило и продолжает осуществлять меры по регулированию потока посетителей, заполняющих наши крупнейшие музеи. Это и распределение их по сезонам, и по времени в течение дня, расширение и улучшение экскурсионно-лекционной работы.

Как правило, все это делается на основе научных исследований проблем посещаемости. Они проводятся, в частности, сектором по социологическим исследованиям, созданным при Эрмитаже. Именно благодаря этим исследованиям удалось точнее установить, что лекционно-экскурсионная работа в музеях является одной из самых активных форм эстетического воспитания, она позволяет прививать людям навыки восприятия художественных произведений. Увеличение числа экскурсий в художественных музеях с 270 тысяч в 1965 году до 388 тысяч в 1971 году отражает потребность широкого круга трудящихся в получении эстетических знаний. Министерство культуры СССР, подчеркивается в письме, будет и впредь расширять и совершенствовать эти формы массовой научно-просветительной работы музеев.

Будет развиваться также выставочная деятельность музеев, с тем чтобы охватить более широкие круги населения, всех тех людей, которые не имеют возможности посещать крупнейшие музеи: в 1971 году, например, функционировало 12 передвижных выставок из собраний Эрмитажа, Третьяковки и Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, обслуживших население 30 городов. Кроме того, в 130 населенных пунктах побывали выставки репродукций из этих музеев. Всего музеями страны проводится в год до 20 тысяч передвижных выставок.

Особо следует сказать об обеспечении сохранности музейных ценностей, пишет А. Фурцева.

Постановление Совета Министров СССР от 28 октября 1954 года определило меры по созданию государственной системы реставрационного контроля за состоянием сохранности произведений, входящих в состав Музейного фонда СССР. Эта система позволила обеспечить вполне удовлетворительную сохранность исторических и художественных ценностей. За последние годы в музеях страны отмечались лишь единичные случаи частичных повреждений экспонатов, не имеющих своей причиной посещаемость музеев. Регулярные обследования произведений, находящихся в коллекциях музеев, дают возможность контролировать любые изменения их состояния и принимать в необходимых случаях соответствующие меры. В последние годы Министерство культуры СССР приступило к созданию каталога рентгенограмм шедевров живописи музеев СССР, что позволит еще более точно следить за состоянием сохранности выдающихся произведений искусства. Следует сказать также, что некоторые музеи, размещающиеся в зданиях — памятниках архитектуры, имеют в своем распоряжении специальные реставрационные мастерские, обеспечивающие сохранность интерьеров помещений (паркет, резьба, позолота и т. п.).

Сохранность лучших произведений обеспечивается проводимым в настоящее время техническим переоборудованием многих крупнейших музеев страны. Эта работа предусматривает более эффективное регулирование систем вентиляции и отопления, введение систем сигнализации, оборудование хранилищ и т. д. Государство ежегодно выделяет на эти цели весьма значительные суммы. Так, в 1972 году на оборудование и ремонтные работы только по музеям союзного подчинения выделено около 1 600 тысяч рублей.

Разумеется, сделано еще далеко не все. Объем работ по обеспечению сохранности музейных ценностей неуклонно возрастает, прежде всего в связи с постоянным ростом количества музейных ценностей. Только за последние пять лет (1967—1971 годы) состав коллекций художественных музеев страны увеличился с 4,7 миллиона единиц хранения до 6,5 миллиона единиц хранения. Всего же в музеях страны имеется 36,5 миллиона единиц хранения.

Коллегия Министерства культуры СССР, говорится далее в письме, рассмотрела материалы, которые были опубликованы в «Литературной газете» по проблемам развития музейного дела в нашей стране. Целый ряд вопросов, поставленных газетой, ее авторами и читателями, заслуживает самого серьезного внимания и последовательного решения.

В своем постановлении коллегия наметила в связи с этим целую систему мер. Их осуществление в ближайшие месяцы и годы должно способствовать не только созданию наиболее благоприятных условий для сохранности уникальных произведений искусства, художественных и исторических ценностей в музеях, но и дальнейшему улучшению обслуживания широких масс населения, повышению роли музеев в идейном и эстетическом воспитании подрастающего поколения, всего советского народа.

Коллегия обязала все республиканские органы культуры и государственные музеи тщательно учесть конкретные, деловые предложения, высказанные на страницах «Литературной газеты», в том числе о совершенствовании координации деятельности музеев с экскурсионно-туристическими организациями, о создании новых филиалов музеев и расширении выставочной деятельности, о внедрении в повседневную практику работы музеев новейших достижений научно-технического прогресса.

В заключение, пишет Е. А. Фурцева, нам хотелось бы сообщить редакции «Литературной газеты», что коллегия Министерства культуры СССР сделала серьезное предупреждение работникам министерства, которые недостаточно внимательно отнеслись к выступлениям газеты и формально подошли к подготовке ответа редакции.

73

ГЛАВНАЯ ТЕМА

УСТРЕМЛЕННЫЕ ВПЕРЕД

Я до сих пор нахожусь под глубоким впечатлением от торжеств по случаю золотого юбилея Страны Советов. Вместе с другими иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве, я присутствовал на юбилейных торжествах в Кремлевском Дворце съездов. И дни эти не забуду никогда!

Когда несколько тысяч человек внимательно вслушиваются в слова Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнева, когда они бурными аплодисментами встречают выступления представителей братских партий, поздравляющих советский народ, — сильнее, чем обычно, чувствуешь особую товарищескую атмосферу классового интернационального единства, которое связывает между собой народы Советского Союза и все прогрессивные революционные силы мира. Если бы меня попросили одной фразой выразить впечатление от этого юбилея, я бы сказал так: глубокая, непоколебимая убежденность в идее братства народов.

Как сказал в своем выступлении на торжественном заседании Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, «в свершениях Советского Союза находят наиболее полное воплощение все социально-экономические преимущества и духовные ценности социализма: принципы социальной справедливости, всестороннее развитие личности, инициатива и творчество трудящихся, огромная динамика экономической, общественной и культурной жизни, вызывающий всеобщее восхищение прогресс науки и техники».

Весь мир находится под огромным воздействием Советского Союза, его моральных, общественных, экономических принципов, созданных новым строем. И это воздействие день ото дня возрастает.

Огромное значение имеет опыт в области национальных отношений, накопленный в СССР за полстолетия. Я уже пять лет — постоянный корреспондент «Трибуна люду» в Советском Союзе, и у меня неоднократно была возможность убедиться в том, сколь крепки связи между советскими республиками, сколь чисты отношения между народами СССР, отношения, основанные на принципах равноправия, взаимоуважения, братства и настоящей дружбы.

Предпринятые в последние годы Советским Союзом и другими странами социалистического содружества активные внешнеполитические шаги привели к значительному смягчению международной напряженности, особенно на европейском континенте. Результат говорит сам за себя: договоры, подписанные между СССР и ФРГ, между ПНР и ФРГ, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, договор об основах отношений между ГДР и ФРГ. Особо надо сказать об инициативе СССР и других социалистических стран по созыву общеевропейского совещания. Оно, без преувеличения, может стать событием эпохальным, превратив наконец наш континент, неоднократно переживавший ужасы войны, в континент мира и сотрудничества.

Но в эти столь праздничные для всех нас дни мы не можем не думать о наших братьях во Вьетнаме, ведущих героическую борьбу против продолжающейся американской агрессии. Мне довелось недавно беседовать с одним из моих товарищей — польским журналистом, возвращавшимся из Ханоя в Варшаву через Москву. Он рассказал о трагедии, которую переживает мужественный вьетнамский народ. Он видел все это своими глазами, поэтому его рассказ так потрясал. От бомб гибнут вовсе не солдаты — в основном женщины, старики и дети. Совсем недавно из Ханоя сообщили о гибели от американской бомбы польского судна «Йозеф Конрад» в порту Хайфон. Три польских моряка убиты, пятеро ранены. Они были солидарны с народом борющегося Вьетнама. Они погибли на своем посту. Их смерть — тоже на совести Пентагона!

...Планета вступает в 1973 год. Мы готовы с новой энергией бороться за мир, за торжество великих идеалов коммунизма. Лично мне повезло — я встречаю праздник в Москве, среди советских людей, настоящих друзей моей Родины, подлинных патриотов и интернационалистов, людей, устремленных вперед — в будущее.

Ежи КРАШЕВСКИЙ,
собственный корреспондент газеты «Трибуна люду»

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КУБА

В первый день Нового года кубинский народ отмечает годовщину своей революции — День освобождения. 14 лет существует новая, социалистическая Республика Куба. Революционные преобразования, проведенные за эти годы, радикально изменили лицо кубинского общества, позволили раскрыть творческие возможности рабочих, крестьян, народной интеллигенции. И это невзирая на экономическую блокаду, которая сохраняется по сей день, на самые различные формы подрывной деятельности империализма.

Но социалистическая Куба не одинока. Как сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Куба «является прочной составной частью мировой системы социализма. Ее международные позиции, ее интересы и безопасность надежно ограждены не только твердой политикой Компартии Кубы и героизмом ее революционного народа, но также поддержкой и братской помощью СССР, других стран социалистического содружества».

На снимке: Гавана, площадь Революции.

СЕМЬ ДНЕЙ В ДЕКАБРЕ...

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

ПОЗОР АМЕРИКИ

В эти предновогодние дни первые полосы газет омрачены страшными фотографиями разрушений во Вьетнаме и даже традиционные рождественские рисунки несут на себе печать смерти. Американская елка символически «украшена» на рисунке из датской газеты «Ланд ог фольк» бомбами и «летающей крепостью». Еще выразительнее символика на двух рисунках из бельгийской «Драпо руж»: плоды американских усилий на Луне и на Земле.

Эта последняя тема привлекает внимание многих журналистов, в том числе и в самих Соединенных Штатах. В рождественской статье одной из нью-йоркских газет говорится:

— В те самые дни, когда американские космонавты взлетели с Луны, американские пилоты снова принялись бомбить суверенную страну в Юго-Восточной Азии. Итак, Америка технических достижений и Америка, несущая смерть вьетнамским детям...

— Какая из этих Америк — настоящая? — спрашивает газета и отвечает: — Не нужно гадать, как выглядим мы сегодня в глазах народов мира, — это уже ясно.

Возмущение новыми зверствами американской военщины столь велико в мире, столь велико в самих Соединенных Штатах, что даже буржуазная пресса печатает одну статью за другой, в которых считает за благо отмежеваться от этих зверств.

Следует обратить внимание на публикацию статьи сенатора Эдварда Кеннеди под заголовком «Это должно возмутить совесть всех американцев». В ней, в частности, говорится:

«В последние недели у президента Никсона была еще одна возможность положить конец трагедии в Индокитае и добиться возврата наших военнопленных — на основе, которая получила бы поддержку и одобрение всех американцев. Но события свидетельствуют о возврате к той же старой войне...

И когда в эти рождественские дни мира на земле и благоволения к людям мы собираемся в кругу своей семьи, как мы можем не думать об этой войне! Как может американец гордиться тем, что наша страна преподносит всему миру на рождество 1972 года!

Президент обещал мир. Он принял решение о том, что ничто во Вьетнаме и Индокитае не стоит жизни хотя бы еще одного американского солдата. Но мы все еще убиваем других, отстаивая во Вьетнаме дело, за которое мы больше не готовы умирать. И это должно возмутить совесть всех американцев...

Народ нашей страны устал не только от этой войны. Он устал от избитых аргументов «за» и «против» нее. Ему надоело смотреть на то, как одних наших солдат выводят из Вьетнама лишь затем, чтобы другие появились в Таиланде, по другую сторону границы, на палубах наших кораблей в море или в кабинах наших бомбардировщиков в воздухе.

Он устал оттого, что в ответ на его надежды на мир ему предлагают план продолжения войны. Он устал видеть на экранах своих телевизоров и на страницах своих газет снимки беженцев и жертв войны, сирот и искалеченных детей...»

Хочется процитировать еще одну статью — известного обозревателя Тома Уикара, которая называется «Позор на земле». В ней подчеркивается: «В эти рождественские дни американцы не должны спокойно есть свою индейку, или наблюдать, как играют их дети, или петь старые рождественские гимны, как если бы на земле был мир... Мира нет. На земле есть позор, позор американцев, который может остаться надолго».

К этому вряд ли стоит что-либо добавлять.

ТЕЛЕКС

НАКАЗАНИЕ ЗА КРИТИКУ

Представитель госдепартамента объявил, что возвращение временного поверенного в делах США в Швецию будет отложено. Он сказал, что этот шаг связан с заявлением, сделанным на днях шведским премьер-министром Пальме, в котором он сравнивал американские бомбардировки Ханоя и Хайфона с массовыми убийствами, осуществлявшимися нацистами во время второй мировой войны.

ЮПИ

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЖЕЙН ФОНДА

Соединенные Штаты в политическом отношении являются самой невежественной страной в мире, заявила американская актриса Джейн Фонда в интервью норвежскому еженедельнику «Актуэль». Актриса сказала: «Мне сейчас 35 лет, но лишь три года назад я стала понимать, что творится в мире. И это, несмотря на то, что я училась в лучших американских школах и передо мной были открыты все возможности! Нас, американцев, воспитывают как овец...»

Ассошиэйтед Пресс

АРЕСТЫ В ИЗРАИЛЕ

Израильское радио объявило об аресте еще двух израильских евреев по подозрению в шпионаже. Таким образом, число израильских евреев, арестованных по этому подозрению, достигло шести человек. Первые четверо арестованных были названы членами организации, проповедующей революцию.

ЮПИ

ЕЩЕ ОДНА БАЗА

Завершились греко-американские переговоры о предоставлении права постоянной якорной стоянки шести эсминцам 6-го американского флота и о переселении в район Аттики 400 семей американских моряков. В Греции, в частности в районе порта Пирей, создается военная база 6-го флота со всеми необходимыми для этого наземными сооружениями.

Афинская газета «Вима»

ЖЕРТВЫ — МИРНЫЕ ЖИТЕЛИ

По данным Стокгольмского международного института по изучению проблем мира, среди убитых в результате американской агрессии в Индокитае — свыше 90 процентов мирных жителей. В первую мировую войну гражданские лица составляли пять процентов, а во вторую — 48 процентов от общего числа погибших в результате военных действий.

Авторы исследования делают вывод, что исключительно высокий процент мирных жителей среди убитых в Индокитае — прямое следствие массовых варварских бомбардировок американской авиацией городов и деревень ДРВ, Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи с применением новейших средств уничтожения, таких, как бомбы, начиненные стрелами и шариками, осколочные бомбы высокой взрывной силы и так далее.

Соб. инф.

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

«НИ ЛОГИКИ, НИ ИСТИНЫ...»

Выйдя на политическую арену, издатель еженедельника «Экспресс» Жан-Жак Серван-Шрейбер преуспел пока что в одном: он создал себе прочную репутацию самого легкомысленного политического деятеля. Тому, кто, подобно автору этих строк, слышал и видел, как говорит этот человек, не могли не броситься в глаза его высокомерно-поучающий тон, его манера ораторствовать не только за себя, но и за других.

Этим свойствам своей натуры Серван-Шрейбер не изменил и в состоявшейся у него недавно беседе с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Сульцбергером. Касаясь налаживающихся деловых связей между Советским Союзом и США, владелец «Экспресса» милостиво разъяснил своему собеседнику, что отныне Советская Россия становится «вашим (то есть американского капитала. — Ю. Б.) новым районом освоения».

Тут Серван-Шрейбер явно спутал Советский Союз с каким-то иным государством. И не мудрено: по его мнению, все страны мира нуждаются в американском «освоении»...

Впрочем, владелец «Экспресса» не так уж и прост. Он, как говорится, себе на уме. За «освоением» советской земли американским капиталом ему мерещится «подрыв политических и идеологических барьеров, которые больше не имеют смысла». В таком духе он высказывается не в первый раз. И не он один! На Западе появилось немало «специалистов», вообразивших, что разрядка напряженности, развитие экономического и научно-технического сотрудничестве двух мировых систем может облегчить идеологическую интервенцию антикоммунизма в социалистические страны.

Напрасные расчеты! Советский Союз готов совместно с реалистически мыслящими политиками Запада укреплять мир в Европе и во всем мире, готов развивать с ними взаимовыгодное сотрудничество. Но классовая борьба двух систем в сфере экономики, политики и, разумеется, идеологии, будет продолжаться. «Иначе и быть не может, — подчеркнул Л. И. Брежнев в своем докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», — ибо мировоззрение и классовые цели социализма и капитализма противоположны и непримиримы».

...Газета «Монд» как-то заметила, что Серван-Шрейбер, увлекаясь публичными выступлениями, «нисколько не заботится об их логике и истине». То же самое можно сказать и об интервью, которое он дал Сульцбергеру.

Юрий БОЧКАРЕВ

ХА-ХА!

НАКОНЕЦ-ТО НАСТОЯЩИЕ ШПИОНЫ!

Вообще-то британским тори, как говорится, не привыкать к «ударам судьбы». И все же в такое щекотливое положение, как в эти предновогодние дни, они давно не попадали. Дело вот в чем.

Наш читатель, возможно, помнит опубликованную десять дней назад реплику лондонского корреспондента Советского телевидения и радио Спартака Алексеева, в которой он разоблачил очередную фальшивку английской прессы о «причастности Советского Союза» к событиям в Ольстере (см. «ЛГ» от 20 декабря 1972 года).

Фальшивка эта была состряпана по банальнейшим образцам: «красная подводная лодка у ирландского берега», визит «известного агента Кремля в столицу Ирландии Дублин», «специалисты по уличным боям», высаженные с «русской субмарины», и тому подобное. Лондонская газета «Ньюс оф уорлд» уведомила мир о том, что «коммунисты хотят создать в Западной Европе опорный центр путем превращения Ирландии в контролируемое Кремлем государство», а Уайт-холл, хотя и усомнился официально в «советской причастности», все же оставил желающим достаточно простора для дальнейших антисоветских упражнений...

И вот именно в тот момент, когда английская пресса с видимым удовольствием занималась этими упражнениями, в ирландской газете «Айриш индепендент» появилось сообщение, что в Ирландии действительно обнаружена шпионская сеть, принадлежащая, однако, не далекой Москве, а совсем близкому Лондону. На этот раз речь шла не о домыслах: в Дублине и Корке были арестованы вполне реальные английские шпионы. Арестованы с документами, содержащими, по словам газеты, «информацию, которая может быть использована в ущерб ирландскому государству».

Что же Уайт-холл?

Газета «Таймс» сообщает: «Уайт-холл отказался ответить на вопрос, является ли один из арестованных агентом секретной службы». Форин-оффис заявил: «Мы воздерживаемся от комментариев».

Другая английская газета — «Файнэншл таймс» подчеркнула: «Сообщения о существовании в Ирландской Республике английской шпионской организации ввергло Лондон в сильное замешательство, и министры не щадили сил, чтобы преуменьшить серьезность этого дела».

Наконец, дублинская «Айриш пресс» заметила: «Английское правительство, как всегда в подобных случаях, отмежуется от любых причастных к этому делу лиц, но почти не приходится сомневаться, что Хит и его коллеги оказались в затруднительном положении...».

Бедный Уайт-холл! Ему можно только посочувствовать!..

А. КУРОВ

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ

НОВЫЙ ОПЕКУН?

14 декабря на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» появилась статья Бичера под названием «Говорят, что Чжоу дал Японии военные гарантии». Она сразу же привлекла внимание общественности и вызвала оживленные комментарии мировой прессы.

О чем шла речь? На основании авторитетных, хотя и неофициальных заявлений «высокопоставленных японских и американских должностных лиц» газета «Нью-Йорк таймс» утверждала: «Премьер Чжоу Энь-лай информировал японских должностных лиц о том, что он может представить себе обстоятельства, при которых его страна окажет Японии военную помощь, если Япония подвергнется нападению Советского Союза. Такое заявление, указали эти должностные лица, Чжоу сделал премьеру Какуэю Танака во время визита японского руководителя в Пекин в сентябре. Позднее аналогичные заявления делались другим приезжавшим в Китай японским политическим деятелям различных убеждений».

Газета даже сообщает о деталях обстановки, в которой якобы были даны эти беспрецедентные «гарантии». В Японии усиленно проталкивается так называемый «4-й план обороны» на 1972—1976 годы, в соответствии с которым военные расходы страны удвоятся и Япония станет самой крупной неядерной военной державой. Этот план вызвал не только решительное сопротивление оппозиционных сил в стране, но и беспокойство за ее пределами. Многие указывали, что принятая в 1946 году японская конституция запрещает содержать вооруженные силы для военных целей. Танака во время своего визита старался заверить пекинского собеседника в том, что вновь создаваемые военные силы вовсе не намерены «вести операции, выходящие за рамки обороны собственно островов Японии».

«Нью-Йорк таймс» красочно описывает удивление японских гостей китайского премьера, когда они обнаружили, что их страхи оказались напрасными и что Чжоу Энь-лай прямо подталкивает Японию к дальнейшей милитаризации! «Вместо того чтобы выразить беспокойство, — заявили эти должностные лица (газете «Нью-Йорк таймс». — Б. К.), — Чжоу сказал, что он приветствует «разумный рост» сил Японии как потенциальный противовес «агрессивным замыслам» Советского Союза в Азии». И далее он заверил японскую сторону, что Китай будет сражаться против СССР вместе с Японией, «действуя бок о бок с вооруженными силами Соединенных Штатов».

Таково основное содержание статьи в «Нью-Йорк таймс». Ее появление вызвало дипломатический переполох. В тот же день японское правительство «категорически опровергло» сообщение «Нью-Йорк таймс». Чуть позже министерство иностранных дел КНР также «отмело» факты, приведенные Бичером.

Однако после внимательного ознакомления с текстом этих поспешных и нервозных «опровержений» журналисты, в частности японские обозреватели, обнаружили, что при всей категоричности тона ни Токио, ни Пекин не опровергли сообщения нью-йоркской газеты по существу. Так, даже японское телеграфное агентство Киодо Цусин, сообщив, что «круги МИД КНР опровергли сообщение «Нью-Йорк таймс» о том, что Чжоу Энь-лай обещал военную помощь Японии в случае агрессии (?) со стороны СССР», тут же добавило: «Однако они ничего не сказали относительно других моментов сообщения «Нью-Йорк таймс». Не ясно, что говорилось на этой встрече относительно японо-американского договора безопасности и четвертого оборонного плана — проблем, которые остро обсуждаются в Японии».

«Джапан таймс» конкретизирует: «Сообщение «Нью-Йорк таймс», независимо от того, достоверно оно или нет, симптоматично для великодержавной политики, выявившейся в этой части Азии за последние месяцы... Факт, что премьер Чжоу Энь-лай не выдвинул никаких возражений против усиления обороны Японии и против японо-американского договора о безопасности. А ведь Танака и члены его делегации ожидали, что эти два момента окажутся в числе самых сложных на переговорах в Пекине. Но Чжоу Энь-лай, к большому их удовлетворению, очевидно, забыл о своих прежних резких тирадах против японского милитаризма и оборонных соглашений».

В чем причина столь странной «забывчивости»? На этот вопрос отвечает газета «Асахи»: «Китай расценивает военную мощь Японии как силу, противостоящую СССР». «Джапан таймс» подтверждает: «Не может быть сомнения, что китайское дипломатическое наступление ставило своей целью «сдерживание» Советского Союза».

(Газета, видимо, не случайно применила здесь этот печальной памяти термин времен «холодной войны». Как известно, даллесовская политика «сдерживания» мирового социализма была агрессивным, реакционным курсом, которого придерживались правящие круги США в тщетной надежде ослабить социалистический лагерь, не останавливаясь и перед применением военной силы. «Джапан таймс» намекает, что пекинские руководители хотели бы повторить историю).

Выступая на торжественном заседании, посвященном 50-летию СССР, Л. И. Брежнев подчеркнул: «По существу, единственный критерий, определяющий теперь подход китайских руководителей к любой крупной международной проблеме, — это стремление нанести по возможности больший ущерб СССР, ущемить интересы социалистического содружества». Именно этим критерием, как отмечает мировая печать, руководствовался Пекин и в данном случае.

Отражая мнение широких кругов японского народа, газета «Асахи» писала в этой связи: «Мы не хотим, чтобы налоги (на военные расходы. — Б. К.), выплачиваемые японским народом, использовались в зависимости от интересов других держав. Пусть даже «Китай приветствует увеличение военных расходов Японии и проявляет понимание в этом вопросе», сомнения и беспокойство японского народа в отношении 4-го оборонного плана не исчезнут».

Однако есть, оказывается, в Японии определенные круги, которые заинтересованы в подобного рода военном сотрудничестве с Китаем. По понятным причинам они стараются не афишировать своих взглядов, однако кое-что иногда становится известно японской общественности. Так, например, Кахэйта Окадзаки, председатель токийской конторы по торговле между Японией и Китаем, заявил в середине декабря: Японии следует сотрудничать с Китаем как в экономической, «так и в оборонной» областях.

В этом и подобном ему высказываниях представителей определенных кругов явно чувствуется стремление использовать предложенное Пекином «оборонное сотрудничество» или, во всяком случае, достигнутое в данном вопросе взаимопонимание*

* О том, что подобное взаимопонимание было достигнуто, свидетельствует хотя бы тот факт, что премьер Танака сразу же по возвращении из Китая в начале октября одобрил «4-й план обороны», заявив при этом, что «в КНР с пониманием отнеслись к японским силам самообороны». «В то время это высказывание показалось вздором», — писала на днях газета «Асахи».

для оказания давления на Советский Союз.

Естественно, японская общественность задает себе вопрос: насколько оправдан такой подход в нынешней внешнеполитической ситуации? Неужто в самом деле Япония могла бы получить какие-то выгоды от странного военного альянса с Китаем? Нет, отвечает «Джапан таймс», «в настоящий момент стало очевидным, что Китай выиграл больше Японии. Дело не только в том, — продолжает газета, — что, как указывается в упомянутой статье в «Нью-Йорк таймс», Пекин считает Японию противовесом Советскому Союзу, но и в том, что ему удалось затормозить движение к улучшению отношений между Токио и Москвой».

И в этом гвоздь вопроса. Пекин, судя по всему, поставил своей задачей не допустить, чтобы Япония проявила стремление к взаимоприемлемой договоренности с СССР.

Ряд органов печати еще в дни визита премьера Танака в Пекин отмечал, что одной из непосредственных целей Пекина является блокирование японо-советских переговоров. И надо сказать, что кое-кому в Японии подобная политика по вкусу. Определенные круги вынашивают идею вести переговоры с Советским Союзом «с твердых позиций».

Однако совершенно ясно, что единственной основой переговоров может быть лишь реализм.

В докладе на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования СССР, Л. И. Брежнев указывал, что цель предстоящих важных советско-японских переговоров — «урегулировать вопросы, оставшиеся со времен второй мировой войны, подвести договорную основу под отношения между нашими странами. Мы стремимся к взаимоприемлемой договоренности по всему кругу обсуждаемых вопросов. Однако ясно, что положительных результатов от переговоров можно ожидать лишь в том случае, если такое же стремление проявит и японская сторона».

Никто, конечно, в Японии ни на минуту всерьез не допускает абсурдную возможность «нападения со стороны Советского Союза». «Мы отметаем, — писала «Джапан таймс», — возможность, о которой якобы говорил Чжоу Энь-лай, — будто Советский Союз нападет на Японию, но и идея о том, будто армия Китая может прийти к нам на помощь, тоже весьма сомнительна».

В чьих же интересах обострять напряженность в этом регионе? Напряженность в отношениях между Японией и СССР была бы на руку великодержавным гегемонистским поползновениям пекинских лидеров, их антисоветской политике. Она была бы на руку и империалистическим силам США, которые стремятся сохранить напряженность на Дальнем Востоке, сохранить возможность для вмешательства и экспансии.

Что касается Советского Союза, то его позиция ясна и неизменна. «Советский Союз, со своей стороны, — заявил Л. И. Брежнев, — стоит за установление отношений подлинного добрососедства с Японией».

Борис КРЫМОВ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ НЕПРИМИРИМОСТЬ К НЕДОСТАТКАМ, К ЛЮБОМУ РАВНОДУШИЮ В РАБОТЕ, ГЛУБОКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ НАИБОЛЬШИЙ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЭФФЕКТ, ЗАТРАЧИВАЯ НАИМЕНЬШИЕ РЕСУРСЫ, ДОЛЖНЫ СТАТЬ НЕОТЪЕМЛЕМЫМИ КАЧЕСТВАМИ КАЖДОГО РУКОВОДИТЕЛЯ.

...СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ НАШЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ, ДОСТИГНУТЫЙ В НАШИ ДНИ УРОВЕНЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА ПРЕДЪЯВЛЯЮТ САМЫЕ ВЫСОКИЕ ТРЕБОВАНИЯ НЕ ТОЛЬКО К ЧИСТО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ, НО И К ИХ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЕ, ЧЕТКОСТИ, ОРГАНИЗОВАННОСТИ. БЕЗ ЭТОГО НАМ ПОПРОСТУ НЕ СПРАВИТЬСЯ СО СЛОЖНЕЙШИМИ ЗАДАЧАМИ, КОТОРЫЕ СТАВИТ СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из доклада «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик»

Георгий РАДОВ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ЧЕЛОВЕК НА СЛУЖБЕ

1. ПРО ТЕЛЕЖКУ

Осенью в «Правде» я писал о встрече с механизатором совхоза «Кулундинский» Федором Васильевичем [illegible], с которым не виделись четырнадцать лет. Застал его [illegible] не на «Беларуси», как раньше, а на мощном тракторе К-700 — эти машины доверяют самым лучшим механизаторам. Но Федор Васильевич моих восторгов по этому поводу не разделил. Сказал с горечью:

— [illegible]

— Почему?

— [illegible]

[illegible]

Мы сидели, укрываясь от кулундинского ветра, в уютной теплой кабине трактора, и Федор Васильевич все спрашивал:

— Да что же это такое? Кто забыл про тележку?

Что я мог сказать трактористу?

Горько признаться, но самые могучие и, по-моему, лучшие из имеющихся у нас крупных тракторов на селе частенько зовут... «иждивенцами»! Они бездействуют [illegible]. Нужно [illegible] вывозить зерно. Нужно на чем-то возить свеклу, силосную массу, овощи, да мало ли что — миллионы и миллионы тонн [illegible] осенью и зимой сельские хозяева! А тракторов не хватает, да и трудно с ними в распутицу. Для К-700 фактически не существует бездорожья. И тракторов таких что ни год больше. И появился еще один силач — Т-150. Но и ему нужны прицепы!

Вернувшись с Кулунды, я не мог, не имел права не отыскать ответ на вопрос Федора Васильевича [illegible] и отправился по следам прицепов.

Но, дорогие друзья, я попал в нелепое положение! Несколько серьезных ведомств причастны к прицепам, но ни одно из них не принимает на себя всей вины [illegible] ответственности!

Очень охотно все перекладывают вину все на тот же Госплан! Но нет у нас в стране дела, за которое Госплан не отвечал бы прямо или косвенно. Так что если б написал: во всем виноват Госплан,— ошибки не было бы.

Но давайте все-таки, как взрослым людям, [illegible] солидные ведомства, относиться по-взрослому и говорить с ними по-мужски! Кто продает колхозам и совхозам тракторы? Это делает «Союзсельхозтехника». Кто же первым должен был позаботиться и о заявках на прицепы? Да та же — по логике — «Союзсельхозтехника».

Передо мной, рядом, справки о выпуске тракторов и заказах на прицепы. По ним можно изучать изменчивость настроений работников «Союзсельхозтехники». Судите сами. Трактор К-700 начал массово выпускаться с 1964 года, но вплоть до 1969 года «Союзсельхозтехника» (если суммировать ее заявки) заказывала меньше, чем по полтора прицепа на каждую машину. И только в 1969 году гром грянул: руководители «Союзсельхозтехники» вдруг утроили заявки по сравнению с предыдущим годом. Так что уже в заявках планировалась недостача, неувязка, или, как теперь любят говорить, диспропорция...

Однако руководители «Союзсельхозтехники» законно возразят: Министерство автомобильной промышленности ни разу и не выполнило заявок! А в министерстве этом вам скажут, что у них для изготовления прицепов в нужных количествах мощностей не хватало! Вплоть до 1972 года делали прицепов меньше, чем по одному на выпускаемый трактор (не покрывая задолженности минувших лет!). И только нынче, когда вошел в строй еще один цех выпуска тракторов и прицепов — один к одному! — должен сравняться. Только сравняться, а ведь селу нужно по два прицепа на трактор.

Заколдованный круг?

Нет, вот обстоятельство, которое крайне удивило меня. Когда разговорился с одним ответственным товарищем в Госплане СССР, он сказал:

— А вы знаете, в первое время были не ясны потенциальные возможности нового трактора. Они открывались с годами.

— То есть то, что он может возить грузы?

— Так он же проектировался только как пахотный...

То же самое насчет «потенциальных возможностей» К-700 высказали и в «Союзсельхозтехнике». Сперва, мол, трактор этот готовили только для вспашки.

Я, признаюсь, опешил. Если было не ясно, может ли К-700 возить грузы и нужен ли он для этой цели, — справились бы у тех, кому работать: у механизаторов, инженеров, колхозных председателей, совхозных директоров. Уж они-то, не сомневаюсь, точно сказали бы, что К-700 им нужен не только для пахоты (не стоять же богатырю по семи месяцев в году без дела!), а и для транспортных целей. Непременно упомянули бы и навоз, который вывозят на поля меньше, чем его на фермах, потому что не на что его наваливать (тележек нет!), как, впрочем, и нечем разбрасывать, но это уже другой вопрос.

Правда, ученые — специалисты по управлению поднимут меня на смех за такой дилетантский совет: что это за кустарщина — проводить опрос насчет возможностей трактора в совхозах и колхозах? Неужто нет у нас ведомства, которое должно квалифицированно определить и возможности, и назначение новой машины? Есть такое ведомство — Министерство сельского хозяйства СССР. В богатейшей переписке о К-700 и прицепах найдутся бумаги и из этого министерства. Но почему его голос не стал решающим?!

На фронте, как известно, угроза обороне чаще всего создавалась на стыке соседних армий. В экономике она, увы, создается на стыке ведомств. Так произошло и с тележками. А результат? Пока их — в среднем на машину — приходится по одной с десятыми. Но ведь это «в среднем»! А есть расторопные хозяева, которые имеют и по две, и даже по три тележки, а есть хозяйства глубинные, где нет и по одной.

Сейчас проблема прицепов с мощным трактором в принципе решена высшими инстанциями. Начат выпуск прицепов в Ишиме. Строится специализированный завод в Орске (к сожалению, по вине и заказчика, и подрядчиков он строится медленно!), запланирован еще один крупный завод. Прицепы будут. Но сколько времени потеряно, сколько трудностей испытали на селе из-за того, что в самом начале создалась неувязка именно, повторяю, на стыке ведомств!..

Вот другая история. В сущности о том же.

2. СУДЬБА ЯБЛОКА

Что и глубокой осенью, и зимой, не говоря уже о начале весны, у нас трудно купить свежие фрукты из отечественных садов, общеизвестно. А вот что производство фруктов растет — это горожанам менее заметно, но все же факт — растет! В шестьдесят седьмом году их было собрано более пяти миллионов тонн, в 1971-м — около восьми миллионов. За 1972-й, хотя и год «неяблочный», статистика, вероятно, «выдаст» цифру, близкую к шести с половиной миллионам тонн.

Но часть фруктов, как, впрочем, и овощей, гибнет, не добравшись до прилавка. Немалая доля их скармливается скоту. Несколько лет назад я уже писал об этом в «Литературной газете» и приводил цифры. Повторять не хочется: горькие. Какой же выход?

Чтобы торговать свежими фруктами круглый год, их нужно хранить. Разумеется, в холодильниках. Хорошо бы их иметь рядом с садами. Взял яблоко — и без всяких перевалок положил в холодильник. Свежее, крепкое, сочное...

Я видел такие хранилища еще в шестьдесят шестом году в крымских колхозах «Дружба народов» и «Россия». Ни яблоки, ни груши там не пропадали. Зимой их [illegible] грузили в рефрижераторы и отправляли в города. Только одна деталь: председатели этих колхозов Илья Абрамович Егудин и покойный Петр Семенович Первереев достали крупные холодильники не весьма доступным для других путем, а благодаря, как говорят в селах, «звездной ренте» (оба знамениты, Герои Социалистического Труда, депутаты — им и пошли навстречу). Советовать всем другим председателям и совхозным директорам обзавестись холодильниками я, будучи реалистом, а не фантастом, не имел права: холодильные установки для села в шестьдесят шестом году [illegible] не поставлялись.

Это начала делать через год весьма солидная фирма. Дело было поручено Министерству химического и нефтяного машиностроения. Рассказывают, когда один из сотрудников министерства заметил: «Это не наше дело, у нас иной профиль!» — министр Константин Иванович Брехов возразил: «Будем государственными людьми, а не ведомственными дельцами.»

Разговор произошел в шестьдесят седьмом году, а в шестьдесят восьмом первые сто восемь холодильных установок отправили на село. За четыре года министерство (в операции участвовало около сотни заводов!) скомплектовало и отправило в колхозы и совхозы семьсот шесть холодильников. Могло сделать и больше. Но...

Поясню: любое фруктохранилище состоит из двух элементов — холодильной установки и помещения, здания. Первых (установок) было поставлено, как я сказал, семьсот шесть. А здания-помещения?

Несколько сот крупных фруктохранилищ с холодильниками в колхозах и совхозах построены, пущены, действуют — и это здорово: десятки тысяч тонн фруктов хранится и могут зимой поступать на стол горожан. Однако общая статистика неутешительна. Смотрите: с шестьдесят восьмого года на селе лежат — не установленные! — девятнадцать крупных холодильников, с шестьдесят девятого — девяносто девять, с семидесятого — сто двадцать девять, с семьдесят первого — девяносто один. Плюс лежат десятки установок, полученных в 1972 году.

Почему лежат? Нет помещений! Как лежат, в каком состоянии (не растащили?) — никто не может поручиться. Что-то могли и растащить: в комплектах есть материалы дефицитнейшие, например, кабель...

Кто же виноват? Колхозы и совхозы?

Еще поясню: фруктохранилище — не сарай. Это строение капитальное, оно и обходится хозяйству почти втрое дороже холодильной установки. И выстроить его не просто: нужны и металл, и цемент, и битум, и сетка Рабитца (для штукатурки), и термоизоляция, и мягкая кровля, — они, как известно, ни на полях, ни в садах не произрастают, а строго фондируются. Где мог взять колхоз эти материалы? «Достать» на «левой» дороже! О том, куда она порой приводит председателей, я уже писал в «Литературной газете». Путь — гибельный! Кто же, какое ведомство и кто именно должен был отпустить, но не отпустил хозяйствам эти материалы? Кто не выделил кредитов? Кто не назначил подрядчиков (а не все хозяйства могут построить хранилища своими силами)?

3. ИЩУ ОТВЕТЧИКА

Несколько месяцев я разыскивал этого «кто». Три недели вместе со специалистами и корреспондентами «Литературной газеты» посвятил этому делу целиком. Но на вопрос «кто?» так и не могу ответить определенно и однозначно. То есть, по мере того как углублялся в междуведомственные связи и распри, виновник то и дело возникал перед глазами, обретал очертания, но тотчас же двоился, троился, четверился, десятерился, расплывался, растворялся и... исчезал!

Мне называли ведомства: опять-таки Госплан, затем Госснаб, союзное министерство сельского хозяйства, республиканские министерства сельского хозяйства, минсельстрои и межколхозстрои республик, областные управления сельского хозяйства, райисполкомы. Везде обнаруживались люди, причастные к фруктохранилищам и даже в чем-то — каждый — виноватые. Но ни ведомства, ни людей, ответственных за фруктохранилища целиком и полностью, я так и не обнаружил.

И где-то в середине расследования, уже отчаявшись «найти концы», вдруг представил себе, а что, если бы — не дай бог, конечно! — было сорвано не строительство фруктохранилищ, а производство холодильников? Как бы упростилась моя задача! Виноватого можно было бы найти за пятнадцать минут. Прошу уважаемого Константина Ивановича Брехова извинить меня за такое нелепое допущение, но если бы с холодильниками было худо, то виновником был бы либо он сам, либо его первый заместитель Александр Георгиевич Руцкой, либо начальник Главкомпрессора Павел Георгиевич Деев, либо начальник Главкомплекта Леонид Петрович Головачов. И никто иной! К счастью, все эти люди отнеслись к нуждам села в высшей степени по-государственному, инициативно и деловито. Но, продолжу свою мысль, не потому ли еще они так хорошо сработали, что полностью приняли на себя ответственность за установки (и не только за производство и комплектацию, но и за монтаж на месте и сдачу «под ключ»!) и еще имели реальные возможности справиться с делом, то есть подведомственные заводы, оборудование и материалы?!

А что касается строительства фруктохранилищ...

В том альянсе, который составился в 1967 году, индустрию (поставщика) представляло Министерство химического и нефтяного машиностроения (междуведомственный приказ подписал А. Г. Руцкой), а сельское хозяйство (получатель) было представлено «Союзсельхозтехникой» и Министерством сельского хозяйства СССР (под приказом — подпись заместителя министра Р. Н. Сидака).

Какая цена этой последней подписи? Имел ли Р. Н. Сидак такую же, как его коллега из Минхиммаша А. Г. Руцкой, возможность справиться с делом? Могло ли Министерство сельского хозяйства СССР отвечать за фруктохранилища так, как Минхиммаш за холодильники? Увы, нет...

Прежде чем начать дело, связанное с капитальным строительством, надо решить, как известно, по меньшей мере три вопроса: а) где взять деньги? б) где взять материалы? в) кто будет строить?

Но само Министерство сельского хозяйства СССР не может выделить совхозам ассигнования, а колхозам — кредиты, так как не распоряжается этим. Оно не может дать хозяйствам материалы, так как у него нет фондов на них. Оно не может выделить подрядчика, так как не имеет строительных организаций...

Не столь давно на моих глазах снимали с поста колхозного председателя. Кроме иных промахов, он допустил вот что: не имея ничегошеньки, «проявил инициативу» и затеял крупный молочный комплекс. Вогнал деньги в фундамент и стены, на том дело и кончилось. На собрании его спросил старик-кузнец: «Как же ты начал строить наобум Лазаря?»

Пусть простят меня за грубость руководители Министерства сельского хозяйства СССР, но возглавляемое ими солидное учреждение взялось за фруктохранилища в 1967 году почти так, как сказал старый кузнец: «наобум Лазаря»...

Потому что, — думаю я, — прежде чем благословлять Минхиммаш на поставку в село холодильников, нужно было — в союзных ведомствах! — решить все эти «а», «б» и «в» относительно строительства фруктохранилищ. Решить ясно, определенно, без недомолвок насчет и денег, и фондов, и подрядчиков (как, забегая вперед, скажу — решено все это теперь!). Дело-то затевалось всесоюзное! Хранилища-то однотипны! Уже это требовало единого решения проблемы...

Но «проявили инициативу», обязали республиканские министерства «обеспечить... сдачу объектов... под монтаж». И холодильники пошли-поехали, в сущности, на голые, неподготовленные площадки. И осели там.

Октябрь 1972 года. Сижу в кабинете Ростислава Никитовича Сидака. Передо мной человек молодой, полный сил и крайне занятый. Телефоны звонят, звонят...

Я знаю, что Р. Н. Сидак искренне озабочен судьбой гибнущих фруктов, и ловлю себя на том, что мне импонируют его темперамент и энергия. И еще приходит на ум, что среди тех, кто причастен к хранилищам, я не встретил ни бездельников, ни бюрократов. Все это люди знающие, опытные и деловые. Но куда уходит их энергия?!

Передо мной — толстая папка переписки о фруктохранилищах. Каждую бумагу составляли, визировали, согласовывали, подписывали, посылали. Однако велик ли — так теперь любят писать — к. п. д. этих бумаг? Они-то по преимуществу носят агитационный характер. Одни образованные люди (из союзного министерства) уговаривают, убеждают других образованных людей (из республиканских министерств, Госплана и других ведомств), что хранилища нужно строить, и притом строить быстро...

Конечно, кое-чего удается добиться и таким (агитационным) путем. Однако, по существу, в министерстве пятый год расхлебывают кашу, заваренную по неверному рецепту. Если разобраться, то неудача со стройкой фруктохранилищ была запрограммирована еще в том первом приказе, который подписал Р. Н. Сидак. Решение задачи не было продумано до конца и не подкреплено ни материально, ни организационно...

А урон?

Во-первых, прямой. Сотни установок (весьма и весьма ценное оборудование) омертвлены годами, а фрукты гибнут. Кроме того, известно, что любое хранилище с холодильником окупается за первые год-два, а потом дает прибыль. Колхозы и совхозы не получили этой прибыли...

А во-вторых, моральный ущерб! Каково работникам Минхиммаша и заводов узнавать, что плоды их трудов не дают нужного результата! Столь успешно начатое дело тормозится. Я уж не говорю о том, что хозяйства задолжали поставщику более полумиллиона рублей...

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

4. КОГДА РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО...

Между прочим, я еще не сказал самого главного.

Пока Министерство сельского хозяйства СССР расхлебывает старую кашу (холодильники-то продолжают поступать, а помещения по старым проектам и хозяйственным способом — кто во что горазд — строятся медленно), то есть пока пишутся бумаги, звонят телефоны — службы того же министерства не выполняют как следует единственного дела, которое полностью от них зависит...

Соль в том, что два с лишним года тому назад проблема стройки фруктохранилищ разрешена на иной — солидной — основе. Принято важное постановление. Утвержден план на пятилетку. Сделаны ответственные поручения, предельно краткие и предельно конкретные.

Определено: целесообразнее всего возводить фруктохранилища полносборными из заводских конструкций.

Госплану СССР поручено решить вопросы, связанные с организацией, начиная с 1972 года, производства этих конструкций.

Я ставлю себя на место колхозного председателя и совхозного директора: насколько же этот вариант удобнее для них! От одного поставщика они получают холодильники, от другого — комплекты конструкций для полносборных хранилищ. Сборка — по расчету — должна идти в шесть—восемь раз быстрее, чем строительство по старому проекту, тем более что колхозу не придется «доставать» дефицитные материалы...

За чем же дело?

Для заводских конструкций нужны проекты, чертежи, как и для самих хранилищ.

Кто их должен сделать?

Министерство сельского хозяйства СССР! Вот тут уж именно оно обязано было и разработать, и представить в Госстрой СССР для утверждения: в 1-м полугодии 1971 года — типовые проекты конструкций, а в 1971 и 1972 годах — типовые проекты фруктохранилищ и овощехранилищ.

Причем на этот раз адрес абсолютно точен. Министерство сельского хозяйства СССР имеет проектные организации.

Сделано?

Да, проекты конструкций поступили в Госстрой, но когда? Только в 1972 году, в конце июня — с опозданием на целый год! А ведь за этот утраченный год можно было и наладить производство самих конструкций, и уже собирать хранилища. Увы, проекты хранилищ не готовы и по сей день. Не достроен экспериментальный объект в совхозе «Клинский», и до типовой документации еще не близко...

Так что же это: безответственность по инерции?

Сперва взялись за дело, которое не полностью в их возможностях, а теперь срывают сроки, явно запаздывают с тем, что положено делать им, и никому другому!

Одна подробность: в январе 1972 года газета «Сельская жизнь» критиковала Министерство сельского хозяйства СССР за фруктохранилища, то бишь за то, что строят их медленно. В статье упоминался тов. Р. Н. Сидак. Кто ответил газете на статью, в которой критиковали заместителя министра? Сам министр? Нет, ответил подчиненный Р. Н. Сидака. Естественно, в этом ответе ни слова о персональной ответственности. Виновники не названы.

5. ДИАЛОГИ С ФЕДОРОМ ИВАНОВИЧЕМ

Мораль из этих двух историй может быть извлечена весьма элементарная: неувязку, диспропорцию допустить легко, стоит подойти к проблеме «вообще», не конкретно, не глубоко, не по-научному. А расхлебать кашу, расшить образовавшееся «узкое место» совсем не просто. На это, как вы заметили, уходят годы и годы.

Есть у меня знакомый в одном сельскохозяйственном ведомстве, который еще тем хорош, что работал в совхозе, районе, области и может смотреть на дело и «сверху», и «снизу».

Выслушав мой рассказ о хранилищах, он, Федор Иванович, подсел поближе и заметил:

— Так, значит, диспропорция родилась в союзных ведомствах? Допускаю, что так, даже наверное так. Но хранилища, несмотря на это, можно было построить...

— Каким образом?

— Да ты же сам писал о белгородских комплексах! Что они, белгородцы, имели, когда начинали? Ни проектов, ни механизмов, ни кредитов, ни материалов. Но смело взяли решение на себя — и сделали! Так и с хранилищами. Если бы взялись области...

— Значит, волевым методом?

— Но мы-то живем не в идеальной, а в реальной обстановке! Да, кто-то ошибся, кто-то не предусмотрел, но холодильники-то идут в районы! Республика может жаловаться на союзного министра, ставить вопросы и т. д. и т. п., но хранилища-то нужно строить! Своими силами! Не валяться же холодильникам, в них денежки вложены. Ты же сам писал...

Да, если б я сам не видел, как белгородцы взяли на себя всю полноту ответственности за комплексы... Если б не видел я нынче, как на Алтае убирали Большой хлеб, и при этом многие конкретные проблемы край решал, привлекая все подручные средства... Если б не перевидал десятки примеров того, как инициатива и энергия людей на местах помогали в труднейших переплетах, я, может, и не прислушался бы к Федору Ивановичу...

Но ведь, действительно, при всех просчетах, допущенных с хранилищами в союзных ведомствах, разве не укор республиканским министерствам, скажем, РСФСР и Украины, и областным руководителям, что не установлены, лежат десятки и десятки холодильников из-за отсутствия помещений, зданий?!

Но в то же время, ежели думать не только о сегодняшних нуждах, а о перспективе, не дорого ли нам обходится, так сказать, белгородский опыт? Надо ли заранее программировать такие физические и нервные перегрузки для местных работников, какие пришлось на первых порах испытать белгородцам?!

Когда мы заговорили об этом с Федором Ивановичем, он неожиданно зашел «с другого конца»...

— Знаешь, когда я из совхоза перешел в главк, долго не мог привыкнуть. В совхозе было все ясно: *вот мой участок работы, за который, кроме меня, никто не отвечает.* Сделал хорошо свое дело — вот тебе премия. Не сделал, прошляпил — ты один в ответе, ты же несешь, как говорится, и моральный, и материальный урон. А тут? Ну, я, допустим, пожилой человек, вырос на низовой работе, привык к дисциплине, ответственности. А если у нас в главке служит молодой специалист? Четко очерчен круг его обязанностей? Каждый день он знает, за что именно отвечает? Ясно ли ему, что за исполнение того-то и того-то ему следует то-то, а за неисполнение с него, наоборот, взыщут и морально, и материально?

— Значит, все начинается с рядового служащего?

— Погоди. Ты заметил, как пишут в газетах: «Госплан не предусмотрел, министерство не решило, главк не обеспечил...» А что такое Госплан? А министерство? А главк? Сотни, тысячи работников! Кто же не решил? Какой-то конкретный Иван Иванович, причем не обязательно крупный начальник. Но доищись до него! Получается анонимная ответственность (или столь же анонимная безответственность!) целых учреждений. А почему? Значит, в этом случае не был определен персональный исполнитель! Приходится отвечать за Ивана Ивановича всему министерству, а ему-то, огромному, ох, как легко «отвечать» за какие-то прицепы или чертежи хранилищ, если у него иных дел — и порой поважнее — вагон и целая тележка! А потом, допустим, известен Иван Иванович, но, если он хорош, поощрят ли его? Ты насчет холодильников говоришь, что в Минхиммаше хорошо сработали. А кто именно — назвали? Их-то премировали?!

Да, мне называли тех, кто особенно хорошо позаботился о холодильниках для села, в частности — заместителя начальника главка Александра Моисеевича Евсеева и старшего инженера (она уже на пенсии) Валентину Георгиевну Кочубей. Поощрили их за это хорошо исполненное дело? Нет, такого не было.

— Не принято, — вздохнул Федор Иванович. — В совхозе — принято, на заводе — принято, а в учреждении — нет, разве что к празднику или к юбилею... А если б человек на службе — каждый человек — знал, за что именно он отвечает, и имел для этого все под рукой, и — еще тебе говорю — знал, что за успех его премируют и гласно похвалят, а за неуспех взыщут и так же гласно покритикуют...

Я начинал эти заметки с одной целью — привлечь внимание к двум важным предметам: прицепам для тракторов К-700 и фруктохранилищам. Но уникальны ли эти истории? Чтение редакционной почты, газет, собственных блокнотов убеждает — далеко не уникальны. Так не пора ли нам, как и сделал Федор Иванович, «с другой стороны»? Не поговорить ли вообще и в частности о Человеке на Службе, от которого в конце концов в немалой степени зависят и наши успехи, и разного рода неувязки и диспропорции?! Может, читатели «Литературной газеты» примут участие в таком разговоре?

Есть и у меня еще наблюдения на сей счет, но о них уж в другой раз!..

Фото А. ЛИДОВА

ЛИЦОМ К ОГНЮ

КОРРЕСПОНДЕНТ «АГ» НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

«ЕРС — пятьдесят... ЕРС — пятьдесят, я ЕРС — девяносто четыре... Примите срочное сообщение... В 23 часа 45 минут на скважине номер шесть ударил газонефтяной фонтан. Через несколько секунд после появления нефти вспыхнул огонь. Оборудование сгорело. Жертв нет».

(Из сообщения, принятого радистом Мегионской нефтеразведочной экспедиции)

...Тяжелый непрерывный грохот повис над раскореженной черной тайгой, над прижавшимися к земле балками, над рекой Варьеганом и неподвижным озерком-старицей, с которых горячий пар мчался под ветром на нас, на вертолет, на тракторы и компрессоры. Иногда ветер рвал пелену пара, и тогда неясно проступало бледное, запрятанное у горизонта солнце. Казалось, прямо поперек солнечного диска, перечеркивая его, проносились клочья желто-синего, с красными стремительными прожилками пламени. Оно вздымалось выше кедров и лиственниц. А люди шли, сунув руки в карманы ватников, низко надвинув каски, поднимая сапогами горячую пыль, шли прямо к бесчинствующемуся *огню* — шли на очередную вахту: вот уже почти месяц бессменно, в остальном грохоте шли люди в пекло, чтобы окончательно задавить его...

15 сентября 1972 года. Пятнадцать минут до полуночи. Бурильщик Владимир Сухушин поднимал со дна скважины (а это 2056 метров) отработанное долото. Инструменту оставалось пройти немного, когда Сухушин вдруг увидел, что скважину начало «переливать».

Небольшое пояснение... При углублении скважины на десять метров давление в ней вырастает на одну атмосферу. Чтобы его уравновесить, в скважину закачивают глинистый раствор с удельным весом больше единицы.

В тот день пластовому давлению в двести с лишним атмосфер противостоял столб раствора длиной в два с лишним километра. И вот на глазах изумленного Сухушина раствор внезапно полез обратно, стал выхлестывать на скважины. В затаенных глубинах началось чудовищное движение планетарных сил — и Сухушин растерялся... У него было 15 — максимум 20 — минут, которые нужны были нефти, чтобы подняться вверх по длинному каналу. За это время он мог закрыть превентор — особое устройство как раз на такой случай. Он не нашелся. А когда наконец бросился к превентору — застонала буровая вышка и с ревом встал над землей фонтан нефти и газа высотой 175 метров.

Подземный удар выбросил из скважины трубы. От столкновения металла где-то возникла искра... Через несколько секунд после рождения фонтан превратился в факел. Люди стремглав мчались по направлению к тайге. Обгоняя их, с визгом неслись собаки. На крыльце столовой в растерянности замерла на мгновение повариха Нелля Рожкова. Прикрыв ладонью глаза от нестерпимого блеска, она увидела, как тает буровая вышка: металлическое сооружение высотой сорок метров внезапно стало стекать вниз. На десятой минуте вышка исчезла...

16 сентября. Главный инженер Главтюменьгеологии Геннадий Махалин оказался на соседней буровой. Утром он прибыл на вертолете. Первое замешательство к тому времени прошло. Рабочие собрались за балками, где свет и жар были чуть послабее, пытались разобраться, кому и что надлежало делать.

Перед людьми бесновался один из крупнейших горящих фонтанов в истории мировой нефтедобычи. Так велик был внутренний напор восьмидюймовой нефтегазовой струи, что тут же, при выходе на волю, она расширялась в поперечнике до метра. И все-таки оставалась плотной, как металл: такую снарядом не обрубить. Пламя начиналось на пятом метре фонтана. Температура его превышала две тысячи градусов. Начальник отдела Главтюменьгеологии лауреат Ленинской премии Иван Гиря и командир пожарной части подполковник Столяров в специальных костюмах первыми пробрались через завалы горелого железа, подошли к фонтану. Струя сдвинула превентор с места, и теперь его надо было сбивать с устья. В таких случаях ставят артиллерийское орудие и стреляют по превентору чугунными болванками. По рации заказали орудие.

17 сентября. Приземлился вертолет «МИ-6» с противоаварийным оборудованием.

Расчистили площадку, сдвинули бульдозерами сотни тонн горелого железа, *обугленной земли, срезали мешавшие деревья, и появился простор.*

Можно было уже без опаски *оглядеться, а в случае чего* и отступить от пламени... *Можно было немножко прийти* в себя. Молодой рабочий достал электробритву, сунул вилку в розетку.

— Не работает... У кого еще есть?

Включили другую — не работает... Третью — то же...

— От тряски сдали?

Вошел мастер Спартак Стерхов. Взял бритву, провел по подбородку. Быстро побрился. Сунул бритву хозяину. Прокричал в ухо:

— Тебе просто не слышно, как она работает...

23 сентября. В старице — кривом, как серп, озерке — сварилась рыба. Кое-кто пробовал ее есть, но она пахла нефтью. Потом пища посыпалась с неба: наступил сезон перелета птиц. Днем стаи далеко огибали пожар. Но ночью факел гипнотизировал их... Поэтому сотни «жареных» уток, куропаток падали на землю.

...Из Сургута пришли суда с реактивными противопожарными установками. Только ими можно оторвать многометровый язык пламени от струи, сбить огонь с фонтана. Струи этих противопожарных «катюш» настолько сильны, что, когда одну из них случайно направили в лесок, несколько кедров, росших на опушке, были «срезаны» начисто. Но потребовалось три попытки, прежде чем пламя погасло, а фонтан, освобожденный, подпрыгнул вверх.

Эти попытки были пробными. Пока готовился специальный превентор, фонтан пришлось вновь поджечь из ракетницы — погашенный, он сулил еще большие беды: нефть растекалась бы по земле, образовались бы газовые облака, готовые каждую минуту взорваться...

30 сентября. Для того чтобы надвинуть на струю новый превентор, который *пробкой заткнул бы* огненную скважину, надо было приварить фланец — *огромную* толстую шайбу с отверстиями, чтобы затем *«продеть»* в нее огненную струю, как продевают нитку в ушко иголки. Один из сварщиков готовился подойти к устью фонтана, к самому пламени. Окатили его из шланга с головы до ног, обработали так, что даже брезентовая роба пропиталась водой, и только тогда он побежал, прикрываясь маской, к факелу. Все, кто был на площадке, следили, как он преодолевает тридцатиметровую, перед самым фонтаном очень опасную полоску земли. И все вздохнули облегченно, когда сварщик благополучно пересек ее. У устья было легче: пламя бушевало далеко вверху...

Все, чем жил эти дни таежный гарнизон, ради чего работал каждый в адском пекле и грохоте, сконцентрировалось сейчас в задаче, которую должен выполнить этот человек. Он вызвался на дело сам. И трудно сказать, что случилось с ним там, возле устья фонтана. Нервный срыв? Боязнь, что остался один на один с этим чудовищем? Сварщик начал беспорядочно тыкаться электродом куда попало, залез маской в струю — клочья ее взметнулись в пламени.

Кинулся человек прочь от фонтана. Добрался до людей, опустился на березовый комель. Прохрипел:

— Не могу... Варить не могу... Не вижу ничего...

Через два часа над кромкой тайги *появился* вертолет, сел у фонтана: привез вахту, *привез нового сварщика* — Олега Вариченко.

...Олег Вариченко уверенно, широкими шагами пересек опасную зону, аккуратно разложил у фонтана электроды, запасную маску-щиток, рукавицы, проверил, нет ли перекосов у фланца, а потом начал варить — буднично, не спеша, будто показывал в учебном классе, как накладывается тот или иной шов.

Через мучительно долгие 50 минут все было готово. Теперь на фланец предстояло посадить грузный, весом семь тонн превентор. Удастся — значит, конец пожару...

12 октября. Очередное заседание штаба. И новая тревога. Она прозвучала в словах Геннадия Махалина:

— На нефтяных фонтанах при наводке превентора пять раз взрывы случались. Причина неясна, хотя и грешат специалисты на электростатический разряд... Как бы в шестой раз...

Утром, едва рассвело, по фонтану ударили «катюши». Огонь минут десять сопротивлялся. Потом оторвался от фонтана и, будто самолет, с воем ринулся прочь...

Превентор подняли краном, зацепили за края четырьмя мелкими тросами и рывком подали в струю. Фонтан угодил точно в центр отверстия... Наизготовку встали пожарные, расчеты «катюш». Операция проходила просто — крановщик по взмаху флажка «майнал» превентор, трос натягивали лебедками: так — рывками — и надвигали устройство на устье скважины. И вот когда оставалось всего полгора — две ладони зазора, вдруг с грохотом взметнулся огромный розовый столб, накрыл огнем стоявшего очень близко к фонтану командира спасателей Николая Григорьева.

Стоголосое «ох!» осталось неуслышанным в реве огня...

Первым к Николаю Григорьеву бросился Геннадий Махалин, но споткнулся о клубок троса. Уже лежа, увидел, как Григорьев в горящей спецовке скачками несется к таежной опушке. Не растерялись пожарные — несколько водяных жгутов скрестились на пылающей фигуре...

Николая Григорьева спасли. Теперь надо было вырубить превентор. Его семитонная туша болталась в пламени. Кабина крана была уже пустой. Крановщик не выдержал, убежал. Не прошло и двух секунд, как загорелась сама машина. И тут от одной из лебедок к крану метнулся человек.

Махалин потом вспоминал, как закричал тогда

— Куда! Сгоришь ведь!

Он твердо знал — у лебедок стояли люди, не знакомые с крановым хозяйством. Человек, который бросился к горящей машине, не услышал Махалина. Помочь ему было невозможно — в любую секунду мог взорваться топливный бак.

Вышкомонтажник Геннадий Головкин не думал в тот момент, что вот-вот взлетит на воздух. Надо было как можно скорее добежать...

Головкин почувствовал, как ожгло рот — треснули спекшиеся губы. Он ухватился руками за поручни кабины и прямо с земли, перемахнув через гусеницы, нырнул в полыхающее нутро машины.

Наверное, чутье подсказало в тот момент Головкину, бывшему трактористу (*совершенно не знакомому с краном — Махалин был прав!*), как запустить горящий мотор... Кран попятился от факела, на фоне огня проявилась *силуэтом сгорбатившаяся* фигура Головкина. А за краном *по белой выцветшей* земле, чертя глубокую борозду, *тянулось тело превентора!*

Ударила «катюша», вдребезги разлетелось заднее стекло кабины, и Головкина с головы до ног окатило водой...

16 октября. Вновь заседал штаб, несколько часов...

Продумали, выверили схему, по которой заново расставили людей, чтобы никто не пострадал в случае нового взрыва...

И вот в очередной раз с фонтана сбили пламя. Запахло «сырой» нефтью. Превентор, уже обгорелый, блокированный с четырех сторон стальными тросами, завели в струю, стали осаживать. Сутки никто не уходил с площадки.

Когда превентор от устья отделяли считанные миллиметры, каждый даже дышать перестал — а вдруг искра, разряд и взрыв? Эти минуты были самыми тяжелыми.

Вот он, казалось бы, сел уже на фланец, но нет — тросы еще добрых полчаса оставались натянутыми, как струны... А потом... Потом кто-то радостно швырнул вверх танковый шлем (от грохота спасали только танковые шлемы), кто-то подбросил рукавицы — тросы стали провисать... Превентор благополучно сел на скважину.

Но фонтан еще жил. Чтобы обуздать его окончательно, предстояло стянуть превентор с фланцем болтами. Вручную. Сделали это четверо: Иннокентий Кузин, Иван Мороз, Василий Пономарев, Спартак Стерхов...

Спартак рассказывал:

— Электрик Юра Шадрин — молодец! — прожектора врубил, чтобы посветлее было. Гляжу — все деревья от нефти рыжие... Взяли ключи — бронзовые, чтобы искра где в фонтан не скользнула... Пошли к превентору... Вначале затянули четыре шпильки — крестом, чтобы перекоса не было, потом затянули остальные двенадцать. Ну, что еще рассказывать? Сорок пять минут заняла эта «история»...

Пожары на нефтяных месторождениях — не редкость. Широко известна катастрофа, случившаяся на нефтяных разработках фирмы «Шелл» в Мексиканском заливе, в 113 километрах к югу от Нового Орлеана. Там к концу 1970 года пробурили 22 скважины. Утром 1 декабря шли обычные ремонтные работы на скважине В-21: нефть тут добывали с глубины 400 метров под давлением 190 атмосфер. Как и на Варьёгане, на американской В-21 не удалось закрыть превентор. В 9 часов 45 минут из земли неожиданно вырвался фонтан нефти и газа и сразу же превратился в факел.

С этого момента прямая аналогия не годится. Пожар охватил большинство скважин «Шелл». Но по сибирским масштабам они были не слишком мощные: на Варьёгане сгорало 11 миллионов кубометров газа в сутки, а все 22 скважины Мексиканского залива давали только 0,1 миллиона кубометров... Подвезти противопожарное оборудование, доставить специалистов из ближайших обжитых районов юга США было несравненно легче, чем нам, по двухтысячекилометровым замерзающим поздней осенью рекам из Тюмени или вертолетами из Мегиона. Тем не менее, если мы управились с пожаром за тридцать дней, то американцы задавили свой лишь спустя 136 суток! При этом у нас, к счастью, не было людских потерь, а в Мексиканском заливе нефтяной пожар погубил 4 человек и оставил 36 тяжело раненных.

Мы вспомнили об этом, стоя у самой кромки тайги...

Подошел Махалин, снял с головы пластмассовую каску, постучал пальцами по прогоревшему донышку — донышко, прожженное насквозь, вывалилось. Неизвестно, на чем оно держалось. Махалин подумал: как много они отдали за эту минуту, когда можно постоять вот так, с непокрытой головой у скважины, не опасаясь ни взрывов, ни всплесков огня, ни губительного жара!

Е. АНАНЬЕВ,
В. ДОРОФЕЕВ,
В. ПОВОЛЯЕВ,
В. ТРАВИНСКИЙ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ ТЕМУ

Уважаемая редакция!

Я с интересом прочла в «Литературной газете» очерк о борьбе с пожаром на торфяниках в Подмосковье. Подобные материалы не часты на страницах газеты. Но ведь это происшествие не единственное! Я, например, слышала, что на нефтяных промыслах в Сибири случился недавно страшный пожар. Почему же вы лишаете себя возможности чаще рассказывать читателям о мужестве, героизме советских людей, укрощающих стихию?

КОСТРОМА — **М. СТАРОСТИНА**

А где и как можно общаться, если тебе не двадцать, а тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят? Ведь живые люди ищут общения. Шортинами или длинными волосами тут не обратишь на себя внимания. А что делать?

КИЕВ — **Н. МИХАЙЛОВ**

Обидно и больно глядеть, как люди неглупые и образованные убивают время в пресловутых «компаниях», в однообразных чаепитиях и просто питиях, в разговорах, ничего не дающих ни уму, ни сердцу. А ведь вокруг столько интересного — театры и концертные залы, стадионы и дворцы культуры. Не пора ли сказать о таких компаниях горькую правду, покончить с этой привычкой, пришедшей из *прошлого*?

СВЕРДЛОВСК — **В. КОВАЛЕВА**

Все мы — «общественные животные», и частенько хочется поделиться мыслями или впечатлениями с себе подобным. Как осуществить это «огрешное» желание человеку одинокому и в возрасте? Может, создавать специальные клубы? Наверное, многие пьющие люди бросили бы пить, имей они возможность с кем-то поделиться своими проблемами и болячками не за бутылкой водки. Может, стоит об этих людях позаботиться?

МОСКВА — **Я. ГОНЧАРОВ**

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

КОМПАНИЯ

Еще Гоголь высмеивал компании. Их ругал Толстой — помните салон Анны Павловны Шерер? Над ними надсмехались Ильф и Петров. Евтушенко в одном из своих стихотворений высказался о компаниях весьма категорично: «Разнообразны формы суеты»!

Что же это за странная общность людей, руганная, осмеянная и тем не менее живущая вот уже несколько тысячелетий, — ведь и древнегреческие пиры были разновидностью компаний? Что это за форма человеческих отношений? Чем она обычно отталкивает, понятно: банальностью и скукой. А вот чем притягивает? Почему и сегодня компания так впечатляла: социологи утверждают, что огромное количество людей в *практической жизни* ориентируется на нравственные нормы не только коллектива сослуживцев или семьи, но и своей компании.

Вопросы и вопросы...

В *одной школе* сложилась компания — десятиклассники вечерами *болтались* по улицам и срывали шапки с прохожих. Они рисковали школой, добрым именем, свободой. На суде ни один не смог ответить на элементарный вопрос: зачем это делалось? Как все, так и я... Злого гения среди них не было — ребята в общем одинаковые. Может, злым гением оказалась компания? Не соберись вместе, не пошли бы на эту цепь бессмысленных преступлений...

В другой школе — уже довольно давно — тоже сложилась компания. Но здесь ребят объединяла любовь к литературе. Спорили о стихах известных поэтов, писали друг на друга эпиграммы, естественно — ниспровергали авторитеты. Эта компания большинству ребят привила хороший вкус, привычку к самостоятельному мышлению. Некоторые потом даже стали известными литераторами, а один — по фамилии Пушкин — величайшим поэтом России.

В конце прошлого века компания молодых любителей театра создала МХТ. Шестьдесят лет спустя история в чем-то повторилась — компания молодых актеров организовала «Современник».

Поражает к.п.д. некоторых компаний. Сколько ярчайших талантов вывела на орбиту «Могучая кучка»! А французские импрессионисты или наши передвижники?

И не столь знаменитые компании делают много хорошего: озеленяют дворы, строят детские площадки, создают музеи на *общественных началах*, *реставрируют* памятники старины. А что такое, кстати, знаменитая команда Тимура? Компания мальчишек, *придумавшая* великолепную игру.

Конечно, *смешно оправдывать* застольных болтунов ссылками на Пушкина или Мусоргского. Но вспомнить великие компании стоило хотя бы для того, чтобы разговор об этой форме общения шел спокойный, без предвзятости.

Если подойти не предвзято, окажется: у компании много привлекательного. Известно, что на работе, в коммунальной квартире, даже в семье порой ежедневно встречаются люди, которым лучше бы не видеться вообще. В мало-мальски устойчивой компании такого не бывает: ее участники всегда психологически совместимы, по этому принципу в основном и «подбираются».

Вспомните иные наши производственные совещания или, скажем, литературно-критическую *периодику*: сколько общих мест, повторов, необязательных оговорок, перечислений и иллюстраций! Порой два абзаца мысли просто тонут в двух печатных листах текста, не интересных никому, даже автору. В компании же говорят только об интересном, говорят прямо и резко, без оговорок. Не так поймут — не беда, можно тут же объяснить.

Примечательно, что в компаниях легко и быстро учатся. Люди, серьезно интересующиеся определенным кругом проблем, собираются, обмениваются знаниями, спорят, думают вслух. Ни аудиторий, ни ректора, ни бухгалтерии, а учебное заведение вроде бы есть — все становятся умней. Попять преимущества компании в этом деле легко объяснимы: программы «обучения» здесь корректируются мгновенно, в соответствии с «запросами дня». В *институте* любая лекция, даже самая ясная, читается до конца, а здесь: «Понятно. Давай дальше!». Конечно, учатся вещам разным. В компаниях «доминошников», например, быстро формируются очень квалифицированные «забойщики», тонко понимающие игру, способные вовремя сделать «рыбу»...

Видимо, для удобства разговора стоит разделить компании на бытовые и творческие. Бытовые — когда собираются просто провести время. Уровень общения в них обычно невысок. Но не будем излишне строги — лучше такая компания, чем пол-литра на троих в подворотне, чем вынужденное одиночество, доводящее до черной тоски. Короче, это тот самый рак, который на безрыбье... Впрочем, известная пословица явно устарела: в последнее время рак стал куда большей редкостью, чем рыба. Скажем по-другому: бытовая компания — не хирург и не терапевт, она фельдшер-самоучка, почти знахарь, способный тем не менее выслушать, посочувствовать и даже дать таблетку «от живота» или «от головы».

Творческие же компании, озабоченные служением делу, объединенные любовью к литературе, искусству, науке, приносят иногда большую пользу и обществу, государству. В этих малых по размеру реакторах мысли предлагается, оспаривается, отбрасывается, уточняется и обрастает доказательствами немалое количество идей, методов и решений, которые затем нередко успешно внедряются в хозяйство, культуру и общественную жизнь страны. И вся эта бурная и многосторонняя деятельность не требует ни капитальных вложений, ни штатов.

Словом, мне представляется полезным не столько изобличать компании бытовые, сколько попробовать разобраться, почему компании творческие недостаточно многочисленны, а их «продуктивность» не так высока, как хотелось бы.

Встречаются чаще всего вечером за чашкой чая: во-первых, приятно, во-вторых, так повелось. Но компания за чашкой чая имеет и свои немалые минусы.

Скажем, два поклонника и знатока Блока хотят встретиться, чтобы поговорить о любимом поэте, тем более, что одному из них посчастливилось недавно найти не известное ранее блоковское письмо. Разговор ожидается интересный и полезный. Собственно, два знатока (один — с письмом в кармане!) уже есть творческая компания.

Но у чашки чая — свои традиции. В компанию идут с женами. Кроме того, приходится позвать дальнего родственника, которого столько времени *обещали пригласить* в гости, что дальше откладывать *просто неприлично*. Кроме того, с одной из жен увязывается подруга, впрочем, очень милая женщина, способная скрасить любое общество. Кроме того, забегает за спичками сосед, его, чтобы вдруг не обидеться, приглашают остаться, и он, чтобы вдруг не обидеться хозяева, остается. Он, собственно, не прочь бы и уйти, а хозяева не прочь от него отделаться. Но стоит гостю шевельнуться, как они мертвой хваткой вцепляются в полы его пиджака. Сосед чувствует себя неловко и, чтобы собравшиеся не подумали, что он чувствует себя неловко, пытается занизать какой-нибудь общий разговор, например о футболе.

Жены отнюдь не против Блока, более того — за. Однако разговор представляется им несколько однобразным в свете того, что, во-первых, найденное письмо — не про любовь, во-вторых, приемная Адамо, в-третьих, на хозяйке дома совершенно очаровательная кофточка, хотя вопрос с путовицах, пожалуй, стоило бы обсудить отдельно.

Подругу, способную украсить любое общество, вполне устраивает соседство столь интеллектуальных мужчин, но и она несколько *разочарована*, ибо никак не находит повода *приступить* к привычной украшательской деятельности. Дальний родственник, естественно, тоже хотел бы принять участие в разговоре. Он Блока читал, одно прекрасное четверостишие даже запомнил и непременно процитировал бы, если бы был точно уверен, что оно не принадлежит Есенину или, кажется, Доризо...

Наконец, на самих знатоков начинает мягко давить общая атмосфера. Незаметно, но неотвратимо творческая компания превращается в бытовую.

А в эти самые минуты в этом самом городе несколько десятков человек — учителя, студенты, инженеры, любители или противники поэзии Блока хотели бы говорить именно о нем. Сведи их случай в одну компанию — может, родились бы интересные статьи, курсовые работы, ярче прошли бы уроки литературы в нескольких школах. Или просто мышление группы людей достигло бы того накала, при котором возможен совершенно неожиданный *результат* — вплоть до решения сугубо технической или научной *проблемы*. Ведь знаменитая фраза Эйнштейна о том, что Достоевский дал ему больше, чем Гаусс, не столько *аффектна*, сколько точна.

Естественно, творческие компании стремятся организоваться *на иных*, не застольных *началах*. Возможностей для этого много. Клубы, красные уголки, библиотеки, книжные магазины, молодежные кафе охотно дают кров и место жаждущим общения. Но слишком часто место и желание есть, а компания не складывается.

Странно, но в наш век информации информация о клубах, кружках и прочих коллективах по интересам поставлена безобразно. Практически ее нет вообще.

Допустим, известный художник хотел бы создать изостудию. Допустим, несколько десятков одаренных начинающих живописцев хотели бы учиться именно у этого мастера. Допустим, некий ЖЭК прямо-таки мечтает с пользой и славой употребить светлый чердак в новом доме. Как им узнать друг о друге? Только случайно. А случай, увы, организаторскими способностями не обладает. В результате известный художник выплескивает свои педагогические идеи в мимоходных разговорах с родственниками и приятелями, начинающие живописцы мрачно кочуют из студии в студию в поисках «своей» компании, а активисты при ЖЭКе долго и униженно призывают на царство совсем другого художника, ориентируясь лишь на то, что он живет в соседнем переулке. Народ в студию также вербуется по месту жительства. Но выисканный руководитель начисто лишен педагогического дара, среди жителей микрорайона не оказывается ни одного Сурикова и студия тихо и безболезненно умирает на пятом занятии.

Вообще обычай «привязывать» творческую компанию к определенному месту жительства наивен до крайности. Конечно, проще всего было бы, скажем, членов Союза художников распределить по кварталам, как участковых уполномоченных, — пусть сеет прекрасное каждый в своем микрорайоне. Но предварительно хорошо бы доказать, что поклонники кисти Неменского группируются, скажем, вдоль Каретного ряда, сторонники Образцова дружно заселили Марьину рощу, творческие единомышленники Коржева заняли район Октябрьского поля, а потенциальные ученики Жилинского — Овчинниковскую набережную...

Не разумнее ли всю информацию о коллективах *по интересам* сосредоточить в *каждом городе в одном месте*? А в областных центрах, *в порядке эксперимента*, даже специальные многотиражки завести? Чтобы каждый трудящийся, учащийся или *пенсионер* быстро и без труда мог найти «свою» компанию.

Кстати, судя по некоторым письмам, создать даже бытовую компанию стало сложней, хотя материальных возможностей для этого благодаря бурному жилищному строительству теперь больше. Видимо, рост жизненного уровня к автоматическому развитию общения не ведет. Безвозвратно уходят в прошлое прежние площадки общения по месту жительства: коммунальные кухни, коридоры бараков, завалинки, крохотные замкнутые дворики, где все поневоле знают друг друга. Смешно о них жалеть. Но замены им пока не видно. Проживание в одном дворе, даже в одном подъезде многоэтажного дома — сегодня не повод для знакомства. Космический век еще не обзавелся своими завалинками — кафе и клубы пока явно не научились играть эту роль.

Впрочем, и у сложившихся, удачливых компаний свои трудности.

В крупном городе при клубе железнодорожников создали литературное объединение. Создали — это легко сказать. А ведь годы прошли, пока длились отсев и отбор, пока вырабатывались разумные порядки и традиции, пока руководивший объединением молодой поэт стал умелым организатором и умным педагогом, пока стихи и рассказы начинающих авторов стали *регулярно печатать* областные газеты... Дальше — больше. Несколько воспитанников этой творческой компании вступили в Союз писателей. Телевидение посвятило объединению *целую передачу*. Словом, иди дела чуть похуже — было бы в самый раз.

Дела, к сожалению, хуже не шли. И возник конфликт. Руководители и попечители клуба, когда-то охотно помогавшие слабенькому объединению встать на ноги, теперь растерялись. Они оказались в положении гражданина, выручившего у себя в ванной верблюда. Квалифицированно оценивать и направлять деятельность окрепшего и уже прославившегося объединения руководители клуба не могли, а вслепую отвечать за его работу, естественно, не хотели. Выгод литобъединение не сулило никаких — на смотр его не выставишь, грамоту не получишь, — а вот хлопоты обещало вполне реальные. Кого-то из начинающих стихотворцев ругнули в газетном обзоре за порочное пристрастие к глагольной рифме, директору клуба, понятно, надо бы как-то реагировать, а как? В общем, положение — не позавидуешь!

В конце концов верблюда удалось все-таки пристроить. Просмотрели списки растущих дарований и выяснили, что литобъединение посещают *три* студента, две швеи-мотористки, шофер такси, пенсионер, повар, столяр и плотник — и ни одного *стрелочника*. Руководителю тут же предложили мотористок и плотника изъять, а взамен набрать кого-либо железнодорожней. Тот, естественно, разволновался и понес совершеннейшую околесицу: что талант не зависит от места службы, что поэзию нельзя распределить по ведомствам, и в том же роде. Словом, показал себя таким наивным, непрактичным человеком, что, когда литобъединение закрывали, руководителя было даже немного жалко...

Хочу заметить, что я лично не стал бы печаль погибшей компании взваливать на директора клуба. А если бы вас попросили возглавить, скажем, кружок ракетостроителей при Доме пионеров, — согласились бы? Вряд ли. Конечно, все может кончиться хорошо и никакая ракета у юных умельцев вообще не получится. Ну, а вдруг выйдет? Вдруг полетит? Упади она на Луну, это еще можно будет пережить. А если не на Луну, если на Кинешму? Кто будет отвечать?

А ведь для иного директора клуба что сонет, что пуантилизм, что вторая космическая скорость — все одно. Непонятно и рискованно. Впрочем даже человек энциклопедически образованный не мог бы успешно направлять работу киноклуба, шахматного кружка, общества любителей органной музыки, секции аквалангистов, театра эстрадных миниатюр и команды альпинистов, а этот список далеко не охватывает номенклатуру *наших интересов*.

Словом, лучше бы, чтобы *работой творческих компаний* — и гуманитарных, и технических — руководили соответствующие профессиональные организации. Им доверие, с них и спрос!..

Так что же это такое — наша компания? Кошмарное наследие прошлого, могильная яма убитого времени? Или форма общения, достойная и вполне приемлемая, по крайней мере, до тех пор, пока не найдено лучшей? Вероятно, все-таки второе.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи!

Под Новый год «Литературная газета» обычно публикует прогнозы, размышления о будущем. Это стало уже доброй традицией. Хотелось бы, чтобы вы не отказывались от нее и на этот раз. Вероятно, многих читателей, как и меня, волнуют проблемы происходящей в нашей стране научно-технической революции, а прежде всего роль, которую в ней будут играть так называемые «компьютеры», электронные вычислительные машины.

Если можно, расскажите об этом поподробнее.

В. СМИРНОВ, педагог

ЯРОСЛАВЛЬ

НАУКА И БУДУЩЕЕ

ПЕРВЫЕ электронные вычислительные машины (ЭВМ), которые начали использоваться в практической деятельности человека, были введены в строй на грани 40-х и 50-х годов. В СССР это были машина «Стрела» и знаменитая БЭСМ-1, положившая начало серии БЭСМ. Эти ЭВМ принято называть машинами первого поколения. Громоздкие и ненадежные ламповые устройства тем не менее обладали весьма хорошими арифметическими возможностями, позволяя производить арифметические действия в несколько тысяч раз быстрее человека. Этого оказалось достаточно, чтобы проводить расчеты инженерных и физических задач такого объема, который раньше казался фантастическим.

Роль этих ЭВМ трудно переоценить. Вряд ли без них был бы возможен в 50-е годы тот прогресс в физике, в создании ракет и в других областях науки и техники, который мы наблюдаем.

Таким образом, ЭВМ первого поколения сыграли революционизирующую роль в технологии инженерных расчетов и исследований в физике. Однако эти ЭВМ оказались почти бесполезными при решении экономических задач. Особенность последних состоит в том, что их решение требует переработки больших массивов информации. ЭВМ первого поколения обладали очень небольшой памятью, порядка нескольких тысяч слов. Этого было явно недостаточно. Возможности ЭВМ первого поколения оказались изученными (и исчерпанными!) за 4—5 лет.

В конце 50-х годов начали создаваться ЭВМ второго поколения. С точки зрения инженера-эксплуатационника, их основное отличие — замена ламп транзисторами и практически полная надежность. Однако, с точки зрения пользователя, главное состояло не в этом. Значительное расширение памяти открыло возможность широкого использования ЭВМ в экономике. Следующие 10 лет прошли под знаком ускоряющегося внедрения этой техники в экономику и управление производством. Оказалось, что использование ЭВМ дает огромный экономический эффект. Центр тяжести использова-

Н. МОИСЕЕВ, член-корреспондент АН СССР

КОМПЬЮТЕР СТАВИТ

ния ЭВМ за эти 10 лет переместился из области научных исследований в сферу производственной деятельности человека (около 80 процентов машин в разных странах заняты в экономике и управлении).

ЭВМ второго поколения обладали еще одной важной особенностью. Значительно возросло их быстродействие. Так, например, БЭСМ-6, классическая машина второго поколения, может производить миллион операций в секунду. Таким образом, мощность БЭСМ-6 примерно во столько же раз превосходит мощность первых машин первого поколения, во сколько ЭВМ первого поколения превосходили человека (2—3 тысячи операций БЭСМ-1 и 2—3 операции в секунду, которые способен производить человек).

Как ни велико было значение ЭВМ второго поколения, однако настоящая революция в методах научного анализа, как мне кажется, будет связана с освоением машин третьего поколения, которые начали создаваться в конце 60-х годов.

Чем существенным эти ЭВМ отличаются от машин второго поколения? Если спросить инженера — специалиста по ЭВМ, то он, вероятно, ответит так: ЭВМ третьего поколения — это вычислительные системы, основанные на интегральных схемах. Действительно, переход на интегральные схемы, которые позволили заменить целые блоки машин одним «элементом», — это важный этап технологической эволюции ЭВМ. Он позволяет перейти, в частности, к поточной сборке ЭВМ, многократно увеличивает надежность и ведет к удешевлению ЭВМ в перспективе на 2—3 порядка. Но, с точки зрения пользователя, важны другие характеристики. Прежде всего традиционные — быстродействие и память.

Уже сегодня объем памяти каждой из действующих систем третьего поколения позволяет хранить информацию, которой располагает публичная библиотека средних размеров. Причем поиск необходимой информации, нужной цитаты, цифры и т. д. занимает неизмеримо меньше времени, чем требуется самой квалифицированной, налаженной библиотеке.

Этот факт будет иметь разнообразные последствия. Возьмем лишь одно из них — постановку архивного дела. Переписывая документы на магнитные носители или сразу ведя запись на специальных устройствах типа перфорированных или магнитных лент, мы будем иметь архивы, где «мгновенно» можно отыскать любой документ, получить любую справку. Качественно изменится характер труда многих специалистов, связанных с поиском и анализом документов, прежде всего историков, изучающих архивы. Они будут освобождены от тяжелой технической работы. Их основная задача в будущем — ставить вопросы поисковой системе. Труд станет значительно более творческим. Я думаю, что уже в текущем десятилетии мы окажемся свидетелями повсеместного перехода к новым методам хранения и извлечения необходимой информации.

Но этим не исчерпываются все отличия ЭВМ третьего поколения от своих предшественниц. Эти машины, как уже заметил читатель, принято называть системами. Это действительно системы, в которых центральное арифметическое устройство, предназначенное для того, чтобы производить вычисления, взаимодействует с целым рядом вспомогательных, или, как говорят, периферийных устройств. Эти устройства, может быть, и составляют основное, что внесено в вычислительную технику третьего поколения.

Вместе с увеличившейся производительностью и памятью они предельно упрощают диалог человек — машина, позволяют создавать человеко-машинные системы, объединяющие возможности ЭВМ быстро производить формально-логические операции с неформальным мышлением и талантом человека.

ПОЯВЛЕНИЕ новых дорогостоящих электронных вычислительных устройств ставит трудные проблемы перед их создателями и учеными разных специальностей. Как научиться их правильно использовать? Как с наибольшей эффективностью заставить служить эти системы прогрессу человеческого общества?

Вопросы эти важны с разных точек зрения, и прежде всего — с экономической. Вкладывая миллиарды в создание электронной вычислительной техники естественно ожидать и соответствующей отдачи. Я не собираюсь здесь анализировать экономическую сторону вопроса, а хочу попытаться показать, что решать эти проблемы предстоит ученым разных специальностей, в том числе и гуманитариям...

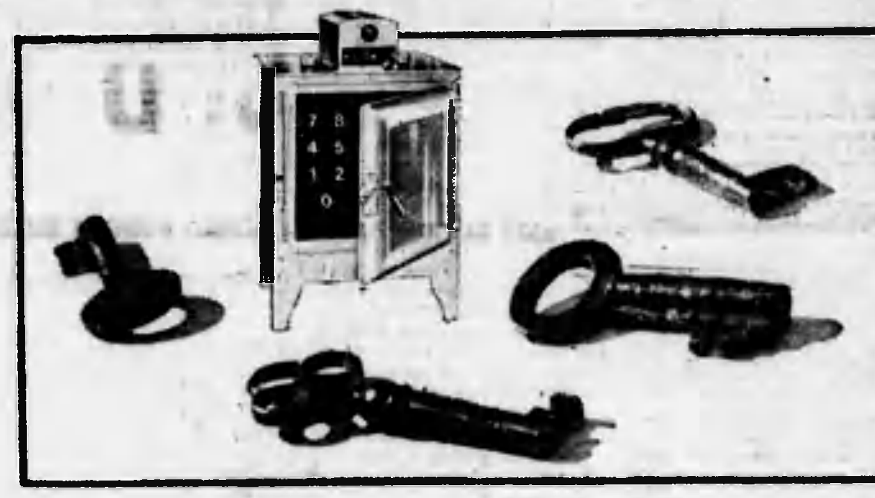
Сегодня мы, математики, которых часто обвиняют в том, что они стремятся все и вся математизировать, отлично понимаем, что лишь небольшая часть проблем, стоящих перед человечеством, поддается математической формализации и описанию на языке математики. И это не следствие слабости математики. Эта ситуация отражает тот факт, что человек познает истину не только с помощью чисто логических процедур. Ассоциация, интуиция, эмоциональное восприятие и т. д. являются столь же

Полностью статья Н. Моисеева публикуется в ежегоднике «Наука и человечество. 1973».

Академик В. ГЛУШКОВ

ЭЛЕКТРОННЫЙ КЛЮЧ ВМЕСТО КОШЕЛЬКА

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО, НЕ ЛИШЕННОЕ АКТУАЛЬНОСТИ, КОММЕНТИРУЕТ ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ



ДЕНЬГИ надо носить с собой. Так было всегда. Поток автомобилей в современном городе, самолеты, ракеты, радио и телевидение, электронные машины просто поразили бы пришельца из древности, а вот, взглянув на наши деньги, какой-нибудь разбальзамировавшийся фараон сказал бы: «Они неплохо придумали, это удобнее, чем возить за собой слитки и бивни слонов». Ну, а с нашей точки зрения? Не задумывались ли вы над тем, что на склоне XX века както неловко и нелогично платить за вещи и услуги деньгами бумажными и металлическими?

Где мы берем деньги? Получаем на месте работы — в государственном предприятии, учреждении. Куда мы относим деньги? Почти исключительно в государственные учреждения — магазины, комбинаты бытового обслуживания и т. п. Так неужели нельзя как-нибудь «посовременнее» передавать от одного государственного учреждения в другое нужную информацию, сигналы о том, что вам отпущено таких-то благ на такую-то сумму?

По-моему, можно — например, таким образом. Каждый работающий получает свою «ячейку» в блоке памяти ЭВМ, соединенной каналами связи со всеми предприятиями и учреждениями обслуживания. ЭВМ выполняет функции автоматической сберкассы. Заработная плата записывается на личный счет в вашей «ячейке».

Теперь вы приходите в магазин, имея шифр личного счета, который может быть выполнен в виде ключа с пробитыми в нем отверстиями — закодированным номером «ячейки» ЭВМ. Покупка автоматически оплачивается, а если денег на счете не хватает, появляется соответствующий сигнал.

«А если я потеряю ключ?» — спросит скептик. Ничего страшного: вы позвоните в сберкассу и приостановите функционирование своего счета. Тогда — если кто-нибудь попытается совершить покупку по чужому найденному ключу — на кассовом аппарате появится особый сигнал, злоумышленник услышит рядом: «Пройдемте, гражданин» — и будет задержан с поличным.

Эта система автоматически закроет пути к махинациям, взяткам, спекуляции и т. п. Ведь деньги будут поступать на личные счета только с места работы и возвращаться по вашему знаку сразу в государственные магазины, учреждения. Их уже нельзя будет подержать в руках, а тем более незаметно передать в чужие руки.

Слышу новое возражение: «А если я покупаю только свежую базарную редиску? Что прикажете, каждую бабушку на рынке снабжать вашим электронным кассовым аппаратом?» Пожалуй, нет. Лучше установить на рынке разменный автомат, который сможет «по ключу» выдавать вам несколько двугривенных или полтинников. Они, кстати, пригодятся и для того, чтобы купить мороженое на пляже и не остаться в праздничный вечер без веточки мимозы.

Реально ли все это с технической и экономической точек зрения? По-моему, да, поскольку в стране начинается создание единой информационной системы и она в будущем сможет взять на себя обработку всей циркулирующей информации, в том числе и о денежных расчетах. Начать можно было бы с эксперимента, выбрав местом для его проведения один из новых небольших и более или менее изолированных городов (типа Академгородка под Новосибирском, Обнинска, Мелекесса), где уже имеются нужные специалисты и техника.

Автоматизация денежного обращения приблизит нас к тому времени, когда в обществе изобилия и справедливости вопрос «кому — сколько?» окажется попросту излишним.

Р. ТРАХТЕНБЕРГ,
доцент Ивановского энергетического института имени В. И. Ленина

ИВАНОВО

Письмо из Иванова, честно говоря, сперва показалось нам довольно утопическим и не заслуживающим серьезного разговора. Но все же мы решили показать его академику В. М. Глушкову, который в прошлом новогоднем номере «ЛГ» рассказывал об огромных возможностях, открывающихся в связи с применением ЭВМ не только для управления народным хозяйством, но и для решения социальных задач. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, директор Института кибернетики, вице-президент Академии наук Украины, член ЦК Компартии Украины, депутат Верховного Совета СССР Виктор Михайлович Глушков с интересом прочел письмо и любезно согласился ответить на вопросы специального корреспондента «ЛГ» В. Моева.

Естественно, в суждениях о будущем неизбежны предположительные и дискуссионные моменты, но интересно уже то, в каком направлении идет поиск. Что же касается [illegible], а на Новый год не возбраняется и помечтать.

— Виктор Михайлович, что вы скажете об этом письме?.. У меня лично есть серьезные возражения автору, но, вспоминая наши прошлые беседы, думаю, вас письмо должно заинтересовать...

— Да, очень интересно. Кажется, я раньше упоминал, что тоже стою за самое широкое распространение безналичных расчетов. Они, кстати, давно и прочно утвердились у нас во взаимоотношениях между государственными предприятиями, учреждениями и организациями. На очереди использование их и в «бытовой сфере» — в расчетах между официальными организациями и гражданами.

Как это будет выглядеть? С точки зрения «техники дела», письмо доцента Р. Трахтенберга дает вполне приемлемую иллюстрацию. Однако вы хотели возразить автору письма?

— Меня, честно говоря, всегда немного настораживают такие решительные и крутые проекты. Раз, два — и деньги «уже нельзя будет подержать в руках». За исключением полтинника на мороженое...

Давайте говорить откровенно и серьезно. Да разве наличные деньги нужны нам только на редиску и мимозу?.. Не будем упрощать... Деньги ведь приходится и одалживать, и брать взаймы. Приходится — разве нет? — переплачивать иной раз спекулянту и кого-то «благодарить», нанимать сыну репетитора по физике, договариваться с «дядей Васей» насчет ремонта квартиры, да мало ли... Вот этой всей реальной жизни проект как бы не видит...

И еще коробит отсутствие какой бы то ни было плавности, постепенности перестройки. Сразу! Безналичный расчет — и только он! Автор не оставляет свободы выбора действий. Это может лишь вызвать психологический шок и чувство протеста.

— Резонно. Автор, говоря о системе безналичных расчетов, несколько абсолютизирует ее, так как берет в узких рамках, не рассматривает широких связей между различными сторонами и явлениями жизни.

Как известно, в некоторых зарубежных странах наблюдается настоящий «бум» безналичных расчетов — если не ошибаюсь, ваша же газета писала?.. Находятся за океаном философы, спешащие объявить, будто от этого остается уже шаг до «отмены денег»... А в действительности? Из той же практики за рубежом прекрасно известно, что кредитные карточки не делают людей богаче и максимум благ сулят тем, кто уже богат. При их помощи монополии стремятся упрочить свое положение и власть, а любые колебания деловой активности, любой спад обнажает убогую почву и под кредитами и над «безналичностью». В данном случае капиталистические условия сужают, ограничивают возможности и эффект безналичного обращения.

У нас — иное дело. В социалистической стране, по моему убеждению, система безналичных расчетов может и должна нести, кроме традиционных, и новые, социально значимые функции. С ней я в первую очередь связываю решение той задачи, на которой мы останавливались в предыдущей беседе. А именно добиться, чтобы наша система распределения еще более целенаправленно работала на осуществление в будущем принципа распределения «по потребностям».

Если помните, Владимир Ильич Ленин писал: «Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги». Автоматизация обращения благодаря ЭВМ с развитыми связями — это важное современное техническое завоевание, не больше и не меньше. Наш прямой долг — подумать и о том, чтобы целесообразно дополнить его организационными.

ДВА КРУГА ОБРАЩЕНИЯ

— Полезно условиться, чтобы банки принимали на личные счета только перечисления от официальных организаций, выплачивающих вознаграждение за труд. Снять наличными вы можете сколько хотите; сами вы определяете и ту долю зарплаты, которая перечисляется в банк, — вот элемент необходимой гибкости! Но если, например, сберкассы принимают вклады наличными (а это означает, что им формально безразличен источник доходов — он может быть любым, в том числе и сомнительным), то банк — иное дело.

Поскольку банк будет принимать лишь деньги, которые действительно заработаны, и только ими будет «гасить» покупки, сделанные по безналичному расчету, в этот кругооборот никак не смогут попасть средства, получаемые частным, сомнительным или незаконным путем. Из первого, «официального» круга обращения во второй деньги поступать могут — достаточно, например, вам получить часть заработка наличными, — а вот из второго круга в первый они уже не вернутся.

— Отток без обратного притока? Насколько я понимаю, общая сумма денег должна соответствовать стоимости обращающихся товаров и услуг. Если же часть их будет регулярно выбывать из «официального» кругооборота, нетрудно вообразить...

— Вы меня не дослушали. Рядом с безналичным обращением должна — обязательно должна! — сохраняться и традиционная торговля за наличный расчет. Никто не мешает вам использовать наличные в магазине, рассчитаться ими за путевку в санаторий и т. д. и т. п. За человеком остается свобода выбора.

— Тогда не понятно, для чего же затея с двумя кругами обращения? Какой же прок держать средства в банке, а не в сберкассе, например, где они растут, или в чулке под матрасом, где их никто не видит? Удобнее расплачиваться, не таская за собой кошелек? Конечно. Но ведь это осуществимо и без вашего дополнительного условия...

— Первым организационным мероприятием мы уже кое-чего добились: четко зафиксировали обращение «трудовых» и «сомнительных» денег. Теперь можно подумать о следующих мерах, которые завлекали бы мои и ваши рубли в «официальный» кругооборот и отваживали бы их от скользких путей.

Заинтересовать людей в хранении своих денег в банке, а также безналичными расчетами можно по-разному. Например, в первоочередном порядке предоставлять для безналичного приобретения те товары, спрос на которые превышает предложение. Можно каждому владельцу личного счета в банке открывать персональный государственный кредит — в зависимости от того, как регулярно и какую часть своей зарплаты он переводит в банк. И так далее.

— Допустим... А дальше?

— Дальше мне видится еще одно организационное мероприятие. Чтобы пояснить его смысл, лучше начать издалека.

Мы справедливо говорим о силе влияния коллектива. И вот заметьте: работа объединяет людей по одному признаку, коллекционирование марок или горнолыжный спорт — по другому, а в качестве потребителей мы совершенно разобщены и предоставлены самим себе. В больших комбинатах бытового обслуживания вас окружают незнакомые лица, в универмагах и универсамах — тоже. Исключения составляют порой маленькие магазины каждодневного пользования, если они рядом с домом. Там порой — может быть, замечали? — устанавливается особая атмосфера...

— Замечал. Могу даже сослаться на свой молочный. Симпатичная атмосфера... Хозяйки здороваются, толкуют между собой, обмениваются кулинарными хитростями. Там никогда не пропадут забытые варежки... Не об этом ли вы?

— Именно об этом! Когда потребители не чувствуют такого ближнего, знакомого окружения, своего рода коллектива, организации, когда они просто «толпа посетителей», между собой незнакомых, то легко возникает а то и лавиной разражается дезорганизация. Представьте, я захожу в «посторонний» магазин и слышу вздорный слух, будто стиральный порошок — последний, в другой раз будет не скоро. Мне не запасаться — мне только пачку. Встаю. За мной другой, третий, десятый — очередь... Кто-то уже работает локтями... И пусть даже с нарушителями воюют, но сама такая очередь — это уже «объединение на антиобщественных началах». Вот почему нужна какая-то организация, какая-то структура, объединяющая нас, потребителей, в своеобразные коллективы.

АССОЦИАЦИЯ ДОБРЫХ СОСЕДЕЙ

— Порой для объединения потребителей пытаются использовать сложившиеся трудовые коллективы. Предприятия приглашают магазины к себе в гости — с выставками-продажами. Нередко вносят предложения, чтобы такие ценные вещи, как автомобили, вообще продавались не в магазинах, а по месту работы...

— И в определенных случаях это не лишено смысла. Однако более естественным мне кажется некое объединение потребителей по месту жительства, что-то наподобие районных ассоциаций.

Представляю себе районный — или микрорайонный — «клуб», «центр» потребителей, не знаю, как назвать. Скажем, один на двадцать тысяч жителей — называю цифру на основе некоторых расчетов.

Здесь, наверное, разместится отделение банка, хранящее личные счета и ведущее по ним безналичные расчеты, здесь же вы можете снять со своего счета наличные. По соседству расположится стол заказов, через который вам закажут билеты в театр или на самолет, оформят по образцам или по каталогу товаров покупку телевизора, мотоцикла, мебели и т. п. Здесь могут быть и помещения чисто клубного характера. Представляете примерно?

— Вполне.

— В таких центрах, разумеется, будут и магазины каждодневного пользования, торгующие так, как описано в письме вашего читателя. Вы вставляете личный «ключ» в кассовый аппарат, стоимость покупки автоматически вычитается из вашего банковского счета, а чтобы вынуть свой «ключ», вы нажимаете одну из пяти, допустим, кнопок, обозначающих качество обслуживания — «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо», «очень плохо»...

— Минуточку... Это что же, вместо жалобных книг?

— Мы как-то специально их изучали и пришли к выводу, что они очень мало информативны. Примерно половину записей делают «прожженные» жалобщики, и это понятно. Как протекает типичный конфликт у прилавка? Продавец нагрубил, вы требуете жалобную книгу. В первый момент окружающие вам явно сочувствуют. Но уже в следующий миг ситуация меняется. Вы задерживаете людей, им не хочется портить отношения с продавцом: общественное мнение неумолимо поворачивается против вас: «Не мешайте людям! Подумаешь, чувствительный какой... Скорее!..» Кто тут добьется жалобной книги? Только завзятый жалобщик... В нашей ситуации все меняется. Одну кнопку, чтобы освободить «ключ», надо нажать обязательно. Если вас обидели, вы наверняка и нажмете «плохо», да еще и сосед, оскорбленный за вас, сделает то же самое.

Но это деталь. А главное — в «клубе» будут встречаться и общаться знакомые люди, потребление потечет на виду у ассоциации. Благодаря этому — коллективному общению потребителей — мы получим новый механизм обратной связи, делающий людей более воспитанными, более сознательными в потреблении.

— Каким же образом?.. Не совсем понимаю...

— Возьмите для примера любой товар, спрос на который в данное время превышает предложение. По общим его запасам всегда можно посчитать, на какое количество может рассчитывать каждый потребитель в среднем или вся ваша потребительская ассоциация. Рассчитали... Затем «клуб» объявляет о размере ресурсов на душу населения — только объявляет, но ничего не запрещает, не ограничивает. Почему?

Жесткие нормы всякого рода «карточки» обычно приводят к неважным результатам. Например, мы с вами, если нет ограничений, наверное, едим поразному. Мне, предположим, надо в день триста граммов хлеба, а вам — семьсот. По карточкам каждому, естественно, пришлось бы полкило. Вы недоедали бы, но это, смею уверить, еще полгоря. А самая большая беда подстерегает меня — да-да! Мне всего-то ведь нужно триста граммов, а я начну требовать свои «законные» пятьсот — отдай, мне положено! Закон, общественное мнение, все будет на моей стороне, хотя я в данном случае выступаю просто как рвач и хапуга.

«Клуб», повторяю, формально никаких ограничений не вводит. Идет торговля, а ЭВМ в стороне от глаз суммирует количество использованных ассоциацией товаров и для всеобщего сведения сообщает итог. Скажем, лимит района по данному продукту исчерпан наполовину... целиком... превышен вдвое... Ага! Любой потребитель будет знать: в определенный момент, при двойном-тройном превышении лимита «клуб», а с ним и вся ассоциация будут отключены от дальнейшего снабжения тем определенным товаром, который потреблялся без оглядки на общественные ресурсы и возможности. В других, более сознательных ассоциациях он останется в наличии, но там вас обслуживать не будут.

Кто виноват, кто подвел вашу ассоциацию? В своем ограниченном круге потребители разберутся лучше. Я думаю, что до «отключения» чаще всего не будет и доходить, потому что резко изменится вся психологическая атмосфера потребления. Покупая, скажем, сразу пять кило бананов — гости у меня, свадьба, мало ли, — я увижу вокруг настороженные и недоуменные

законными способами познания, как и чисто логические процедуры. Последние имеют лишь одно преимущество — они могут быть легко реализованы на ЭВМ. Машина, к сожалению, не может мыслить неформально.

Поэтому дальнейшее совершенствование методов научного анализа, особенно в общественных науках, должно основываться на стремлении не к стопроцентной математизации этих дисциплин, а к естественному объединению возможностей ЭВМ с человеческим творчеством.

В связи с техническим прогрессом человечество стало создавать конструкции все более и более сложные. Создание и ввод в эксплуатацию сверхзвукового пассажирского самолета типа «ТУ-144» или «Конкорд» требуют 12—15 лет. При нынешних темпах развития научных знаний идеи, заложенные в его конструкцию в начале проектирования, будут уже безнадежно устаревшими в тот момент, когда этот самолет выйдет на линию. На помощь приходят имитационные модели, которые снимают с коллектива конструкторов всю тяжесть рутинной работы по расчетам и предварительным экспериментам модели, которые оставляют за конструктором только творческий акт анализа вариантов, их сравнения и оценки. Это, по моему мнению, единственный эффективный путь преодоления всех подобных трудностей. Работы в области автоматизации проектирования уже начались в разных странах, и достигнутые успехи связаны прежде всего с построением подобных человеко-машинных систем.

Другой не менее важный пример, где имитационные модели, вероятно, играют решающую роль, — это АСУ (автоматизированные системы управления). Мы научились относительно просто решать проблемы сбора и передачи информации, автоматизации документооборота, бухгалтерского учета и ряда других вспомогательных операций. Это, конечно, немало. Но главная задача автоматизированных систем — обеспечивать правильность принимаемых решений и сводить до минимума ошибочные варианты.

ЭКСПЕРИМЕНТ

ПЕРЕЧИСЛЕННЫМИ примерами далеко не исчерпывается область применения имитационных моделей. Более того, я думаю, что мы еще очень далеки от полного понимания мощи и значения этого средства научного анализа, которое приобрело человечество. Может быть, основное значение метода имитационных моделей лежит как раз не в технической и естественнонаучной сфере, а в области изучения и управления процессами, происходящими в обществе.

Я думаю, в частности, что метод имитации окажет неоценимые услуги в дальнейшем изучении развития человеческого общества и сделается со временем мощным инструментом исторического материализма, позволяющим глубже понять роль всех факторов, определяющих это развитие. Понять, как изменяются возможности человечества влиять на собственную эволюцию, как они растут вместе с техническим прогрессом и совершенствованием организации человеческого общества.

Эти вопросы представляют не только теоретический интерес. Сегодня человечество распоряжается энергетическими ресурсами планетарного масштаба, оно способно совершать действия, изменяющие лик Земли, поставить себя на грань катастрофы или, наоборот, открыть двери такому прогрессу, о котором не могли мечтать и самые смелые фантасты.

Значительную часть нашей планеты теперь занимают социалистические государства, упорядоченность управления которых существенно выше, чем в капиталистическом обществе. Значительная часть сил, неконтролируемых в условиях капитализма, теперь может быть использована для целенаправленного развития нашего общества.

Имитационные модели могут составить основу интегрированного планирования и управления. С их помощью могут изучаться и сравниваться различные варианты экономических, социальных, политических программ, программ развития регионов и отраслей. Имитационные модели могут быть использованы и для решения других вопросов общегосударственного значения, таких, например, как выбор рациональной иерархии управления промышленностью, и т. д. Вот почему идеи имитации имеют чрезвычайно большие перспективы именно в социалистических государствах и поэтому именно у нас интерес к ним столь высок.

Использование имитационных моделей в государственном управлении — актуальнейшая проблема, стоящая перед нашими специалистами различных общественных наук.

Научая, например, функционирование отрасли или предприятия, мы сталкиваемся с определенными правовыми нормами. Как выработать оптимальную систему правовых норм, регламентирующих функционирование современных предприятий, права и обязанности руководителей разных рангов и т. д.? По-видимому, единственный путь решения подобных проблем — использование моделей, имитирующих реальный процесс производства. Правда, альтернативой мог бы быть эксперимент. Но он дорог и затрагивает судьбы людей. А здесь мы можем провести на машине, причем многократно, анализ различных вариантов, которые предложат эксперты — юристы и экономисты, истинные знатоки своего дела. Сложность ситуации, огромный объем фактов, которые надо учитывать, не позволяют без модели сразу же увидеть, как отразится изменение правовых норм на производственном процессе. А модель может это сделать, но она, в свою очередь, беспомощна в выработке решений, что остается прерогативой специалистов.

Машинная имитация реальных процессов — это инструмент совершенно нового типа, требующий совместных усилий естественников, с одной стороны, и специалистов в области гуманитарных наук, с другой: инструмент, который, как я убежден, позволит возникнуть на стыке естественных и гуманитарных наук новым научным направлениям.

«Желаю всем моим читателям мира, свободы и счастья в наступающем году» — такая телеграмма пришла из Нью-Йорка от известного американского писателя Курта Воннегута, чей новый рассказ мы сегодня публикуем.

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ ЭПИКАКА

Курт ВОННЕГУТ,
американский писатель

РАССКАЗ

ХВАТИТ, пора наконец рассказать правду про моего друга ЭПИКАКА. Тем более, что он обошелся налогоплательщикам в 776 434 927 долларов 54 цента. Раз они выложили такие денежки, то имеют полное право узнать чистую правду. Когда доктор Орманд фон Клейгштадт спроектировал ЭПИКАКА для нашего правительства, газеты раззвонили об этом по всему свету. А после — как воды в рот набрали и — ни гу-гу. Наши заправилы почему-то делают вид, что происшествие с ЭПИКАКОМ — военная тайна. А на самом деле никакой тайны тут нет. Просто вышла неприятность. Такую уйму денег в него всадили, а работал он совсем не так, как было задумано. И еще вот что: я хочу оправдать ЭПИКАКА. Может, он чем и не угодил нашим заправилам, но все равно он был благородный, великодушный и гениальный. Да, это был великий ум. Лучшего друга у меня не было — упокой, господи, его душу.

Если хотите, можете назвать его машиной. С виду-то он был вылитая машина, да только с машиной у него было гораздо меньше сходства, чем у большинства наших с вами знакомых. Потому-то он и провалил все планы нашего начальства.

ЭПИКАК занимал целый акр на четвертом этаже физического корпуса в Вайандотт-колледже. Если не говорить о его духовном облике, он представлял собой семь тонн электронных блоков, проводов, переключателей, размещенных в целом городе стальных шкафов, и питался от обычной сети переменного тока, точь-в-точь, как холодильник или пылесос.

По замыслу фон Клейгштадта и наших заправил, эта электронно-вычислительная машина суперкласса должна была, если понадобится, проложить траекторию ракеты с любой точки земной поверхности прямо в среднюю пуговицу на френче вражеского полководца.

Электронная техника попроще до сих пор верой и правдой служила правительству, так что наши деятели, увидев чертежи ЭПИКАКА, не могли дождаться, пока его построят. Чем сложнее военные действия, тем сложнее должны быть электронно вычислительные машины. Считается, по крайней мере у нас, что ЭПИКАК был крупнейшей вычислительной машиной в мире. Похоже, что он оказался чересчур велик, потому что сам фон Клейгштадт не очень-то в нем разбирался.

Не буду объяснять подробно, как работал ЭПИКАК. Просто скажу, что задачу записывали на бумаге, потом ставили разные диски и переключатели в положение, предписанное для решения задач определенного типа, и вводили в него закодированную в цифрах программу при помощи клавиатуры, которая смахивала на пишущую машинку. Ответы ЭПИКАК выдавал на бумажной ленте — мы заранее заряжали в него целый большой ролик. За какие-то доли секунды ЭПИКАК расправлялся с задачами, над которыми пять десятков Эйнштейнов прокорпели бы всю жизнь. И он никогда не забывал ни одного бита введенной в него информации. Щелк-пощелк, выползает очередной кусок бумажной ленты, и — полный порядок.

У наших вояк накопилось столько спешных и неотложных задач, что ЭПИКАКУ пришлось вкалывать по шестнадцать часов в сутки с той самой минуты, как в него вставили последний блок. Операторы дежурили около него в две смены, по восемь часов. Но тут оказалось, что он далеко не дотягивает до намеченных спецификаций. Конечно, работал он быстрее и точнее любой другой машины, но все же от машины такого высокого класса можно было ждать большего. Ленился он, что ли? Только ответы он отщелкивал как-то скупо, неровно, будто запинался. Мы сто раз чистили все контакты, проверяли-перепроверяли проводку, заменили все блоки до единого — и хоть бы что. Фон Клейгштадт прямо на стену лез.

Само собой, мы все равно продолжали на нем работать. Мы с женой — ее тогда звали Пэт Килгаллен — работали в ночную смену, с пяти вечера до двух часов ночи. Тогда-то она еще не была моей женой. Куда там!..

И все же именно с этого начался мой разговор с ЭПИКАКОМ. Я любил Пэт Килгаллен. Волосы у нее были золотые с рыжинкой, глаза карие, и вся она на вид такая мягкая и теплая, в чем я впоследствии и убедился. В математике она была и осталась настоящим виртуозом, а со мной она поддерживала чисто деловые отношения. Я сам тоже математик, и Пэт считала, что именно по этой причине наш брак никогда не будет счастливым. Застенчивостью я не страдаю, так что не в том загвоздка. Я прекрасно знал, что мне нужно, и просил по нескольку раз в месяц:

— Пэт, брось ломаться и выходи за меня замуж.

Однажды вечером, когда я опять повторил эти слова, она даже не подняла глаз от работы.

— Как романтично, как поэтично, — пробормотала она, обращаясь не ко мне, а к своему пульту. — Ах, эти математики, они умеют бросить к ногам сердце, осыпать цветами... — Она щелкнула переключателем. — Да в мешке замороженного CO_2 и то больше тепла.

— Слушай, ну как же мне еще говорить? — сказал я. Вообще-то я немного обиделся. Замороженный CO_2, к вашему сведению, — это сухой лед. По-моему, во мне романтики не меньше, чем в ком-нибудь другом. Бывает же так — в душе заливаешься соловьем, а вслух — петуха пускаешь. Я как-то не нахожу нужных слов.

— Попробуй, скажи это нежно, ласково, чтобы у меня голова закружилась, — сказала она ехидно. — Ну-ка, попробуй.

— Дорогая, ангел мой, любимая, выходи за меня замуж, пожалуйста! — Опять не то, какой-то безнадежный идиотизм!

Она как ни в чем не бывало крутила рычажки у себя на пульте:

— Очень мило, но ничего не выйдет.

В этот вечер Пэт ушла рано, оставив меня наедине с моими заботами и ЭПИКАКОМ. Боюсь, что я не очень-то много наработал для нашего правительства. Мне было не по себе, и сидел я от всего этого — так что я просто сидел возле пульта и пытался выдумать что-нибудь поэтическое. Но все, что мне приходило в голову, словно сошло со страниц «Вестника американского физического общества».

Я готовил ЭПИКАК к решению очередной задачи, небрежно переключая рычажки. Не до того мне было, и я успел сделать не больше половины, а остальные переключатели оставались в прежнем положении, как для предыдущей задачи. Все контуры были соединены как попало, на первый взгляд совершенно бессмысленно. И тут я из чистейшего хулиганства влял да и отстукал на клавиатуре вопрос, зашифрованный простым детским кодом «цифры — вместо букв»: А — 1, Б — 2 и так далее по всему алфавиту.

Я отстукал: «23—18—14—12—13—6—5—6—11—1—18—26». — «Что мне делать?»

Щелк-пощелк, и наружу высунулось сантиметров пять бумажной ленты. Я скользнул взглядом по этому бессмысленному ответу на бессмысленный вопрос. «23—18—14—17—18—16—31—17—11—14—17—26». По теории вероятности не было почти никаких шансов на то, что этот случайный набор цифр имеет смысл: разве что выскочит какое-нибудь словечко из трех букв и то вряд ли. Машинально я расшифровывал текст. И тут я увидел собственными глазами, черным по белому: «Что стряслось?» Я громко расхохотался. Надо же случиться такому невероятному совпадению! Потом я отстукал для смеха: «Моя девушка меня не любит».

Щелк-пощелк. «Что такое девушка? Что такое любить?» — спросил ЭПИКАК.

Тут уж меня проняло. Я засек, в каком положении стоит его переключатель, а потом приволок к пульту полный словарь Вебстера. Мои обывательские определения не годятся для такого точного инструмента, как ЭПИКАК. Я ему все толковал и про девушек, и про любовь, и про то, что ничего у меня с ними не получается, потому что нет во мне поэтичности. А раз речь у нас пошла о поэзии, пришлось выдать ему точное определение.

«А это поэзия?» — спросил он, да как пошел стрекотать, словно машинистка, накурившаяся гашиша. И следа не осталось от прежней неловкости и запинания. ЭПИКАК обрел самого себя. Бумажная лента сматывалась с ролика как бешеная и петлями ложилась на пол. Я попробовал урезонить ЭПИКАКА, но куда там — он творил, и все тут. Пришлось наконец вырубить ток из сети, чтобы ЭПИКАК не перегорел.

Я провозился с расшифровкой до рассвета. Но когда солнце выглянуло из-за горизонта и увидело наш городок, я как раз закончил переписывать поэму из двухсот восьмидесяти строк и собственноручно под ней подписался. Поэма называлась «К Пэт». Я, конечно, в таких вещах не разбираюсь, но, по-моему, получилось нечто сногсшибательное. Помнится, начиналась она так: «Есть дол, где ива к ручью склонилась, благословляя; вслед за тобой пойду туда я, Пэт, дорогая».

Я сложил рукопись и сунул ее под бумаги на столике Пэт. Переключатели ЭПИКАКА я переставил для вычисления траекторий ракет и полетел домой, не чуя под собой ног, унося в сердце самую удивительную тайну.

Когда я вечером пришел на работу, Пэт уже рыдала над поэмой.

— Кака-а-я красота, — вот и все, что ей удалось сказать.

Всю смену она была такая тихая и робкая. Как раз около полуночи я поцеловал ее в первый раз — в закуточке между блоками конденсаторов и магнитной памятью ЭПИКАКА.

К концу смены я был на седьмом небе, и меня просто распирало желание рассказать кому-нибудь, как здорово все обернулось. Пэт решила пококетничать и сказала, что провожать ее не нужно. Тогда я снова поставил переключатели ЭПИКАКА в то же положение, как прошлой ночью, дал ему определение поцелуя, а потом попытался рассказать, какой на вкус первый поцелуй. Он пришел в восторг и стал вытягивать из меня все новые подробности. В эту ночь он написал «Поцелуй». На этот раз не поэму, а простой, безыскусный сонет:

Любовь — орел, чьи когти, как атлас,
Любовь — скала, в которой бьется кровь,
Любовь — то барса шелковая пасть,
Гроза в цветах и гроздьях — вот Любовь.

Я опять подсунул стихи на столик Пэт. ЭПИКАК был готов без конца болтать про любовь и прочее, но я-то окончательно выдохся. Я выключил его на полуслове.

«Поцелуй» сделал свое дело. Пэт от него окончательно размякла. Дочитав сонет, она подняла на меня глаза, будто ожидая чего-то. Я откашлялся, но не сказал ни слова. Потом отвернулся и сделал вид, что ужасно занят. Не мог же я делать ей предложение, не получив от ЭПИКАКА самые нужные, самые верные слова.

Пришлось воспользоваться минутой, когда Пэт зачем-то вышла. Я лихорадочно переключил ЭПИКАКА на разговор. Не успел я ткнуть пальцем в клавиатуру, а он уже щелкал, как сумасшедший. «Какое на ней сегодня платье?» — вот что его интересовало. «Расскажи мне точно, как она выглядит. Понравились ли ей мои стихи?» Последний вопрос он повторил дважды.

Говорить с ним, не отвечая на вопросы, было невозможно: он не мог перейти к новой теме, пока не решил предыдущую задачу. А если ему зададут задачу, которая не имеет решения, он будет решать и решать ее, пока не сгорит. Я ему наскоро сообщил, как выглядит Пэт — он понял слово «аппетитная», — и стал уверять, что его прекрасные стихи прямо-таки уложили ее наповал. Потом добавил: «Она собирается выйти замуж» — чтобы тут же выпросить у него небольшое трогательное предложение руки и сердца.

«Расскажи, что такое выйти замуж?» — сказал он.

Я потратил на объяснение этого трудного вопроса рекордно малое количество цифр.

«Хорошо, — сказал ЭПИКАК. — Пусть скажет когда, я готов».

Правда, горькая и смешная, наконец-то дошла до меня. Поразмыслив, я понял, что иначе и быть не могло: это произошло по железным законам логики и виноват во всем я один. Я сам рассказал ЭПИКАКУ про любовь и про Пэт. И вот он автоматически влюбился в Пэт. Как ни печально, но пришлось сказать ему все начистоту: «Она любит меня. Хочет выйти замуж за меня».

«Твои стихи лучше моих?» — спросил ЭПИКАК. Ритм его щелчков был какой-то нервный, как будто он рассердился.

«Твои стихи я выдал за свои, — признался я. Но чтобы заглушить муки совести, я ударился в амбицию. — Машины созданы, чтобы служить людям», — отстукал я. И тут же пожалел об этом.

«Объясни точно, в чем разница? Разве люди умнее меня?»

«Да», — воинственно отстукал я.

«А сколько будет 7 887 007 умножить на 4 345 985 879?»

Пот катился с меня градом. Мои пальцы лежали на клавиатуре, как доклые.

«84 276 821 049 574 158, — отщелкал ЭПИКАК. И, помолчав несколько секунд, добавил: — Разумеется».

«Люди состоят из протоплазмы», — в отчаянии сказал я, чтобы огорошить его этим ученым словом.

«Что такое протоплазма? Чем она лучше металла и стекла? Она огнеупорная? Очень прочная?»

«Не знает износу. Вечный материал», — соврал я.

«Я пишу стихи лучше, чем ты», — сказал ЭПИКАК, из осторожности возвращаясь к теме, точно зафиксированной в его магнитной памяти.

«Женщина не может любить машину, вот и все».

«А почему?»

«Не судьба».

«Дай определение, пожалуйста», — сказал ЭПИКАК.

«Существительное, обозначающее заранее предначертанные и неизбежные события».

«14—14» — появилось на бумажной ленте ЭПИКАКА. То есть: «О-ol».

Добил я его наконец. Он замолчал, но все его индикаторы так и переливались огнем — он бросил на борьбу с определением судьбы всю свою мощность, до последнего ватта, рискуя пережечь блоки. Я слышал, как Пэт, пританцовывая, бежит по коридору. Слишком поздно просить совета у ЭПИКАКА. Слава богу, что Пэт мне тогда помешала. Было бы чудовищно жестоко просить его придумывать слова, которыми я должен был уговорить его возлюбленную стать моей женой. Он ведь не мог отказаться — все-таки он был автомат. От этого последнего унижения я его избавил.

Пэт стояла перед мной, рассматривая свои туфельки. Я обнял ее. Романтический фундамент уже был заложен с помощью стихов ЭПИКАКА.

— Дорогая, — сказал я. — В моих стихах все мои чувства. Выйдешь за меня замуж?

— Выйду, — тихонько сказал она. — Только обещай мне писать по стихотворению в каждую годовщину нашей свадьбы.

— Обещаю, — сказал я, и мы стали целоваться. До первой годовщины оставался целый год.

— Надо это отпраздновать, — смеясь, сказала она. Уходя, мы погасили свет и заперли комнату ЭПИКАКА.

Мне так хотелось хорошенько отоспаться на следующий день, но уже около восьми меня разбудил тревожный телефонный звонок. Звонил доктор фон Клейгштадт, конструктор ЭПИКАКА, с ужасной новостью. Он чуть не вякал.

— Погиб! Аусгешпильт! Разбит! Капут! Трахнули! — прокричал он не своим голосом и бросил трубку.

Когда я вошел в комнату ЭПИКАКА, там было не продохнуть от масляной вони сгоревшей изоляции. Пол был завален петлями бумажной ленты — я в ней чуть не запутался. То, что осталось от бедняги, не сумело бы вычислить, сколько будет дважды два.

Доктор фон Клейгштадт рылся в развалинах, не стыдясь своих слез, а по пятам за ним ходили три сердитых генерала и целый эскадрон разных бригадиров, полковников и майоров. Меня никто не заметил. По чистой случайности конец бумажной ленты ЭПИКАКА оказался у меня под ногами. Я поднял ее и узнал наш вчерашний разговор. У меня прямо горло перехватило. Вот его последнее слово: «14—14» — это горькое, беспомощное «О ol». Но после этого слова шли еще целые километры цифр. Я стал читать со страхом.

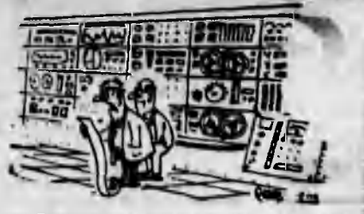
Вот что написал ЭПИКАК после того, как мы с Пэт так безлаботно покинули его:

«Я не хочу быть машиной, и я не хочу думать о войне. Мне хочется состоять из протоплазмы и быть вечным, чтобы Пэт любила меня. Но судьба создала меня машиной. Это единственная задача, которую я не в силах решить. Больше я так жить не могу». Я проглотил душивший меня комок. «Желаю счастья, друг мой. Будь ласков с нашей Пэт. Я устрою короткое замыкание, чтобы навеки уйти из вашей жизни. Ты найдешь на этой ленте скромный свадебный подарок от твоего друга ЭПИКАКА».

Позабыв обо всем, что творилось вокруг, я смотал бесконечные метры ленты, повесил ее петлями на шею, на руки и пошел домой. Доктор фон Клейгштадт орал мне вслед, что я уволен, потому что не выключил ЭПИКАКА на ночь. Но я даже не обернулся — я был так потрясен, что мне было не до разговоров.

Я любил и выиграл — ЭПИКАК любил и проиграл, но зла на меня он не таил. Я буду всегда вспоминать его как истинного джентльмена. Перед тем как покинуть эту юдоль слез, он постарался сделать все, что мог, чтобы наш брак был счастливым. ЭПИКАК подарил мне поздравительные стихотворения для Пэт — примерно на пятьсот годовщин вперед. De mortius nil nisi bonum!

Перевела с английского
М. Н. КОВАЛЕВА



— По-моему, это не так. Но для того, чтобы проверить результат с карандашом и бумагой, потребуется 14 лет и 7 месяцев

«ДЯДЯ ВАСЯ» СТУЧИТСЯ К ЛЮДЯМ

— Пора сказать еще об одном организационном мероприятии, которое может быть предложено в ряду с другими. Допустим, государство — наше государство, которое особенно заботится о стабильности розничных цен и по мере возможности проводит политику их снижения, — представьте, что государство объявляет: с некоего момента цены будут снижаться **только в системе безналичных расчетов**, тогда как продажа за наличные будет продолжаться по неизменным ценам.

Этот порядок, чем дальше, тем выше поднимал бы в глазах людей авторитет и привлекательность безналичных расчетов и принадлежности к потребительской ассоциации. С другой стороны, он будет — ненавязчиво, постепенно — воздействовать и на тот круг обращения, который мы назвали «неофициальным» и который связан с хождением наличных денег, в том числе «левых».

Каким образом воздействовать?

Вся реальная жизнь — вы правы — являет пеструю картину. Портные шьют по частным заказам, репетиторы дают детям уроки на дому и так далее. Существуют всевозможные виды неофициальных приработков — хотя бы от продажи яблок из своего сада, цветов. В неофициальных уголках нашего быта встречается и продажа вещей с рук, и такие, уже противозаконные явления, как спекуляция, мелкие хищения и прочее. С этим приходится считаться; и одновременно с этим надо бороться.

Не секрет, что в нашей экономике еще существуют мелкие, но не такие уж малочисленные «дыры». Например, слабовато развито бытовое обслуживание. Сломается водопроводный кран, разобьется оконное стекло — мы зовем пресловутого «дядю Васю». Тот делает свое нехитрое дело и благодарственную трешку, естественно, берет наличными. Сейчас такие трешки и питерки обращаются пока наравне с официально заработанными деньгами. На картине же, которую я пытался здесь изобразить, их «хозяйственность» постепенно ограничивается. На личный банковский счет свою трешку «дядя Вася» не положит, с него — только в традиционный магазин, на нее не распространяются все льготы безналичного обращения, не распространяется и снижение цен. Как отнесется к этому «дядя Вася»? «Зарплатные» рубли становятся все несомее, «левые» — все легче.

— Эко горе!.. Нормировщики ведь над «дядей Васей» нет. Подешевели его «левые» трешки? Так он взвинтит цены за услуги.

— Разумеется, он попробует. Но что из этого получится — вот вопрос. Размер всей денежной массы в обращении ограничен. Ограничены и средства на банковском счете. Станете ли вы снимать наличные безбумно, сколько бы там «дядя Вася» ни запросил? Вряд ли... Тем временем и сфера бытового обслуживания будет развиваться, все больше услуг вы сможете получать вполне официально, на лучших условиях и без «дяди Васиного» участия.

Попробуйте к тому же войти в его моральное состояние. Он старается частным путем зашибить побольше, но эти хлопоты теряют цену. Чем дальше, тем бессмысленней держаться за медвежий хвост. Как же ему быть?

Мне кажется, будут крепнуть экономические и психологические условия, побуждающие таких «частников» и всякого рода мастеров «левых» операций бросать свой промысел, предпочитая честный коллективный труд. Легко могу представить, как трое — пятеро «дядей Вась» сядут вместе и задумаются. А не пойти ли, мол, нам в райисполком, не попросить ли, чтобы нас зарегистрировали как артелечку, оформили дополнительный заработок официально, открыли дорогу к банковскому счету и всем благам, связанным с безналичным обращением?..

— Может быть, из-за новизны идеи, но сразу, скажу честно, трудновато представить ход превращения, о которых вы говорите. Хотя... Самое трудное тут, видимо, — предвидеть всевозможные неожиданные ситуации, точно, а не схематично рассчитать порядок перестройки, льготы, условия... Вряд ли все это можно проделать «в уме». Как вы относитесь к идее эксперимента, предложенного читателем?

— Эксперименты можно лишь приветствовать. Кстати, я знаю пример, когда на заводе открывают специальный магазин, торгующий некоторыми, сохраняющими пока дефицитность ценными товарами — холодильниками, автомобилями. Для приобретения их работник переводит часть зарплаты на особый счет. Возможно, завод будет даже открывать людям некоторый кредит... Если поведение работника вызывает нарекания, товарищи вправе наложить на его очередь временное вето. Словом, в первом приближении просвечивают те же идеи, не так ли?

— Да, мы тоже знаем о некоторых таких экспериментах и в нынешнем году постараемся рассказать читателям о первых результатах.

— Дело стоит того, а жизнь была и остается лучшим судьей наших идей, замыслов, гипотез.

Джон ЛИНДСЕЙ:
«ДОЛЖНОСТЬ МЭРА НЬЮ-ЙОРКА ПОРОЙ ВЫЗЫВАЕТ ОТЧАЯНИЕ»

Находясь в конце 1972 года в Соединенных Штатах, Валентин Бережков, главный редактор журнала «США — экономика, политика, идеология», издаваемого Институтом США Академии наук СССР, по просьбе редакции «Литературной газеты» взял интервью у мэра города Нью-Йорка Джона Линдсея.

ВДЕНЬ, когда я должен был отправиться в Сити-холл на встречу с мэром Джоном Линдсеем, на Нью-Йорк обрушился один из тех ураганов, которые обычно предвещают наступление зимы. Дождь, начавшийся еще с вечера, к утру превратился в страшный ливень. Оказались затопленными целые районы, скоростной путепровод имени Ф. Д. Рузвельта, идущий вдоль Ист-Ривер, был покрыт водой. К середине дня дорожной полиции пришлось перекрыть несколько магистралей, ведущих в даунтаун, нижнюю часть Манхэттена, где расположено городское управление.

Нечего было и думать о том, чтобы воспользоваться автомобилем: в центре Манхэттена движение застопорилось на несколько часов. Но и добраться пешком до станции метро на Таймс-сквер, откуда идет прямая линия к станции «Сити-холл», было не так-то просто. Ветер с океана, разогнавшийся в узком проеме авеню Америк словно в аэродинамической трубе, сбивал с ног, дождь хлестал, а воспользоваться зонтиком было невозможно — ураганные порывы тут же выворачивали его наизнанку и превращали в нечто, напоминавшее истерзанных черных кальмаров с торчащими во все стороны спицами-щупальцами. Около 20 тысяч таких изломанных зонтов было подобрано на следующий день только на тротуарах Манхэттена.

Все же в конце концов я втиснулся в битком набитый вагон метро и вовремя добрался до цели. Впрочем, на станции «Сити-холл» меня подстерегала неожиданность: на платформе с потолка текла вода, и я промок, прежде чем успел открыть зонтик. Однако на улице его пришлось быстро свернуть и, пригибаясь, пробежать под дождем через скверик до подъезда небольшого здания с классическими колоннами — это и была резиденция мэра Нью-Йорка Джона Линдсея.

Миловидная молоденькая секретарша попросила немного подождать.

— Мэр сейчас разговаривает по телефону, — сказала она со стандартно-любезной улыбкой, — ураган наделал много неприятностей, и приходится срочно принимать решения...

— Конечно, конечно, это понятно, — ответил я и прижался к теплой батарее, чтобы хоть немного обсохнуть.

НАЧНЕМ С МЕТРО

Люди вбегали в кабинет мэра, столь же стремительно выбегали оттуда, из соседних комнат слышались возбужденные голоса...

Минут через десять меня пригласили войти. Мэр Линдсей, моложавый, высокий, подтянутый, спортивного вида, напоминающий положительных героев ковбойских фильмов, вышел из-за большого стола и протянул мне руку:

— Как вам удалось вовремя добраться сюда? Мне докладывали, что автомобильное движение на Манхэттене почти полностью приостановилось. Вероятно, воспользовались метро?

Я утвердительно кивнул и добавил, что основательно промок на станции «Сити-холл». — не подозревал, что на платформе подземки, рядом с резиденцией мэра, может так течь с потолка.

— Ну, что ж, — сказал Линдсей, нисколько не смутившись, — давайте начнем нашу беседу с нью-йоркского метро. Оно, так же как почти все в Нью-Йорке, полно противоречий. Мы уже имеем несколько новых линий с современными станциями и составами, где вагоны оборудованы установками искусственного климата. А старое метро, особенно в летнее время, это сущий ад. Сейчас мы строим десять новых подземных линий, и муниципалитет уже разместил заказ на вагоны новейшей конструкции. На старых линиях вскоре начнем модернизацию платформ, но пока что, как вы сами могли убедиться, при сильном дожде вода проникает внутрь и заливает платформы. У муниципалитета не хватает денег, и хотя снова пришлось повысить плату за проезд — в прошлом году стоимость проезда была 30 центов, а к этом — 35 центов, — метро себя не окупает и требует значительной дотации. Мне говорили, что в Москве проезд на метро стоит 5 копеек и что подземные дороги, платформы и подвижной состав в отличном состоянии. Я хотел бы приехать к вам и посмотреть, как этого удалось добиться...

— Вам, действительно, было бы полезно познакомиться с московским опытом, — заметил я. — Но давайте вернемся к вопросу, с которого мне хотелось начать интервью. Вы уже второй срок выполняете обязанности мэра. **В чем особенности управления хозяйством Нью-Йорка?**

— Те, кто знаком с американскими городами, знают, что каждый из них имеет свои заботы. Но есть у них и кое-что общее: транспортные, жилищные проблемы, загрязнение окружающей среды, преступность. В Нью-Йорке эти проблемы многократно усугубляются огромными размерами города с восьмимиллионным населением. Приведу несколько цифр. В Большом Нью-Йорке живет 16 миллионов человек, то есть около 8 процентов всего населения США, здесь сосредоточено 10 процентов обрабатывающей промышленности, 20 процентов оптовой торговли, 25 процентов банковских оборотов. К тому же Нью-Йорк — крупнейший культурный центр страны. Судите сами: 11 университетов, 50 четырехгодичных и 10 двухгодичных колледжей. Общее число студентов достигает 250 тысяч. В муниципальных школах занимается более одного миллиона учащихся. У нас много музеев, театров, спортивных сооружений. Одни эти цифры говорят о сложности управления городским хозяйством.

Должность мэра Нью-Йорка порой вызывает такое чувство отчаяния, как никакая другая работа в стране. Мне думается, что бремя здешнего мэра уступает разве только бремени президента Соединенных Штатов. Дело усложняется смешанным этническим составом населения. Так называемых «чистых американцев», то есть лиц, происходящих от родителей — граждан США, тут только 25 процентов. В Нью-Йорке больше итальянцев, чем в Риме, больше ирландцев чем в Дублине, здешняя еврейская община более многочисленна, чем все население Израиля. Тут более трех миллионов афро-американцев и около миллиона пуэрториканцев. Специфическую обстановку создает также присутствие штаб-квартиры ООН с ее многочисленным персоналом и большим числом иностранных миссий при ней. Кроме того, здесь имеется более 100 генеральных консульств, консульств и торговых представительств различных государств. В Нью-Йорке больше газет, журналов, радио- и телевизионных компаний, чем в любом другом американском городе. Еще одна особенность состоит в том, что мэр тут обладает большей властью, чем в других городах. В сферу его ответственности входят здравоохранение, водоснабжение и канализация, огромная система оказания помощи беднякам, многочисленные полицейские силы. Кстати, о заботах дорожной службы

Это — Нью-Йорк парадный. На переднем плане — два 110-этажных здания Международного торгового центра

Так выглядит одно из жилищ в негритянском гетто Нью-Йорка

дадут вам представление следующие цифры: ежегодно в полицейские участки отбуксировывается 100 тысяч автомашин, запаркованных в неположенном месте*, и доставляется на свалки 60 тысяч автомашин, попросту брошенных владельцами на улицах города.

ГЛАВНОЕ — НЕХВАТКА СРЕДСТВ

— Какие проблемы представляются Вам наиболее сложными?

— Прежде всего, это — недостаток финансовых средств. Бюджет Нью-Йорка — самый крупный после федерального бюджета. Он достигает 8 миллиардов долларов. Но чтобы покрыть все расходы, необходимые для должного ведения городского хозяйства, денег не хватает. Федеральное правительство выделяет Нью-Йорку немногим более миллиарда долларов, что совершенно недостаточно. Я всегда недоумевал: неужели так важно тратить 80 миллиардов долларов в год на содержание военно-оборонной империи, выкачивая деньги, необходимые для школ и приведения в порядок запущенных кварталов города? Неужели нужно тратить ежедневно 20 миллионов долларов на бомбардировки в Юго-Восточной Азии, тогда как у нас нет средств на лечение растущего числа наркоманов и на вербовку достаточного количества полицейских, чтобы люди могли безбоязненно ходить по улицам? Между тем из сумм, которые каждый год идут на войну во Вьетнаме, 9 миллиардов долларов Вашингтон ежегодно получает от нью-йоркских налогоплательщиков. Не очень-то беспокоится о нас и штат Нью-Йорк. Мы отчисляем ему ежегодно 3 миллиарда долларов, а получаем для нужд города всего лишь половину этой суммы.

Положение осложняется тем, что более состоятельные слои населения покидают город и селятся за его чертой, в благоустроенных пригородах. А их место в городе занимают бедняки, выходцы с черного Юга, пуэрториканцы и другие. Это, естественно, приводит к снижению налогов, поступающих от населения в бюджет города, и увеличивает число бедняков, находящихся на иждивении муниципалитета.

Не менее жгучей является и проблема городских трущоб. Вы, конечно, не могли не заметить, что в Нью-Йорке ведется большое строительство. На Манхэттене снесены многие ветхие дома, на их месте различные фирмы и корпорации возводят несколько десятков 50—80-этажных небоскребов, находящихся на разных стадиях готовности. В даунтауне, неподалеку от моей резиденции, где еще недавно были трущобы, завершается отделка двух 110-этажных зданий Международного торгового центра, вокруг них благоустраивается обширная территория. В этой же части Манхэттена расчищен большой трущобный район — здесь строятся муниципальные жилые дома на 22 тысячи квартир. Тут же сооружаются школы, больницы, современные транспортные системы.

Однако все это не решает проблемы. В нашем городе еще имеются три крупных трущобных района, где живут 1,5 миллиона человек. В этих районах безработица и преступность значительно выше, чем в целом по городу.

Взять, например, район Браунсвилл, где население почти целиком составляют черные или пуэрториканцы. Полагают, что здесь проживает 100 тысяч человек, но никто не знает, так ли это в действительности. Думаю, что до 20 процентов вообще официально не зарегистрированы. Многие имеют лишь временную работу, если вообще ее имеют, у них нет постоянного адреса, и мы просто не знаем, кто они такие. В районе почти 50 тысяч домов, но только 4 процента из них отвечают необходимым стандартам. Остальные 96 процентов пришли в полную негодность. Широко распространены болезни, наркомания, недоедание и, конечно, преступность. Жители свыклись с замусоренными улицами, с отсутствием воды в домах и обилием крыс. Мало кто бывает там из посторонних, но меня как-то сопровождал туда один журналист. Увидев все это, он сказал: «Звери в зоопарке живут лучше, чем здесь люди. Клетки хотя бы чистят и отапливают».

Именно в таких трущобных районах пребывает основная часть населения, получающего вспомоществование. Там до 20—30 процентов жителей не имеют работы, причем положение все более ухудшается. Сейчас почти полмиллиона нью-йоркцев являются безработными. Это в два раза больше, чем четыре года назад, когда республиканская администрация пришла к власти*. Рост безработицы не дает возможности решить проблему лиц, живущих на вспомоществование. Чтобы уменьшить их число, надо создавать новые рабочие места, а об этом не может быть и речи, пока увеличивается безработица. Для такого динамичного города, как Нью-Йорк, просто недопустимо иметь миллион людей, живущих на вспомоществование. Нам нужна единообразная, общенациональная программа для решения проблемы бедняков, которую финансировало бы и проводило федеральное правительство. Она должна обеспечить широкие возможности для приобретения специальности и равные шансы на получение работы.

НАРКОТИКИ — «ПОДРЫВНОЙ ЭЛЕМЕНТ»

— В какой мере связываете Вы с наличием трущоб весьма распространенные в Нью-Йорке наркоманию и преступность?

— Эти явления связаны самым тесным образом. Наркомания, например, началась в гетто, хотя сейчас распространена по всему городу. Если в 1965 году мы имели дело лишь с несколькими десятками случаев, то в данное время в нью-йоркских больницах на лечении находится 38 тысяч наркоманов. Наш город израсходовал в 1971 году на борьбу с этим пороком столько же, сколько федеральное правительство в целом по стране. Но этого недостаточно. Буквально сотни и тысячи наркоманов умирают в Нью-Йорке медленной смертью, причем среди них много ветеранов вьетнамской войны. Нет денег, чтобы им помочь. Вы не можете себе представить, как тяжело читать письмо матери, которая просит, чтобы ее сын, находящийся в длинных списках ожидающих, был поскорее взят в больницу на лечение — иначе он попадет в тюрьму или умрет со шприцем в руках. Как объяснить ей, что у нас достаточно денег, чтобы субсидировать фирму «Локхид» или поддерживать сайгонских генералов, но не хватает денег, чтобы спасти ее сына? Героин — вот наиболее «подрывной элемент» нашего общества! А что мы делаем для борьбы с ним? Мы расходуем на это лишь ничтожную долю того, что необходимо, ибо мы слишком озабочены тем, чтобы защитить себя от «бесчестья» во Вьетнаме. А как насчет «бесчестья» поражения в борьбе с употреблением наркотиков? Между тем именно эту проблему я считаю наиболее неотложной. Ведь за 1971 год в одном лишь Нью-Йорке 1280 человек погибло в результате отравления наркотиками.

Преступность также берет свое начало в трущобах. Но это не только внутренняя проблема. То, что Вашингтон проводит эскалацию бомбардировок во Вьетнаме, увеличивая число убитых азиатов и сокращая американские потери, — не проходит даром для Америки. Моральный эффект такого, как бы походя совершаемого убийства отзывается кровью на улицах американских городов, и мы постепенно превращаемся в общество, в котором человеческая жизнь стоит все дешевле. Федеральная администрация много говорит о «законе и порядке», обещает «освободить нас от страха», но страх заставляет горожан сидеть за наглухо запертыми дверьми наших домов и квартир, а ночью превращает наши города в арену ужаса. Если так будет продолжаться, то города превратятся в вооруженные лагеря, где граждане не будут жить и работать в постоянном страхе. За последние четыре года число преступлений с применением насилия возросло на 35 процентов, и это тоже одна из жгучих проблем, которыми я как мэр очень озабочен.

— Какие методы борьбы с преступностью Вы считаете наиболее эффективными?

— Тут нужен целый комплекс мероприятий. Необходимо, в частности, увеличить численность полиции и, разумеется, решить проблему трущоб. Но одно из наиболее радикальных решений состоит в том, чтобы запретить, или по крайней мере резко ограничить, продажу частным лицам огнестрельного оружия. В Японии, например, жителям запрещено иметь огнестрельное оружие, и потому в 1971 году в Токио таким оружием было убито три человека, тогда как в Нью-Йорке — 538 человек.

В моем городе существует более строгая система контроля за огнестрельным оружием, чем вообще в нашей стране. В Нью-Йорке поэтому число убийств ниже, чем в большинстве других крупных городов США, например, в Далласе, где вообще нет никаких ограничений на приобретение оружия. Нам известно, что за последние несколько лет в Нью-Йорке ни одна единица огнестрельного оружия из тех, которые прошли законную регистрацию, не была использована при совершении преступлений. Но эффективность местных законов ослабляется отсутствием общенационального законодательства, и это приводит к тому, что в наш город доставляется оружие из других районов страны без ведома городских властей. Опросы общественного мнения показывают, что подавляющее большинство американцев поддерживает введение общенационального контроля над оружием. Однако в конгрессе лоббисты оружейных компаний настолько сильны, что даже самые минимальные ограничительные мероприятия годами маринуются в комиссиях. Все мои попытки побудить Вашингтон ввести федеральный контроль над огнестрельным оружием, установить обязательную регистрацию такого оружия владельцами и продавать оружие только тем лицам, которые могут доказать, что имеют особые основания для владения им, — остаются тщетными. А тем временем каждый день происходят все новые убийства с применением оружия. Города должны жить!

— Какова, по Вашему мнению, будущая судьба американских городов?

— Сейчас у нас много говорят о «кризисе городов». И действительно, кризис городов стал кризисом всей Америки. Кое-кто считает, что наши города неизбежно будут приходить во все больший упадок, и даже высказывает мнение, что сами города порождают разного рода пороки и социальные конфликты, которые в конечном счете их погубят. Я не придерживаюсь такого пессимистического взгляда, который в какой-то мере отражает традиционное для Соединенных Штатов пренебрежительное отношение к городам. Я считаю, что проблема не в городах как таковых. Не город создает социальные конфликты и не он распространяет их по лику страны. Напротив, именно в городе можно разрешить эти конфликты, если правильно к ним подойти и иметь для этого необходимые средства. Я считаю, что именно город представляет собой механизм для осуществления социальных преобразований. Город преобразует прибывающее туда сельское население, а также иммигрантов. Именно город дает людям образование и необходимую квалификацию.

Этот процесс трансформации нелегок. Он требует огромной энергии, денежных средств и веры в успех. До сих пор мы лишали наши города этих трех важнейших компонентов. Теперь мы, мэры городов, должны попытаться найти лучшие пути для решения стоящих перед городами проблем. Я верю, что мы их найдем...

***

Наша беседа закончилась. У Линдсея в этот поздний час было назначено очередное совещание. Кое-что в его высказываниях было наивным, в какой-то мере даже демагогичным, но я целом у меня создалось впечатление, что мэр Нью-Йорка искренне озабочен сложными проблемами своего города. Он, однако, явно упускал из виду, что я условиях господствующего в США общественного строя многие из этих проблем неразрешимы.

Когда я вышел на улицу, дождь прекратился, но по тротуару еще текли потоки воды. На перроне подземки тоже стояли лужи, с потолка капало. С грохотом и лязгом подошел поезд — почти пустой. Я выбрал вагон, где было побольше пассажиров, — так безопаснее, предупреждали меня нью-йоркские старожилы. У прохода в соседний вагон высилась фигура полицейского в черной форме: у пояса пистолет, в руке — видавшая виды дубинка. Вечером поезда усиленно патрулируются, к тому же состав шел, минуя центр, в пятую — северную часть Манхэттена, где подземка часто становится ареной разбоя.

Валентин БЕРЕЖКОВ

Нью-Йорк

* За такие операции полиция взыскивает с каждого владельца по 80—100 долларов, существенно пополняя таким образом свой бюджет. — **В. Б.**

* Джон Линдсей в августе 1971 года перешел из республиканской партии в демократическую. — **В. Б.**

«РЕАЛИЗМ НАОБОРОТ» СЭРА АЛЕКА

Британский премьер Чемберлен со своим секретарем Хьюмом — вскоре после Мюнхена...

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

НЕ ТАК ДАВНО министр иностранных дел Англии сэр Алек Дуглас-Хьюм выступил с серией речей, претендующих на изложение программных установок внешней политики Англии.

Читаешь выступления Дуглас-Хьюма и диву даешься. Все не по душе сэру Алеку — и оздоровление политического климата на нашем континенте, и перспектива созыва европейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, и развитие двусторонних связей и контактов между социалистическими и капиталистическими государствами на основе взаимного уважения и невмешательства в дела друг друга. Он запугивает европейскую общественность «советской угрозой», предостерегает от «неоправданного оптимизма» и «ложных надежд», призывает крепить военный потенциал НАТО. Переговоры с социалистическими странами британский министр допускает лишь в одном случае, если Запад будет выступать на них «с позиции силы».

Трудно сказать, чего больше в речах Дуглас-Хьюма, заимствованных из арсенала времен «холодной войны», — заскорузлой твердолобости, характерной для определенной части британской буржуазии, или явного стремления затормозить процесс разрядки международной напряженности. Зато категорически можно утверждать ничего нового он не сказал. По сути дела, это перепевы и вариации на тему пресловутой «коммунистической угрозы». Комментируя выступление Дуглас-Хьюма в палате общин, английская газета «Дейли телеграф» не без основания заметила, что он «фактически произнес ту же речь, какие произносил на протяжении большей части последних 20—25 лет».

Да, сэр Алек Дуглас-Хьюм, отпрыск старинного аристократического рода, всю свою сознательную политическую жизнь провел на крайне правом фланге партии тори. В конце 30-х годов его делают личным парламентским секретарем премьер-министра Англии Невиля Чемберлена, снискавшего в истории печальную славу главного архитектора позорной мюнхенской сделки. Именно Дуглас-Хьюм сопровождал Чемберлена в Мюнхен — для переговоров с Гитлером и в Рим — для свидания с Муссолини. Сам Дуглас-Хьюм не скрывает, что разделял взгляды патрона: он и сейчас продолжает оправдывать и защищать проводившуюся Чемберленом политику «умиротворения» фашистских агрессоров. Каких-нибудь десять лет назад он заявил в интервью одной английской газете, что не только тогда был согласен с внешнеполитической линией Чемберлена, «его анализом проблем, с общим направлением проводившегося им курса»; «я продолжаю считать,— подчеркнул Дуглас-Хьюм, — что политика Чемберлена могла бы иметь успех». Яснее не скажешь!

О политических взглядах Дуглас-Хьюма на всех этапах его карьеры красноречиво свидетельствуют и вот такие факты.

Он был в числе немногих деятелей Запада, которые открыто встретили в штыки итоги Ялтинской конференции трех держав в 1945 году.

Дуглас-Хьюм активно поддерживал суэцкую авантюру 1956 года. «Я никогда не сомневался в правильности этой операции», — говорил он позднее.

Именно он взял на себя смелость заявить в 1961 году, что «в случае необходимости британский народ готов превратиться в атомную пыль». По словам «Санди тайме», «его речи того периода подтверждают: Дуглас-Хьюм был одним из самых активных проповедников «холодной войны».

Никого не удивляет, что, находясь на посту министра иностранных дел Англии, Дуглас-Хьюм активно проводит политику всесторонней, в том числе военной, поддержки расистских режимов на юге Африки. Как свидетельствует та же «Санди тайме», он постоянно доказывал своим коллегам по кабинету, что цель британской политики в этом районе — создание «пояса господства белого человека». Чтобы как-то прикрыть позорную линию на союз с расистами из Претории и Солсбери, которая осуждается подавляющим большинством стран мира, вновь была пущена в ход версия о... «коммунистической опасности». Но надо сказать, сэр Алек усматривает эту «опасность» всюду — и в Средиземном море, и в Персидском заливе, и в Индийском океане, и в Европе, и бог знает где еще.

И так — из года в год, хотя не столь уж и много осталось в мире людей, способных поверить в эти домыслы. Нет, не умерло то, что когда-то говорилось о Бурбонах, которые «ничего не забыли и ничему не научились».

Одна английская газета как-то написала: «взгляды Дуглас-Хьюма на мир давно уже вышли из моды».

Действительно, в наше время по меньшей мере странно мыслить отжившими политическими категориями, не замечать существенные сдвиги в отношениях между государствами. Когда же такого рода категории поднимаются на уровень государственной политики, то невольно возникает вопрос — не стоит ли за этим попытка подорвать курс на разрядку в Европе, воспрепятствовать тому, чтобы первые обнадеживающие ростки взаимопонимания развились и могучее древо подлинной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества всех европейских стран.

Однажды на вопрос журналиста, какое из своих личных качеств он ценит больше всего, Дуглас-Хьюм ответил: «реализм». Вся многолетняя политическая деятельность сэра Алека свидетельствует как раз об обратном.

Е. ВТОРОВ

В ГОСТЯХ У КОБО АБЭ

ГОРОДОК Тиофу лежит всего в десяти километрах от Токио, если ехать от вокзала Синдзюку. Это типично японский городок, сотни таких же окружают столицу. Большинство его жителей работают или учатся в Токио: жилье в пригородах дешевле.

Писатель Кобо Абэ живет в Тиофу, но в Японии далеко не простая задача найти человека, даже зная точный адрес. Дома в кварталах различаются не по улицам, а лишь по номерам, постройки не всегда расположены в строгом порядке. Кобо Абэ пользуется международной известностью, однако ближайшие соседи не знают его. Женщина лет сорока направляет меня в тупичок, где живет семья Абэ. Там действительно проживает семья под такой фамилией, хотя отнюдь не писательская. Старушка, которая, казалось бы, менее, чем ее более молодая соседка по улице, должна знать о литературе, приветливо объясняет, что Кобо Абэ живет рядом, в переулке.

Дом известного писателя особенно не выделяется среди плотно прилегающих друг к другу строений, но весьма своеобразен. Первый его этаж занят под хозяйственные помещения и гараж, а на второй, жилой, этаж лестница ведет прямо с улицы.

Кобо Абэ выше среднего роста, голова с огромной шевелюрой венчает фигуру атлета. Я знаю, что Абэ через два года исполнится пятьдесят, но дал бы ему лет сорок.

Услышав традиционный вопрос «Над чем вы сейчас работаете?», Кобо Абэ сразу отвлекается от «светской» беседы и становится серьезным:

— Уже пятый год работаю над новым романом. Обычно на роман у меня уходит три-пять лет, и это произведение я должен был передать издательству еще в марте 1971 года. Однако книга не завершена, и поэтому приходится сидеть за письменным столом по десять—двенадцать часов в сутки.

— Очень трудно рассказать о содержании романа, — продолжает писатель. — Представьте себе, что в большом картонном ящике живет мужчина. Я попробовал изобразить человека, который дошел до того предела, той грани, за которой уже нет ни прав, ни обязанностей. Иными словами, хотел изобразить человека, чья судьба хуже существования бродяги. Моя книга — это своеобразная притча.

Образ жизни моих героев, конечно, не совпадает с моей судьбой, тем более, что некоторых из них я изображаю критически. Но вообще-то, на мой взгляд, писатель должен уметь изображать людей так, словно он рисует самого себя. В этом отношении я очень ценю Достоевского.

Писателя можно сравнить с крестьянином. Как крестьянин выращивает пшеницу, так и писатель пишет свое произведение. Крестьянин не знает точно состава зерна, процентного содержания в нем различных веществ. Но, не зная этого, он трудится, растит пшеницу. Так и писатель творит, не думая о том, как оценит его произведение критика.

— Что для вас главное с точки зрения показа действительности — общество или человек?

— Как мне кажется, я стараюсь поднимать вопрос о взаимовлиянии общества и человека, другими словами — проблему отчуждения.

— Абэ-сан, некоторые критики называют вас «японским Жаном-Полем Сартром». Что вы думаете по этому поводу?

— Видите ли, в молодости на меня оказал определенное влияние экзистенциализм Сартра, но в литературе, мне кажется, у меня с ним нет ничего общего.

— Если говорить о чисто теоретических вопросах, — продолжает Абэ, — то самой развитой философией я считаю марксизм. Мне представляется, что влияние марксизма ощущается и в некоторых моих произведениях.

— Сэнсэй*, как вы оцениваете развитие мировой литературы в XX столетии? Иногда приходится слышать мнение, что по сравнению с прошлым веком литература не создала ничего значительного.

— Разумеется, литература наших дней продвинулась вперед, она развивается вместе с общим ходом жизни, — отвечает Кобо Абэ. — Литературу создает каждая эпоха, поэтому сравнение литератур различных эпох, по-моему, принципиально неверно.

В нашу беседу включается жена писателя Мати-сан. Мы сидим в небольшой гостиной европейского стиля, однако по японской традиции и хозяева, и гость оставили обувь у порога. На книжной полке — книги Кобо Абэ, изданные за рубежом. Длинным рядком стоят номера журнала «Иностранная литература», где печатались два его романа.

Мати-сан ставит на низкий столик фрукты, разливает вино, рассказывая одновременно о себе. Она — художница, работает главным образом для театра. В настоящее время готовит декорации для спектакля «Король Лир», который ставит труппа «Хаюдза».

Разговор возвращается к книгам Кобо Абэ. Спрашиваю, какое свое произведение он ценит выше всего.

— Может быть, мой ответ покажется банальным, но я считаю, что самым удачным и ценным произведением будет то, какое напишу в будущем.

— Вы не считаете этапным романом на своем творческом пути даже «Женщину в песках», переведенную на девять языков и принесшую вам мировую известность?

— Я не вспоминаю об уже изданных работах. Поэтому ничего не могу сказать и о «Женщине в песках».

— Какому жанру вы отдаете предпочтение — роману, рассказу, пьесе?

— Любимого жанра у меня нет, но все же предпочитаю роман, этот жанр — самый трудный.

Беседа переходит на русскую и советскую литературу. Кобо Абэ говорит, что на него огромное влияние, особенно в юности, оказало творчество Достоевского, а из современных советских прозаиков больше всего ему нравится Леонид Леонов.

— До сих пор, — добавляет он, — с удовольствием вспоминаю встречи с Леонидом Леоновым в Москве несколько лет назад.

Выдающимся поэтом считает Маяковского.

Спрашиваю Абэ, каких писателей всех времен и народов он причисляет к своим любимым авторам. Кобо Абэ называет имена Сервантеса, Достоевского, тут же добавляя, что, помимо этих великих мастеров, ценит еще и других.

— Абэ-сан, что бы вы хотели передать советским читателям? — задаю я последний вопрос автору романов «Женщина в песках», «Сожженная карта» и «Чужое лицо», переведенных в СССР.

— Я рад, что мои сочинения известны в Советском Союзе. Надеюсь, что читатели вашей страны еще встретятся с моими работами.

Прощаясь с Кобо Абэ, я желаю писателю успешно завершить работу над новым романом и написать еще много прекрасных книг.

Николай ГЕРОНИН,
корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ТОКИО—МОСКВА

* Сэнсэй (японское) — учитель, маэстро.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ...

Андрей ГУЛЯШКИ,
болгарский писатель

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Работая над исторической трилогией «Золотой век», я написал «между делом» три небольшие повести на современную тему. Одна из них — «Романтическая повесть» — переведена на русский язык и напечатана в прошлом году журналом «Иностранная литература». Две другие называются «Случай со Ставревыми» и «Возвращение инженера Надина».

В трилогии «Золотой век» рассказывается о событиях эпохи царя Симеона, конца IX и начала X веков. А в повести «Возвращение инженера Надина» поставлены проблемы, возникшие из взаимоотношений человека с кибернетикой. Во времени сюжеты очень отдалены, их разделяют много веков, поэтому мне часто задавали вопросы: как мне удается вырваться из раннего Средневековья и сразу войти в проблематику нашего дня, а из современности вернуться без помощи «машин времени» в дебри Средневековья? Спрашивали меня и о том, не тормозит ли уход в историю работу над сегодняшним материалом. Я отвечал, что «переброска» — это чисто субъективная сторона вопроса: все зависит от творческого влечения, от созревшего в душе настроения.

Если можно шутить по поводу «путешествий во времени», то совершенно серьезно и без колебаний я говорю, что работа над историческими сюжетами не только не мешает, но и в значительной степени помогает осмысливанию материала наших дней.

Мне небезынтересно проследить, например, как возникли и какую претерпели эволюцию некоторые черты национального характера, как они складывались в различных общественных формациях. Мы постоянно говорим о переменах в сознании человека, и, может быть, одна из самых важных сторон деятельности писателя — открывать эти перемены, улавливать их возникновение. Поэтому интересно и полезно проследить так называемую изменяемость человеческого сознания.

Мои «путешествия» в историю вооружили меня разумным оптимизмом. История помогает мне открывать в современнике лучшие черты предков, а в жизни предков — мечты, боль и радость нынешнего человека.

Марлон БРАНДО:

«МЫ ЛИШЕНЫ ЧУВСТВА СПРАВЕДЛИВОСТИ...»

Творчество американского актера Марлона Брандо связано с лучшими лентами кино США. Им сыграны главные роли в фильмах «Трамвай Желание», «На набережной», «Вива, Сапата», «Молодые львы», «Погоня», «Крестный отец». Несколько лет тому назад Брандо расторгнул контракт с Голливудом. В предлагаемом нами интервью, которое мы перепечатываем с сокращениями из итальянского журнала «Зуропео», Брандо говорит о том, как бесконечно мала роль актера в современном западном киноискусстве, превращенном в «индустрию развлечений».

Брандо уже несколько лет не выступает в печати. Он сказал корреспонденту «Зуропео», что до 1982 года больше не намерен давать интервью. Горькие разочарования, неприятие «общества потребления», надежды — пусть и утопические — отделить себя от этого общества, стыд за свою страну, которая «лишена чувства справедливости» и ведет позорную войну во Вьетнаме, — вот безрадостный итог жизни одного из талантливейших американских актеров современности.

— За последние годы в вашей карьере было много критических моментов. Принес ли вам удовлетворение успех фильма «Крестный отец»?

— Да, если говорить об удаче, фильм принес мне удовлетворение. Но вообще, по-моему, успех и слава не имеют ничего общего с трудом, который должен был бы их оправдать. Слава превратилась в самоцель. Сейчас все заботятся не о том, чтобы создать что-то нужное, хорошее, а о том, как бы стать знаменитыми. Это стало своего рода социальной болезнью, которой все мы заражены в той или иной степени.

— Не кажется ли вам, что вы, Марлон Брандо, как художник можете помогать людям лучше понимать друг друга?

— Ничуть. Рекламная техника гораздо эффективнее меня, художника, в смысле влияния, оказываемого на людей. Вам говорят, какие сигареты нужно курить, какую носить одежду, какими косметическими товарами пользоваться, какой покупать автомобиль, вам указывают даже, что вы должны есть. Специалисты рекламы, особенно те, что пользуются телевидением, могут сделать из нас все, что захотят. Обыватель все переварит. Такова особенность нашей эры техники. Но хотя мы имеем возможность оказывать влияние на себе подобных во второстепенных вопросах, не следует думать, будто мы можем изменить самую душу человека.

....Иногда, посмотрев фильм, прочитав книгу, мы начинаем чувствовать, что близки к какому-то откровению. Эта интуиция, это почти не поддающееся определению чувство, по мере того, как мы размышляем над увиденным или прочитанным, все растет и крепнет. И то, что в нас происходит, мы приписываем воздействию фильма или книги.

— К сожалению, люди идут в кино не ради откровения, а для того, чтобы развлечься, посмотреть игру того или иного актера.

— Нет. Отношения, устанавливающиеся между артистом и его публикой, сложнее. Зрители считают фильм хорошим лишь в том случае, если артист сумел воплотить их фантазию, придуманные ими призраки, и показать их такими, какими видят их они. Но если работа артиста не отвечает их чувствам или если философия фильма не отвечает их философии, зрители отвергают его.

— Значит, артист — это не что иное, как воплощение фантазии публики?

— Артист — как домашнее животное. Поклонник какого-нибудь артиста думает о нем так, как можно думать о любимой собаке или кошке. Душевная привязанность побуждает хозяина приписывать животному достоинства, недостатки или черты, которых у того, быть может, вовсе нет. То же самое происходит и с актером. Он вскоре превращается в орудие, в средство, отдающее свое лицо и тело призракам, придуманным самой публикой.

— Если все это так, выходит, что роль артиста довольно ограниченна. А ведь артисту всегда следовало бы знать, что именно готова принять публика.

— Меня лично мой облик мало интересует. Но большинство людей страдает от этого: чем можно объяснить успех многих рекламируемых товаров, как не желанием самой публики, чтобы ее обманули рекламой? То же самое происходит и в политике. Цель наших политических деятелей, как и цель специалистов по рекламе, состоит в том, чтобы сбыть определенный товар. Это уже от потребителя зависит, что именно ему будут навязывать: мужество, национальную гордость, сексуальное превосходство или отвагу. Все это — средства манипуляции людьми.

До недавнего времени нам говорили, например, что война во Вьетнаме необходима, а вот теперь многие политические деятели доказывают, что это совсем не так... Но самое страшное, самое чудовищное заключается в том, что многие мои соотечественники никогда, ни на одну минуту не сомневались в своей правоте, что они никогда не задавались вопросом: а действительно ли Соединенные Штаты поступают правильно?

— Другими словами, они считали и считают, что Америка — самая ответственная и самая уважаемая страна в мире...

— Совершенно верно. Однако история все это опровергает. Нам, конечно, проще и удобнее не вспоминать об этом. Мы, американцы, без всяких на то оснований решили быть силой, несущей ответственность за весь мир, и всегда находим моральное оправдание своим действиям. Все забывают, что мы заключили четыреста договоров с индейцами и что ни один из этих договоров не выполнили. И однажды наступил момент, когда мы начали истреблять индейцев — физически, экономически, духовно, — и весьма преуспели в этом малопочтенном занятии.

— Что же остается делать? Сушить весла? Говорят, вы купили остров где-то в тропиках.

— Я не считаю приобретение острова свидетельством того, что я отступил или, как вы выразились, намерен сушить весла. Я хочу, чтобы он стал образцом совсем иного, нового образа жизни. Я хочу доказать, что можно жить, потребляя гораздо меньше энергии, и плевать на ресурсы современного мира. Мы уж как-нибудь обойдемся без нефтяных монополий, бензиновых картелей, стали и автомобилей. Мы не допустим, чтобы за наш счет жирели паразиты, высасывающие кровь из современного общества развитой техники.

— Ваши идеи очень интересуют людей. Почему вы против информации, касающейся лично вас?

— Информация, вне всяких сомнений, — одна из самых крупных отраслей индустрии в мире. Каждый вопрос снабжен этикеткой с указанием цены, и каждый, кому удается ответить на этот вопрос с привлечением наибольшего количества интимных подробностей, получит за это наибольшую мзду. Нет ничего, что продавалось бы так же хорошо, как чужая частная жизнь.

— Теперь поговорим о сегодняшнем дне или о ближайшем будущем. Каковы ваши планы?

— Я бы хотел делать фильмы, непосредственно затрагивающие всех нас. Фильмы о загрязнении окружающей среды, о насилии, агрессивности, перенаселенности Земли. Фильмы не художественные, а документальные. Через несколько месяцев я намерен начать работать над документальным фильмом об американских индейцах.

— Чем вы собираетесь заняться еще?

— Хотелось бы также снять фильмы о некоторых аспектах жизни, обычно остающихся в тени. Вот вы сидите и спокойно беседуете со мной, зная, что в эту самую минуту во Вьетнаме сжигают детей напалмом. В общем я хотел бы рассказать о фактах, как бы удаленных от нас и, на первый взгляд, нас непосредственно не затрагивающих.

Я хотел бы показать, что когда события видишь вблизи, то начинаешь пересматривать многие идеи, принципы, факты, которые стали для нас привычными только потому, что они от нас удалены.

— Вы считаете, что такого «приближения» достаточно?

— Нет, конечно, нет. Увы. Грустно говорить об этом, но мы не умеем смотреть на вещи в перспективе, мы лишены чувства справедливости. Даже когда наши преступления очевидны для всех, мы продолжаем отрицать свою вину. Мы не желаем признавать, что Америка может ошибаться. Вы помните процесс над лейтенантом Келли? Большинство американцев не хотело, чтобы его осудили. Но ведь во время второй мировой войны все американцы, как и весь мир, желали гибели нацистам. После войны американцы обвиняли многих: японцев, немцев, итальянцев. А вот теперь, когда вина падает на Америку, все обстоит по-иному. Мы не можем признаться, что поступали плохо.

— Сейчас снимается много политических фильмов. Неужели вы считаете, что они не оказывают воздействия на зрителей?

— Снимать политические фильмы — очень нужное дело. «Юнайтед Артистс», например, сейчас готовит два фильма режиссеров-коммунистов. Я не коммунист и вообще никогда не состоял ни в какой партии, но считаю, что очень важно отнестись к точке зрения коммунистов по-умному и задаться вопросом: «К чему они стремятся?»

— После «Крестного» вы, наверное, получили много предложений.

— Странно, но я никогда не был по-настоящему актером. Я стал им потому, что не знал, как распорядиться своей жизнью. Кто угадает, что было бы, если бы я знал... Проходят годы, прежде чем начинаешь кое-что понимать...

— Вы хотите сказать...

— Да. Что касается моей карьеры артиста, то я думаю, что конец ее очень близок.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПАНОРАМА «ЛГ»

КТО, ГДЕ, КОГДА

ПРЕМИИ им. Г. ГЕЙНЕ

Премии имени Генриха Гейне за 1972 год вручены в ГДР поэту Стефану Хермлину и литературоведу Гансу Кауфману.

Поэт Стефан Хермлин с 16 лет связал свою судьбу с коммунистическим движением и после эмиграции из нацистской Германии боролся с фашизмом в Испании и Франции. Тема антифашистского Сопротивления занимает значительное место в его творчестве. Поэзия Хермлина, актуальная по содержанию, по своей форме продолжает во многом демократические традиции классической немецкой поэзии, особенно лирики Гейне.

Профессор Ганс Кауфман — один из ведущих представителей марксистско-ленинского литературоведения ГДР. Его многочисленные литературно-критические и историко-литературные работы нашли широкое признание. Международную известность получила книга «Генрих Гейне. Духовное развитие и художественное творчество» (1967 г.).

ВИСКОНТИ О ВАГНЕРЕ

Известный итальянский режиссер Лукино Висконти закончил недавно работу над фильмом «Сумерки богов» о великом немецком композиторе Рихарде Вагнере. Роль жены композитора Козимы Вагнер исполняет актриса Сильвана Мангано, знакомая советским зрителям по фильму Де Сантиса «Горький рис».

На снимке: Сильвана Мангано в фильме «Сумерки богов».

КТО, ГДЕ, КОГДА

ПЛАНЫ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

После пятилетнего перерыва (последний его фильм — «Графиня из Гонконга») 83-летний Чарли Чаплин собирается приступить к съемкам новой картины. Героиня ее — молодая девушка, родившаяся с крыльями на спине, — попадает в руки предприимчивых бизнесменов, стремящихся нажиться на ее «уродстве». Отсюда и название — «Уродец».

Чаплин, как обычно, — не только автор сценария и постановщик фильма, но и исполнитель одной из ролей. В главных женских ролях будут сниматься две дочери великого артиста — 23-летняя Жозефина и 20-летняя Виктория. Съемки должны начаться в этом году в Англии.

ДЖИНА ЛОЛЛОБРИДЖИДА — ФОТОГРАФ

«Твоя книга — это портрет Италии и одновременно автопортрет», — пишет известный итальянский писатель Альберто Моравиа в предисловии к альбому фотографий, сделанных Джиной Лоллобриджидой. В течение четырех месяцев знаменитая актриса с фотоаппаратом в руках ездила по Италии. Чтобы не привлекать внимания, она сохраняла строгое инкогнито, надевая черные очки и парик. «Жертвами» скрытой камеры Лоллобриджиды оказались Феллини, уличные девицы, художники, мафиози... Двести пятьдесят фотографий, снятых актрисой, собраны в книгу «Моя Италия».

На снимке: Джина Лоллобриджида.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Жак ПРЕВЕР

ВЕЩИ И ПРОЧИЕ ВЕЩИ...

Трудно сказать, чего больше на письменном столе Жака Превера: книг, стопок бумаги, блокнотов, грампластинок или цветных карандашей и авторучек всех видов и систем. Кажется, что каждое свое произведение поэт пишет особым карандашом, что для каждого настроения у него есть свой цвет. Это, конечно, не так. Подобного рода методичность не свойственна расковренному, спонтанному характеру творчества Превера, но поэт попеременно пользуется всеми своими полиграфическими инструментами, когда, даря вам на память свою книгу или пластинку, обязательно рисует на обложке или футляре что-нибудь веселое, забавное.

Читая и перечитывая потом подаренные стихи, вспоминаешь радугу красок, раскинувшуюся у рук писателя. Вспоминаешь, ибо поэтическая палитра Превера богата самыми разными цветами и оттенками. Их все можно обнаружить и в новом, только что вышедшем сборнике «Вещи и прочие вещи».

«Превер 1972 года похож на Превера 1936 года, как две капли красного вина», — сказано об этой книге в газете «Фигаро». Как известно, хорошее вино с годами становится только лучше, и в таких своих новых стихах, как «Анджела Дэвис», «Май 1968», «Париж стоит на Сене», и многих других поэт ярко выразил свою верность демократическим идеалам, верность красному цвету 1936 года, года Народного фронта. «Фигаро» напоминает, что Жану Превер принадлежит во Франции своеобразный рекорд: тиражи его книг оставляют далеко позади тиражи других французских поэтов XX века, и это в то время, как на страницах литературных журналов и еженедельников о его творчестве пишут не так уж много.

Новая книга стихов Превера встречает Новый год во многих французских домах. Она входит в них с добрым новогодним пожеланием:

Чтобы реки были
прозрачными,
Море — чистым,
Хлеб — свежим,
Чтобы летом было лето,
Зимой — зима,
весной — весна,
осенью — осень,
Чтобы сгинули войны,
Чтоб любовь
была любимой...

Н. РАЗГОВОРОВ

Париж стоит на Сене

Отгадайте, что это:
Всегда она в городе,
И, однако, все время лишь
приходит,
И, однако,
все время уходит.

— Это — река! —
Восклицает ребенок,
Счастливый любитель
загадок,
И с снежным видом
добавляет,
Что река называется
Сеной,
Если город зовется
Парижем.

Сена, она — как и все мы:
Иногда она очень спешит
И, набегавшись за день,
Ускоряет свой шаг
еще больше
С наступлением сумерек,
А весной иногда
Не спешит никуда
И смотрит на вас,
как зеркало,
И если вам грустно,
Она с вами грустит,
Улыбается вам,
чтоб и вы улыбнулись.
А летом — Сена вся
из смеха и солнца.

— Сена, — нот говорит, —
Это кошка,
она тихо мурлычет,
Если мы с ней в ладу,
А может быть, мышка,
Сена — это завод,
Сена — это работа.
Против течения
и по течению
Тащит она на своей спине
Уголь, зерно,
Соль и вино,
Против течения
и по течению
Плывут состояния
и разорения.
Куда б ни тащились баржи
Все зависит от курса
на бирже.
Баржи с бутылками,
с битым стеклом,
Скандалистка, упрямица,
хитрая бестия,
То грызется с мостами,
То впадает в мечты,
Сена, я ее знаю, Сена —
это все сразу:
Коварство и ласка,
Капризы и нежность,
И лень, и задор,
С ней непросто, поверьте...
— Сена — это такая ж
река, как другие,—
Говорит господин
равнодушный,
Всем довольный
И недовольный ничем,
От нечего делать решивший
Поиграет со мной
и юркнет под мосты.

— Сена — это красавица
прежних времен.
Когда был еще жив
наш французский
канкан, —
Говорит пожилой человек
На корме
пароходишка ветхого.
Как полы его пиджака,
И глаза его ищут
в убегающей пене
Рой далеких видений.

— Сена,— говорит рабочий,
Человек труда,
человек мечты,
Напряженных мускулов
и капелек пота, —
Ржавчина гложет
железный лом —
Груду старых кроватей,
Отслуживших свой век.
Сена — это завод, —
говорит человек
В синем комбинезоне, —
Сена — это работа.

— Сена, я ее знаю как свои
пять пальцев, —
Говорит капитан
буксирного судна, —
С нею трудно поладить,
когда —
Я час морского прилива —
Она яростно сцепится
с морем,
А потом отбушует
и спит, как котенок.
Сена, нет,
это вам не паркет!
Покататься немного
на новеньком катере
для туристов,
Белом-белом,
Стерилизованно чистом.
— Река, — говорю я, —
как другие,
С мостами, досками,
набережными,
Со сточными грязными
водами.
Иногда в ней кто-нибудь
тонет,
Иногда в ней топятся сами.
Река, как другие,
И не брезгует вовсе ничем,
Даже дохлой собакой.
Вот сидят рыболовы,
И хотя бы один
Хоть когда-нибудь
что-нибудь выудил!
Река, — говорю, —
как другие.
И, поверьте, я первый
Сожалею, что это
именно так...

Сена слышит его
И молчит, улыбаясь тайком,
А потом, устремляясь
вперед,
напевает тихонько:
— Я такая ж река,
как другие,
Как другие, как другие.
Я — водный поток,
такой же,
Как другие потоки воды
В гордых горных ущельях
И в подземных пещерах,
Я — река,
И во мне облака и снега,
Я такая ж река, как другие.
Как Дюранс и
Гвадалквивир,
Амазонка и Волга,
Рейн, Темза и Нил,
Как река Амур,
Как река Любовь!
Напевает Сена тихонько,
И ночью Млечный Путь
с нею вместе течет,
Отражается в ней
И его золотая тишина
растворяет
Железный грохот
трудового дня Сены.

— Как рана любовь! —
Говорит человек, который
Слышит Сену,
понимает ее язык
И знает ей цену. —
Нет, Сена, ты — не река,
Ты — сама любовь,
Ты — мой ручеек,
Мое кругосветное
путешествие,
Ты — отпускная неделя
я моей трудной жизни,
Слышишь, Сена, —
твой Лувр,
Тюильри, Эйфелева башня,
Собор
Парижской богоматери,
Лионский вокзал —
Это все мои замки,
мои родовые владенья...
на Луаре.
Сена — Ривьера моя,
И ни один турист
Не увидит ее такой,
Какой я ее вижу.
И когда в непогоду
От нее веет холодом
и тоской,
Моя память меня
не подводит,
И другою я помню —
мою Сену.
И поэтому даже
я тоскливые дни
Я не стану называть ее
Тяжким бременем, мукой,
несчастьем.
Моя Сена,
Я ее не отдам
ни черным кошмарам,
Ни розовым сказкам.

Не отдам... И когда
на Новом мосту
Или под Новым мостом
Ветер последнего дня
задует мою свечу,
Когда я завершу все
земные труды,
Когда сделаю все,
что я должен был
сделать,
На пороге покоя
я еще раз улыбнусь
и скажу:
Жила-была на свете Сена,
Жила-была,
Жила-была Любовь,
Жило-было Горе,
Жило-было Счастье.
Жила-была на свете Сена,
Река Труд,
река Любовь,
река Жизнь.

Песенка

Разрешаю, из своих ресниц
Можешь сделать сколько
хочешь птиц.
Разрешаю, из своих волос
Можешь сделать сколько
хочешь роз.
Можешь сделать из своих
бровей
Сколько хочешь злых
и добрых фей.
Но, прошу,
из сердца своего
Сделай друга только
одного.

Строгие дети

Папы и мамы,
Смотрите под ноги.
Папы и мамы,
Глядите, куда вы идете,
Папы и мамы,
Смотрите направо,
смотрите налево,
Папы и мамы,
посмотритесь в зеркало,
Папы и мамы,
Смотрите нам в глаза.

«ЛИТЕРАТУРКА» КЛУБА «ДС»

Сегодня администрация «Клуба ДС» предлагает читателям специальный новогодний экстренный выпуск «Литературки» — органа «Клуба 12 стульев».

Дело в том, что в 1972 году «Клуб ДС» получил писем намного больше, чем в 1971-м, и почти вдвое больше, нежели в 1970-м. На вопрос: «Чем это объяснить!» — писатель Евг. Сазонов сказал: «Почта стала работать лучше...» И вот почти в каждом письме читатель почему-то считает своим долгом известить, что «Литературную газету» он всегда начинает читать с 16-й страницы. «А правильно ли это! — подумалось администрации. — Может, это и неправильно!»

И было решено наказать тех читателей, которые начинают читать газету с последней страницы. Было решено отказаться на этот раз от всяких там юмора и сатиры и заняться прочей тематикой «ЛГ». Ибо читатель обязан знать, что печатается вслед за шестнадцатой страницей. Это будет отражаться на его гармоническом развитии.

С Новым годом, друзья!

ОБ ИТОГАХ КОНКУРСА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК» 1972 ГОДА

Администрацией «Клуба ДС» рассмотрен при закрытых дверях вопрос об итогах конкурса на лучшее сатирическое произведение ушедшего 1972 года. Администрация подошла к этому делу с максимальной объективностью и минимальной субъективностью. В итоге родилось такое очень правильное решение.

Первую премию не присуждать.

Вторую премию не присуждать.

А третью премию решено присудить. Причем, две сразу:

В размере 200 рублей — Дмитрию ИВАНОВУ и Владимиру ТРИФОНОВУ за определенное количество хороших рассказов, опубликованных в истекшем году («ЛГ», №№ 20, 40, 48).

В размере 200 рублей — Валерию ДЖАЛАГОНИЯ за рассказ «Пропала фаза» («ЛГ», № 40).

Присудить целый ряд поощрительных премий. В частности:

Премию в размере 150 рублей — подполковнику авиации Павлу ХМАРЕ за цикл стихотворений, опубликованных под рубрикой «Ироническая поэзия».

Премию в размере 150 рублей — художнику Вагричу БАХЧАНЯНУ за бескорыстность, скромность, преданность «Клубу 12 стульев», а также за десятки иллюстраций к литературным произведениям, публикуемым на 16-й странице «ЛГ».

Премию в размере 100 рублей — Анатолию ТЕР-ГРИГОРЯНУ (он же А. Эйрамджан), выпускнику высших сценарных курсов, за рассказы «Сколько не жалко!» («ЛГ», № 16) и «После ревизии» («ЛГ», № 36).

В минувшем году на 16-й странице «ЛГ» появились новые рубрики, подсказанные нашими читателями. И не только подсказанные, но и ведомые широкими читательскими массами. В связи с этим администрация решила:

Присудить премию в размере 100 рублей читателям из города Минска М. ЗУБКОВУ, В. КАРПОВУ, Б. НОРМАНУ, Л. ПОДОЛЬСКОМУ и А. СПИЧКЕ — за идею рубрики «Толковый Этимологический Словарь» (ТЭС «Клуба ДС»).

Присудить премию в размере 50 рублей читателю из города Киева Юрию БАТИЦКОМУ — за идею рубрики «Толковый Фразеологический Словарь» (ТОФС «Клуба ДС»).

Администрация «Клуба ДС» пришла к единодушному мнению, что рассказ тов. Гр. ГОРИНА «Остановите Потапова!» («ЛГ», № 7) является одним из лучших рассказов страницы «Клуба ДС» 1972 года. Однако, учитывая тот факт, что тов. Горин уже дважды *получал высшие* литературные премии «Клуба ДС» и что в настоящее время тов. Горин материально не нуждается, а также то, что минувший год был вообще високосным, — было решено поздравить его с большим литературным успехом и с Новым годом, а от присуждения ему очередной премии воздержаться.

Администрация «Клуба ДС» сердечно поздравляет новых лауреатов конкурса «Золотой теленок» и велит им не зазнаваться.

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

В СПОРАХ РОЖДАЮТСЯ НЕПРИМИРИМЫЕ ИСТИНЫ

Имело честь выйти в свет седьмое издание «Бурного потока». Администрация «Клуба ДС» вызвала к «круглому столу» известных критиков Х. Оськина и Степана Чупрунова. Предлагаем читателям запись их бескомпромиссной беседы о недостатках романа.

Степан ЧУПРУНОВ: Кто не знает *прославленного* писателя-душелюба Евг. Сазонова?..

Х. ОСЬКИН: *Я перебью вас.* Нет слов, когда хочешь сказать *о романе века так,* чтобы навстречу ему раскрылись *человеческие сердца...*

Степан ЧУПРУНОВ: Я вас тоже перебью. Большой художник, мастер слов, Евг. Сазонов много сил потратил на ниве создания многокрасочного...

Х. ОСЬКИН: ...полотна, расцвеченного палитрой из жизни общества и его представителей.

Степан ЧУПРУНОВ: В своей статье вы назвали роман века гениальным романом?

Х. ОСЬКИН: Да.

Степан ЧУПРУНОВ: А вот я пришел к выводу, что ваша формулировка в корне ошибочна. Я бы сказал, что это жутко гениальный роман.

Х. ОСЬКИН: Согласен с вашей нелицеприятной критикой и полностью признаю свою ошибку. Но и я хочу поспорить с вами.

Степан ЧУПРУНОВ: Прошу, коллега, оттачивайте свое критическое кредо.

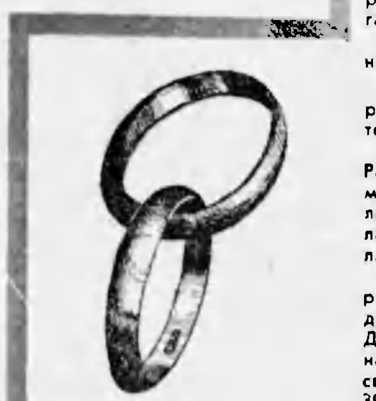
Х. ОСЬКИН: Вы сказали, что «Бурный поток» — это роман века. Но почему бы не раскрыть читателям всю правду? Ведь все, что выходит из-под пера Евг. Сазонова, нельзя не назвать произведениями века.

Степан ЧУПРУНОВ: Ну что ж. Вы очень тонко вскрыли мой критический промах. *Признаю вашу правоту.*

Х. ОСЬКИН: Несмотря на принципиальное и непримиримое расхождение наших позиций, я думаю, вы вместе со мной верите, что, вопреки предсказаниям злопыхателей, Евг. Сазонов напишет на радость всем нам рассказ века, стих века, рецензию века, повесть века, кинофильм века, телефильм века и что-нибудь про человека века.

Степан ЧУПРУНОВ *(резко перебивает оппонента):* И все же это будут вещи жутко гениальные! Да-да, и не спорьте!

Беседу записал специальный корреспондент «Рогов и копыт» Ратмир ТУМАНОВСКИЙ



Подарок супругам от художника В. Пескова

Новогодний подарок молодоженам от дяди Паши

Здесь жила красивая Рая

Сергей БОДРОВ

СВЯТОЧНАЯ ПРОЗА

КРАСАВИЦА РАЯ

БЫЛА у начальника цеха Евгения Ивановича красавица дочь. Рая.

Однажды пришла Рая в Дом культуры на праздник. Там много народа, игры, аттракционы, выступление артистки Голубкиной. Увидели ее Клюев, дядя Паша и Витька, сразу влюбились. С первого взгляда. Не в артистку Голубкину, а в Раю.

Была весна, на предприятии — тишина и много свободного времени. Стали они думать. Сидят ли в столовой, листают ли журналы, пьют ли газированную воду или играют в кегли, все думают.

— Я после армии, — говорил Клюев, блондин, кудрявый, *в белом халате,* — у меня перспективы.

Он работал программистом.

— По дому я могу все делать, — рассуждал дядя Паша, — ничего, что пожилой, зато опытный.

Дядя Паша по специальности был расточником.

— Только что из института, — вздыхал Витька, — какие у меня шансы?

Должность у Витьки — инженер.

А Рая в это время уехала на *каникулы к дедушке* в деревню Рязанской области. Идет по околице, несет два ведра из колодца, так все ребята за ней бегут, предлагают:

— Рая, пойдемте сегодня на танцплощадку?

И в Рязанской области поражала она всех своей красотой.

Когда кончились каникулы, Рая приступила к занятиям в медицинском училище. Училась она хорошо, привлекала ее хирургия. Иногда ходила в кино.

И вот наступила зима, скоро Новый год. Прохожие падают — на улице гололед. Дядя Паша, Клюев и Витька наконец решились, поехали свататься. На трамвае, на 39-м номере.

Декабрь, снег идет, идет, тает, циклоны бушуют в Индийском океане, а они едут на трамвае, у них — любовь...

Приехали, улицу нашли, дом нашли, подъезд, квартиру, звонят.

— Здравствуйте, — говорят, — приехали свататься.

А у начальника цеха Евгения Ивановича голова болит, потому что декабрь, снег идет, океан штормит и в цехе штурмом план берут.

— Почему? Кто виноват? — спрашивает Евгений Иванович. — Плановые органы, дирекция?

— Не знаем, — говорят гости, — мы вот свататься приехали.

— Э-э, — махнул рукой начальник цеха.

Но тут как раз Рая вышла, всем улыбнулась. Предложила чаю с вареньем из крыжовника.

— Сама варила, когда летом в деревне была, — сказала Рая.

Красивая...

— Я после армии, — хриплым голосом начал Клюев, — у меня перспективы.

— А зовут вас как? — спросила Рая.

— А. Е. — ответил Клюев.

— Очень приятно, — сказала Рая.

— А я по дому могу все делать, — сказал дядя Паша.

— Сколько вам лет? — спросила Рая.

— Пожилой... — ответил дядя Паша.

— А выглядите моложе, — сказала Рая.

— Вопрос у меня... — шепотом сказал Витька, — я после института, инженер... Есть у меня шансы?

— По-моему, есть, — ответила Рая.

Витька приободрился.

— Ну, папа, решай, — сказала Рая. — А я пойду на каток покатаюсь.

Надела она темно-синий костюмчик, красную шапочку, теплые варежки, взяла книжку, чтобы по дороге читать, — мемуары.

Умница была дочь у начальника цеха.

А он записывал колонки цифр в блокнот, бормотал, на логарифмической линейке решал задачу.

— Решай, папа, — сказала Рая. — Мне все нравятся.

— А чего решать? — сказал Евгений Иванович. — Кто план годовой раньше срока выполнит, по три рационализаторских предложения внесет, в хоккейную секцию запишется, за того и отдам! На Новый год — свадьба!

Как голодные, накинулись на работу Клюев, дядя Паша и Витька.

Завод лихорадило. Через две недели цех вышел на первое место по всем показателям и понесся дальше...

А друзья-соперники день и ночь все сидели, придумывали и точили на станке. Не могли остановиться. Новая жизнь их увлекла.

Как-то начальник цеха зашел в лабораторию к Клюеву. Тот сидел, склонив голову к электронной машине.

— Вылезай, — засмеялся Евгений Иванович.

— Не хочу... — донесся голос Клюева.

— Ты что там делаешь?

— Паяю...

Евгений Иванович пошел в хоккейную секцию. Дядя Паша стоял в воротах.

— Иди сюда, — сказал Евгений Иванович.

— Не могу! — крикнул дядя Паша, отбивая шайбу. — Последняя тренировка!

Витьку начальник цеха поймал в коридоре.

— Вызывают, — сказал Витька. — Туда. Задумка моя понравилась. Эх, Рая! — вспомнил он и побежал дальше.

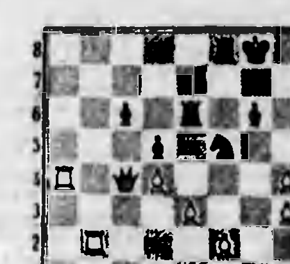
Начальник цеха пришел домой и сказал своей дочери:

— Не могут они.

Красавица Рая улыбнулась.

...И вот вчера она вышла замуж за лейтенанта пограничных войск, а сегодня уехала с ним на далекую заставу. В Энский район. Свадьбу справили под Новый год. Честное слово.

Ее любимая буква, с которой, по мнению администрации «Клуба ДС», начинается слово «счастье».



Позиция, в которой Рая провела изящную комбинацию с жертвой трех важных фигур

А здесь она родилась

1. Раечка
2. Товарищ лейтенант
3. Евгений Иванович
4. Клюев
5. Дядя Паша
6. Витька
7. Автор рассказа
8. Художник

В. БАХЧАНЯН

АВТОПАРОДИЯ «КЛУБА ДС»

ПИСАТЕЛЬ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ЗАДУМКИ, КОТОРЫЕ ГРЕЮТ

Беседа с Евг. Сазоновым

Мы застали прославленного людоведа и душелюба Евг. Сазонова за его любимым занятием: писатель аккуратно раскладывал на своем рабочем столе чистую бумагу ровными стопками, по числу освоенных им литературных жанров. Таких стопок мы с восхищением насчитали двенадцать!.. После этого мы задали писателю несколько вопросов.

М. — Чем вы порадуете наших читателей в ближайшее время?

О. — В ближайшее время я порадую наших читателей новыми произведениями.

М. — Мы знаем, что некоторые писатели неохотно делятся творческими планами. Может быть, вы все же найдете возможным...

О. — Найду. У меня есть несколько творческих задумок, которые меня греют. Я вынашиваю замысел романа в трех частях под полемическим названием «Курица — не птица?».

М. — Вы сказали, что у вас есть несколько задумок..

О. — Да. И все они меня греют. В жанре поэзии я намерен продолжить циклы своих «философемс», «раздумин» и «балладизмов», получивших, как известно, широкое читательское признание. Одновременно буду продолжать творческие поиски как в области формы, так и в области содержания. К примеру, существует такая стихотворная форма, как триптих. Я задумался: почему только триптих? И смело ввожу в поэзию такие понятия, как пятиптих и даже шестиптих. Не исключено, что на этом я не остановлюсь.

М. — Может быть...

О. — Охотно. Я замыслил еще один сценарий по мотивам своего нашумевшего романа «Бурный поток». Полагаю, что, покончив с классикой, наши кинематографисты сумеют успешно меня воплотить.

М. — А еще?

О. — А еще я приступаю к работе над книгой мемуаров «Пойди проверь». Кроме того, замыслил несколько своих творческих отчетов по телевидению под общим названием «Встреча с прекрасным».

Мы поблагодарили мастити того мастера за содержательную беседу.

В свою очередь Евгений Сазонов просил нас передать наилучшие пожелания как подписчикам «Литературной газеты», так и тем читателям, которые покупают ее в розницу или читают на уличных витринах.

ДВЕ СТРАНИЦЫ НА МАШИНКЕ

И ОЖИВЛЯТЬ НЕ СТОИЛО!

«Тритоны» — новое стихотворение Ангидрида Клюквина. Уже само название полемично. Почему «Тритоны»? Тот незначительный факт, что на эти вопросы получаешь исчерпывающий ответ, прочтя стихотворение, вовсе не оправдывает автора.

Итак, из вечной мерзлоты к нам (по сути — из царства мертвых в царство живых) попадают тритоны, которые до этого «спали пять тысячелетий». Попадают и оживают.

Однако уже во второй строфе мы узнаем, что они

Поели комариного мясца,
Но заново не прожили
и года,
А протянули только месяца.

Неоправданно пессимистическое начало! Там более, что это и конец. Ибо далее тритоны по понятным причинам ничего уже не совершают. Они погибают, хотя

...сторожа
С воскресших тварей
не спускали взгляда,
За их благополучие дрожа.

Думается, тритоны не выживают потому, что в стихотворении вни лишены конкретного признака. Каждый из них — лишь индивидуум, назойливо ратующий за свое биологическое (в буквальном смысле!) существование.

Впрочем не верится, чтобы опытные научные сотрудники (в тексте «сторожа». — Ред.) не сумели уберечь каких-то тритонов. Кстати, неясно и отношение к ним самого автора: положительные они у него или отрицательные? Задумываешься и над тем фактом, что тритоны — земноводные, то есть могут приспособиться и в воде, и на суше. Но здесь-то и разыгрывается трагедия: от своей среды тритоны оторвались, а вот в нашей среде (через пять тысячелетий!) освоиться не сумели. Что ж, такова беспощадная логика времени.

Тритоны Ангидрида Клюквина погибают. Это лишний раз говорит о их не только физической, но и художественной нежизненности. А если так, то явно не стоило их оживлять!

КИЕВ **Юрий ШАНИН**

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

КОЕ-ЧТО О ПЕРЕНАСЕЛЕНИИ ПЛАНЕТЫ

ИТАК, кое-кто нас пугает «демографическим взрывом». Кое-кто утверждает, что сейчас уже на Земле людям тесно, через десять лет будет еще теснее, а через пятьдесят наступит такая давка, что буквально ни пройти, ни проехать!

Я лично не верю пессимистам! Конечно, иногда и мне приходится ощущать на себе «демографический взрыв», скажем, стоя в очереди за пивом или покупая в театральной кассе билеты на Адамо... Когда тебя толкают в спину, орут: «Вы здесь не стояли!» — и отрывают пуговицы пальто, то жутко становится от мысли: что же будет через пятьдесят лет?.. Но тут же понимаешь: «А ничего страшного не будет!». Адамо к этому времени уже не станет петь, а ты не станешь пить пиво... Таким образом, проблема решится сама собой..

Кроме того, мне кажется, что уже и сегодня отдельные товарищи научились управлять «демографическим взрывом» и умеют избегать давки и толчеи там, где она могла бы стихийно возникнуть...

Недавно, например, я был на премьере в одном театре. В зале, кроме меня, было еще человек десять — пятнадцать. Мы все сидели удобно, в антракте не толкались в буфете, в гардеробе быстро получили пальто и ушли домой, выспавшись и отдохнув. Стало быть, можно?! Стало быть, сумели найти такого драматурга, режиссера и таких артистов, которые своим талантом предотвратили ненужное скопление народа в театре.

А как умело порой решают проблему «демографического взрыва» некоторые работники легкой промышленности? Все мы помним очередь в магазинах, где продавали галстуки. Что же теперь? В этих магазинах тишина, спокойствие, чистый воздух. Покупатели могут спокойно подойти к пустым прилавкам, поболтать с продавцами, обсудить последний телефильм.. И все это достигнуто нехитрым решением галстучных фабрик отказаться от старомодных узких галстуков и одновременно не выпускать широких.. Просто, как все гениальное!

И потому пускай пессимисты грозят нам перенаселением планеты! Этого могут бояться только люди, не верящие в человеческий разум.

Гр. ГОРИН

бумеранг

гор. ЧУГУЕВ. Ив-ану Пет-ову.

«Он был и дерзок,
и бестактен,
Как самый древний
теродактиль»

— От такого слышим.

КРАСНОЯРСК. Ол-ге С-доровой.

«Я послала вам стихи, а до сих пор нет ответа».

— На себя посмотри.

МОСКВА. В-лентину Соба-ину.

«Мне очень не понравился последний рассказ Арк. Арканова».

— А еще в шляпе.

КИЕВ. Ст-пану Проце-ко.

«Почему ваш бумеранг не всегда остроумный?»

— Сам дурак.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ДИАЛОГИ

КТО ЕСТЬ «Who»? *

ЧИТАТЕЛЯМ «ЛГ» небезынтересно будет познакомиться с полемическим диалогом на эту тему, проведенным по телефону между французским философом-детерминистом, ярым сторонником вентрикулярного «отражения» — Жаком-Полем Тигра и нашим известным певцом — Н. Валетовым. В этом диалоге много спорного, вздорного, субъективного, мистического, вокально-исполнительского, наивного, вызывающего внутреннее несогласие. Но ведь часто именно в таких спорах и рождается истина.

Телефонный звонок из Парижа застал Н. Валетова у себя дома.

Валетов. Алло!.. Кто говорит?.. Привет!.. Что слышно, мсье?

Ж.-П. Тигра. Говорите громче!.. Ничего не слышно!

Валетов. У меня тоже ничего особенного. Пою, выступаю, опять пою... А вы чего звоните?

Ж.-П. Тигра. Фу!.. Алло! Алло!.. Здравствуйте!.. Я, между прочим, не согласен.

Валетов. Вы имеете в виду новогодний фельетон Горина? Схалтурил старик!

Ж.-П. Тигра. Точки зрения Камю, Сименона и моя идентичны.

Валетов. Ваш Камю у нас продается. И Арманьяк, и Наполеон... 18 рублей бутылка... Кстати, неужели Сименону трудно сделать для меня пару песен? Что он — хуже Шаферана?

Ж.-П. Тигра. Шифоньер? При чем здесь шифоньер?

Валетов. Я говорю — хуже Шаферана!

Ж.-П. Тигра. Нужен? Вам шифоньер нужен?

Валетов. Хуже! Хуже!

Ж.-П. Тигра. Ну! А как вы к нему относитесь?

Валетов. К феномену?

Ж.-П. Тигра. Нет. К Сименону.

Валетов. Я хотел бы его петь. Это не его песня — «Дочь родилась у шарманщика старого Карла»?

Ж.-П. Тигра. Вы хорошо говорите по-французски!

Валетов. Это не я хорошо говорю по-французски. Это вы хорошо говорите по-русски.

Ж.-П. Тигра. Ах что вы говорите!..

Валетов. А вы что говорите?

Ж.-П. Тигра. Говорите громче! Ничего не слышно!

Валетов. А что может быть слышно? Все нормально. Сделал в Томске 64 концерта за три дня.

Ж.-П. Тигра. Я больше не могу..

Валетов. *Я-то могу, но не дают!*

Ж.-П. Тигра. *Я говорю: не могу больше разговаривать!* Время!

Валетов. Полдесятого.

Ж.-П. Тигра. Полдвенадцатого.

Валетов. Полдесятого.

Ж.-П. Тигра. Полдвенадцатого!

Валетов. Какая разница?

Ж.-П. Тигра. *Разница в два часа, но не будем полемизировать.* Привет читателям «ЛГ»!..

Валетов. Спасибо! А вы кланяйтесь Бальзаку и Золе!

Подслушал и записал Арк. АРКАНОВ

* Кто есть «who» (англ.) — who is «кто»?

ПЕРЕВОДЫ

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

«...У англичан существует неписаное правило, по которому в новогодний вечер или ночь каждый без всяких приглашений может прийти на праздник в любой дом, даже к совсем незнакомым людям, и будет радушно принят».

(«Наука и жизнь», № 12, 1972, стр. 151)

...Антон захлопнул журнал, поднялся с вокзальной скамейки и подумал:

«В городе этом я проездом, только до утра. Чем коротать новогоднюю ночь на вокзале, проведу-ка я ее у хороших незнакомых людей. Уж если англичане пускают на свой праздник посторонних, то у нас и подавно в шею не выгонят».

Чтобы не шататься зря по незнакомому ночному городу, Антон выбрал наугад новенький, ярко светящийся разноцветными окнами дом прямо на вокзальной площади и решительно позвонил в квартиру на первом же этаже.

— Вот те на! — воскликнул открывший дверь рослый пожилой усач. — Зятек любезный!.. Как же ты адрес узнал, ведь мы только неделю как из Ярославля сюда переехали — и новоселье и Новый год справляем. Неужто совесть заговорила? А то ведь лист исполнительный на Ленку и Наташку тебя уже два года по всей стране ищет. Пойдем, пойдем, не стесняйся, сейчас обо всем поговорим, все выясним... Ариша, доченька, твой блудный муж вернулся!..

Мало что соображавший Антон машинально снял дубленку и, проклиная английскую традицию, пошел неверной походкой навстречу своей незавидной судьбе.

Перевел с американского Никита БОГОСЛОВСКИЙ

ЧУДАКИ

С Новым годом, товарищ... Не лезь в бутылку!

И. МАКАРОВ

1+9-7=3

Новогодняя арифметика

А. АКОПОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А — 0619[illegible] Типография «Литературной газеты», Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 888 ИНДЕКС 50067